

Я П О Н И Я
П О
К О Н Т Р А К Т У

Л ю д м и л а Ф и о н о в а

16+

Людмила Фионова
Япония по контракту

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Фионова Л.

Япония по контракту / Л. Фионова — «ЛитРес: Самиздат», 2004

Героиня книги — русская женщина-физик, приехавшая по контракту в японский университет. Её работа с японскими коллегами, открытия, сделанные ею дома, в магазине, в больнице, на улице, в повседневной японской жизни — это содержание книги. В ней — жизнь японского университета, заботы преподавателей и студентов, будни и праздники японского города, отношения между жёнами и мужьями, родителями и детьми, радости молодожёнов и печали уходящих на пенсию стариков. В этой книге — путешествия по Японии, случайные встречи на заводе, в мастерской ремесленника. Беседы со священником, художником, лесорубом, журналистом. Размышления об успехах и трудностях современной Японии, об удивительном для иностранца японском менталитете, о нелёгких поисках взаимопонимания между людьми, принадлежащими к двум различным культурам.

Содержание

Вечерним вьюнком в плен я захвачен...	6
Глава I	7
Прощание с Родиной (Ищите Шинканзен!)	8
Здесь многому придётся научиться!	11
Тагами, футонг и пять пар тапочек	16
Моюсь на полу, стираю на балконе...	19
Японский дом (Японский дефицит)	23
Крупный мусор с Ягиямы	26
Сначала печаль...	28
Глава II	32
Давайте познакомимся, бабушка!	33
Сэнсэи (Я занят!)	39
Студенты	43
Как Вы думаете?	45
Абсолютно точные указания	48
Не надо о науке!	52
Как положить сливы в бутылку?	55
Китайский доктор Чен	58
Глава III	61
Автобус	62
Заботливый город	64
Банк (Ханко и гинко)	68
Маленькие японские хитрости	70
Магазин (Соя с соей)	73
Потрясающая упаковка (Подарок от трёх "М")	76
Обед (Суши)	79
Поликлиника (Конвейер на диванчиках)	83
Телефон (Налог на любовь)	86
Кнопки, скрепки, ластики... (Культурный шок)	88
Глава IV	92
Всё наоборот	93
Страна, где можно есть сырую рыбу	96
Урок икэбаны на рыбном рынке	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

*Посвящаю с благодарностью и любовью
моим родителям
моему мужу
моим японским и русским друзьям –
героям этой книги*

Вечерним вьюнком в плен я захвачен...

Вечерним вьюнком

В плен я захвачен... Недвижно

Стою в забытии.

Басё

Эта книга – заметки о жизни русской женщины в Японии. Я назвала эту женщину просто "она". Может, потому, что по-японски "онна" значит "женщина". Русская женщина, ослеплённая, восхищённая, впервые увидела Японию... А потом был год её жизни в этой стране. И восхищение сменилось изумлением – и это – великая Япония? Разочарованием. И желанием понять – кто же ты, Япония? Что ты? Так появились эти заметки.

Я писала о себе. О своей работе в японском университете, о своих друзьях – японцах и иностранцах, что жили рядом со мной, и о людях случайных, встретившихся на улице, в магазине, в больнице. Я записывала свои беседы с японским профессором и рабочим, с журналистом и священником, с лесорубом и художником, с учительницей и зеленщицей. С мужчинами, женщинами, детьми... Со студентами и уходящими на пенсию стариками. Так сложилась эта книга. В ней нет ни капли вымысла, а только живые люди, их истинные поступки и слова. В ней нет того, что есть Япония для иностранца, – нет сада камней, чайной церемонии, икэбаны. Окружавшие меня японцы редко бывали в таких местах. Они ходили на работу и в магазин, сидели в очереди к врачу, растили детей, ухаживали за стариками... И я вместе с ними ехала утром в переполненном автобусе, а вечером возвращалась в обычный японский дом, готовила такой же, как у соседней, ужин и так же, как они, засыпала на татами.

В этой стране меня интересовали прежде всего не музеи и храмы, а обитатели, люди. И японцы, словно чувствуя это, благодарно откликались, показывали, рассказывали, объясняли... Они радовали меня и злили, вызывали восхищение и боль, удивляли. Я запоминала трудные имена своих новых друзей, вникала в их проблемы, в их жизнь. В конце концов, я стала лучше понимать их и решила этим пониманием поделиться. Мне показалось – тот, кто узнает то, что узнала я, легче поладит с этой странной страной. У него не будут округляться от изумления глаза, как у меня когда-то, и не станет закипать кровь там, где ей вовсе не стоит кипеть.

Я писала и думала – почему Япония? Почему я пишу именно о ней? Я была во многих странах. Но эта взяла в плен сразу, сперва ослепив восторгом, потом скрутив почти ненавистью. Япония – сильная страна. Она держит своих подданных железной рукой и пришельца притягивает, затягивает, пытается подавить своей волей, поставить в свой строй. От неё трудно спастись, даже уехав. Япония не оставляет однажды увидевшего её. Догоняет книгами. И возмнивший себя свободным беглец садится за стол, чтобы вернуться в эту страну, склониться перед её властью. Много написано о Японии. Может, потому, что веками скрытая от мира, Япония была другой планетой, а потом родиной экономического чуда, "страной восходящей йены"? И в книгах о ней люди видели пособие "Как стать миллионером"?

Эта книга – ещё один взгляд на Японию. Взгляд русский, но по-японски внимательный к мелочам. Взгляд сегодняшней, но подкреплённый старинными японскими сказками, пословицами, трёхстишиями хайку. Мне показалось – они помогают лучше понять нынешнюю Японию, и я рассыпала их по написанному мной, как прелестные пёстрые камушки... Я старалась писать по-русски чётко. Но в конце концов многие главы обрели двойные заглавия. Наверное, потому, что так велит Япония, где любое сказанное слово можно толковать и так, и сяк, и под углом в сорок пять градусов. Но прямо – никогда...

Глава I Японское чудо

Цветы сурепки вокруг.
На западе гаснет солнце,
Луна на востоке встаёт.
Бусон

Прощание с Родиной (Ищите Шинканзен!)

Сначала покинул траву...

Потом деревья покинул...

Жаворонка полёт.

Басё

Небо над белыми кочками облаков становилось всё светлее – самолёт летел навстречу солнцу, на восток. Она ехала в Японию работать. Её должность называлась красиво и гордо – приглашённый профессор. Приглашал её Хидэо Кобаяси, давний друг. В восемьдесят восьмом, когда в Москве вышла её книга, она решила послать несколько экземпляров за рубеж коллегам – физикам. Американец промолчал, приняв дар, как должное. Француз прислал коротенькое "мерси". Из Японии пришло длинное письмо.

– Я хочу познакомиться с Вами, – писал доктор Кобаяси.

Она пригласила Кобаяси в Москву.

– Вы такая тоненькая! – Он удивлялся он и широко разводил руками, показывая ожидаемые габариты русского профессора. – А я думал, Вы такая... – Кобаяси улыбался и всё хвалил: метро, Москву, её лабораторию, её семью. И гордился: – Я – первый японский учёный, который сумел пробиться через железный занавес! Мы должны установить более тесные контакты.

Они встречались на конгрессах в Париже, в Риме, переписывались. Осенью девяносто четвёртого Кобаяси написал ей, что стал профессором и первым иностранным гостем своей новой лаборатории хочет видеть её. И попросил прислать бумаги. Накануне Нового Года он позвонил.

– Мне удалось получить контракт для Вас! На целый год!

– Это как новогодний подарок, Хидэо! – воскликнула она.

Она так и воспринимала стремительно приближающуюся к ней Японию – как подарок. Условия контракта были потрясающие.

– Вы известный профессор, – говорил Хидэо. – В нашей стране Вам положено...

Ей была положена большая зарплата, большая квартира... И билет в бизнес-классе, который прислали из Токио. У себя дома ей полагалось только удовлетворение от любимой работы. Академия наук своих сотрудников не баловала.

– Заграничный паспорт Вам надо получить у начальника, – сказали ей в иностранном отделе Академии.

Должно быть, начальнику отдела нравилось проходить к своему рабочему месту сквозь строй профессоров – у дверей его кабинета всегда толпилась очередь. Для поддержания очереди начальник использовал простенький приём – назначал свидание на утро, а сам являлся ближе к вечеру. И всех желающих принять не успевал. Она попала в кабинет на третий день. В пять вечера начальник с лицом озабоченным и брезгливым явился перед одуревшим от ожидания народом и исчез у себя в кабинете. В приоткрытую дверь желающие могли наблюдать, как он любовно устраивает на вешалке пальто, как заботливо причёсывает редкие волосы...

– Не знаю, успею ли я рассмотреть Ваш вопрос, – встретил её начальник и принялся рыться в неряшливой куче бумаг на своём столе. – Она, стиснув зубы, пыталась промолчать. – Так, значит, едете... – процедил начальник едким, скрипучим голосом. – Ну что же, езжайте. А на обратном пути прихватите для меня что-нибудь эдакое симпатичное. – И он милостиво протянул ей документы.

– На обратном пути я к Вам не зайду, – твёрдо сказала она, на всякий случай крепко прижав к себе паспорт.

Начальник ошалело глянул на неё поверх очков и прекратил приём.

Стюардесса то и дело выходила из-за занавески, предлагая водички, кофе, вина. В пустом салоне бизнес-класса было всего двое пассажиров – она да сладко посапывавший во сне пожилой японец. Сжалившись над уставшей от напрасных забот девушкой, она попросила чего-нибудь поесть. Омлет был синего цвета. Должно быть, цвет происходит от каких-нибудь чудесных японских специй, – разнежено подумала она и беспечно проглотила первый кусок. Вкус тухлого яичного порошка вернул её к действительности. Забирая нетронутый омлет, стюардесса долго извинялась и на обед, заглаживая вину, принесла лосося и икру. Запивая фрукты белым вином, она смотрела на быстро приближающуюся землю – самолёт подлетал к Токио. Она достала французские духи, новенькие, ещё не распечатанные, с трудом вытаскивала пробку... В магазине, где она покупала духи, пробку так и не удалось открыть, и продавщица клялась, что сделано это специально, чтобы запах лучше сохранился. Пахло дешёвым одеколоном. Легко справившись с обидой, она улыбнулась помчавшейся за окном японской земле – самолёт совершил посадку в Токио.

Международный аэропорт Нарита был абсолютно пуст: эскалаторы, резиновые дорожки, движущиеся по длинным переходам, и даже поезда мгновенно развозили образовавшийся народ по нужным местам. Едва прибыв в багажный зал, она обнаружила, что на транспортёре уже крутятся чемоданы её рейса. Она была в Японии! В стране, где всё устроено прекрасно, совершенно! Она без проблем купила сразу два билета – на экспресс Нарита-Токио и на поезд, идущий в город на севере Хонсю, где жил Хидэо: кассир легко понял её английский. В вагоне на электронном табло загорались точки, отмечая пройденное поездом расстояние. Рядом с точками вспыхивали названия городков, мимо которых проносился экспресс Нарита-Токио. Под электронной схемой бегущей строкой мелькали новости на двух языках: японском и английском. На электронных часах прыгали цифры, отсчитывая время, оставшееся до прибытия в Токио: три минуты, две, одна... Приехали!

У выхода с платформы контролёр отобрал у неё билет – без билета никого не выпускали. Она стояла среди кишашего людьми содома центральной станции Токио, запутанной, как лабиринт. Здесь сходились железнодорожные пути, тоннели метро, десятки выходов и переходов...

– Я мог бы приехать в Токио встретить Вас, если Вы захотите, конечно, – писал ей в Москву Хидэо.

В письме было слишком много сослагательных наклонений. Она смутилась и ответила вежливо:

– Возможно, Вам не стоит ехать так далеко...

Теперь она свою вежливость проклинала. Хидэо ехать в Токио отказался "в соответствии с Вашими пожеланиями"... Правда, он обильно снабдил её советами:

– На пересадке в Токио ищите Шинканзен. Шинканзен или Синкансен, всё равно оба варианта далеки от японского произношения, связывают большинство важных японских городов, эти поезда развивают скорость до трёхсот километров в час, – писал в своём длинном заботливом письме Хидэо.

От иероглифов рябило в глазах, но ей предстояло разобраться в указателях, благо они имелись в изобилии. И на английском языке тоже. Но звали они вдаль, по лестницам, туннелям... А у её ног громоздились два чемодана, сумка, портфель, набитый книгами... Багажных тележек на центральной станции Токио не полагалось. Пришлось перетаскивать вещи по очереди, беспризорно бросая их и благословляя японскую честность. Руки ныли, пальто, такое лёгонькое для мартовской Москвы, душило, как ватное одеяло. А указатели безжалостно предлагали подняться вверх по пешеходной лестнице. На целых десять ступенек. Она в отчаянии оглянулась. Вокруг деловито сновали мужчины в щеголеватых костюмах и белых рубашках с плоскими чемоданчиками в руках и равнодушием во взоре. Она решила схитрить: спросить дорогу. В надежде, что спрашиваемый окажется джентльменом. Мужчина вежливо всё объяснил и даже показал направление – вверх по лестнице. И исчез. И тут же к ней подошла

девушка. Кажется, это была единственная особа женского пола в толпе, в этот утренний час почти сплошь состоявшей из мужчин. Девушка улыбнулась, чётко выговорила по-английски:

– Я помогу Вам наслаждаться Вашим пребыванием в Японии!

И, подхватив портфель и сумку, пошла вверх по лестнице. Сразу решив, что японские женщины лучше японских мужчин, она собрала последние силы, прошагала десять ступеней с двумя чемоданами в руках и с облегчением бухнула их об асфальт платформы. Той самой, над которой светилося искомое – Шинканзен.

Асфальт был густо исписан цифрами. Преобладали дроби.

– Числитель означает номер вагона, а знаменатель – число вагонов в поезде, – охотно объяснил сосед по платформе.

Знаменатели были только двух сортов: восемь и двенадцать. Электронное табло расписания сообщило, что в прибывающем поезде будет восемь вагонов. Значит, у дроби 4/8, где она помещалась, остановится четвёртый вагон. Но для неё эта информация интереса не представляла – её билет, как билет на электричку, годился на любой сегодняшний Шинканзен, идущий на север, в любой вагон, на котором написано "Без резервации". Входя в вагон, пассажиры беспечно бросали чемоданы на специальных полках у дверей. Она вздохнула с облегчением. Под её ногами лежал безупречно чистый серый ковёр, новый серый бархат кресел серебрился, прохладный запах свежести выплывал из кондиционера... За окнами поплыли невнятные ряды маленьких домиков большого Токио, разделённые чёткими восклицательными знаками небоскрёбов. Она скинула пальто, огляделась. Японский народ, ну совсем как русский, едва усевшись, стал деловито разворачивать еду. Только вместо крутых яиц и копчёной колбасы на столиках явились пластмассовые коробочки, похожие на деревянные. Люди сняли крышки, и вагон превратился в цветник. Дивные узоры из рыбы, мяса, креветок, овощей располагались на белоснежном фоне варёного риса. Запахло сложно, незнакомо, вагон наполнили лёгкие щелчки – пассажиры разрывали перемычки, соединяющие деревянные палочки для еды. Быстренько побросав мясо-рыбно-рисовую красоту себе в рот, народ потянулся в тамбур к ящикам, принимавшим красивый мусор, оставляя вагон опрятным, нарядным.

Автомат бесшумно открыл стеклянные двери, пропустив непрерывно кланяющихся контролёров в серых форменных мундирах – честность японских граждан воспитывали неустанно. Вслед за контролёрами в вагон вошла тоненькая девушка в розовом платице. Она низко поклонилась и повезла по проходу яркую, как клумба, тележку, забитую пёстрыми пакетами с чем-то неведомым. Просьбу продать кофе розовая красавица встретила улыбками, поклонами, сама открыла перед пассажиркой столик, закрыла стаканчик кофе крышкой, завалила его ворохом пакетиков – сахар, сливки, ложечка, салфетки... А печенье пахло странно – водорослями. Она была в Японии! Невероятная толчея городов близко подступала к железнодорожному полотну. Дома выскакивали из-под самых колёс поезда, лепились к дороге так тесно, что можно было рукой коснуться балконов, уютно пестревших толстыми перинами. Короткие промежутки полей сменялись новыми селеньями. И только задник мелькающих картинок оставался неизменным – полоска синих гор провожала поезд, рвущийся к северу.

Здесь многому придётся научиться!

Звонко лает пёс
На захожего торговца.
Персики в цвету!

Бусон

За окном медленно проплыли три больших иероглифа на розовой кирпичной стене вокзала, один из них напоминал дом со сломанной крышей, а все вместе они обозначали название города. Кое-как вытащив чемоданы, она увидела Хидэо, быстро шагавшего к ней по платформе. Она протянула было руки, чтобы его обнять – они всегда здоровались так, когда встречались в Париже, в Риме, в Москве... Но он отстранился. Сказал сухо:

– Я ждал Вас целый час.

А она думала – он извинится за то, что бросил её одну с чемоданами в Токио, она даже приготовила вежливую фразу в ответ. Фраза не понадобилась.

– Пересадка заняла слишком много времени... – забормотала она.

Получалось – извиняться приходится ей. А Хидэо снисходительно извинения принимал. Незнакомый Хидэо – суровый, холодный. Из-за его спины выступила невысокая, худенькая женщина.

– Моя жена Намико, – коротко представил её Хидэо и, взяв один чемодан, быстро пошёл по платформе, не особенно интересуясь, поспевают ли за ним тяжело нагруженные женщины. Изрядно убежав вперёд, он обернулся, бросил весело:

– Я всегда быстро хожу! Намико всегда отстаёт! – И не убавил шагу. Их маленькая кавалькада в точности соответствовала старинному японскому правилу: женщина должна следовать за мужчиной, не наступая на его тень.

Эскалатор спустил их с высокой эстакады, по которой ходил Шинканзен, в здание вокзала. Она мгновенно забыла холод встречи – таким ослепительным было то, что ей открылось. Сияло всё: люстры, облицованные серым мрамором стены... Полированный каменный пол, как зеркальный пруд, отражал колесницы на золочёных колёсах. Под красными балдахинами покачивались в поклонах блестящие черные головки юных красавиц, предлагавших прохожим нечто пёстрое, яркое... И надобно было немного остыть, чтобы осознать, что это – просто продавщицы, торгующие с тележек сувенирами и дорожными обедами. С трудом оторвав взгляд от ослепительного сияния, она с ужасом заметила исчезающую далеко впереди спину Хидэо. И бросилась догонять.

В здании вокзала плотными рядами теснились киоски, магазины. Хидэо почему-то свернул в один из них. Она покорно пошла следом, недоумевая, что за странная фантазия – пойти за покупками с багажом? Намико уловила её недоумение, показала рукой куда-то в дальний конец торгового зала.

– Наша машина там! А другого пути на автостоянку нет!

На полках красиво расположилось нечто диковинное, японское – невиданные вещи, неведомая еда. Прохладный ветерок кондиционеров приносил то свежие запахи морского побережья, то ванильные ароматы французских кондитерских. Пушистые ковры и тихая музыка превращали звуки движущейся толпы в приятный уху мелодичный шорох. Вокзал, как сверкающая витрина, не оставлял сомнений, что ей посчастливилось прибыть в процветающую страну. В конце длинного ряда полок оказался лифт. Он привёз их на крышу вокзала, на автостоянку. Не новая уже, но свежая от хорошего ухода Тойота, притормаживая, съехала по спиральному спуску и бесшумно полетела по идеально гладкому асфальту. Сияние станции сменилось сверканием проспекта – небоскрёбов, витрин, неоновых реклам... Заметив её восхищение, Хидэо улыбнулся.

– Конечно, наш город провинциальный, но он не так уж мал – миллион жителей. И довольно красив. И чист, потому что у нас мало промышленности, зато много университетов. Но, конечно, у нас не Токио, всё скромно.

– Да что Вы, Хидэо! Ваш город прекрасен! – воскликнула она.

Она была счастлива. Хидэо и Намико улыбались.

– Мы с женой уже сняли квартиру для Вас, – её благодарности Хидэо прервал сообщением странным: – Но там пока нельзя жить! Там пусто. Сдавать меблированные квартиры в Японии не принято. Поэтому сегодня Вы должны купить всё необходимое для жизни, завтра Вам это доставят. А на первую ночь я заказал для Вас гостиницу.

Хидэо протянул ей два аккуратных конвертика. В одном был список вещей, которые ей полагалось купить в первый день, в другом деньги.

– Мои, личные, я даю Вам займы на эти покупки!

Перед отъездом из Москвы она потратила изрядную часть своих сбережений, чтобы купить доллары и явиться в чужую страну достойно. Она решила было отказаться от предложенного займа, но, увидев цифры, надписанные на конверте, передумала: таких сумм у неё не было. Сыграть роль обеспеченной иностранки не получилось. Япония – дорогая страна.

Коридорный отнёс её чемоданы в номер и удивлённо посмотрел на горстку мелочи, протянутую иностранкой на ладони. Выбрав одну монетку, он поклонился и быстро удалился, оставив её в недоумении, – монетка была в десять йен. Стаканчик кофе в поезде стоил сто. Спустившись в вестибюль, она похвалила скромность коридорного. Супруги Кобаяси переглянулись, улыбнулись:

– В Японии не берут чаевых! А десять йен коридорный взял просто для того, чтобы не обидеть Вас, иностранку, которая не знает японских обычаев, – Намико объясняла спокойно и привычно, словно заранее зная: иностранцы в Японии всегда беспомощны и нуждаются в поддержке.

– Едем в магазин, – приказал Хидэо, – сначала надо купить футонг!

Как же это произнести: футонг, футон или фтонг? Трудное слово! Но очень нужное, потому что футонг – это постель: большое стёганое одеяло и толстый матрас с узенькой подушкой. На четвёртом этаже универмага, куда привела её Намико, она выбрала самый дешёвый футонг.

– Этот с синтепоном, – сказала Намико. – Шерстяные лучше.

Но шерстяные стоили почти втрое дороже, а ведь даже за синтепоновый ей пришлось отдать бумажку с четырьмя нулями, десять тысяч йен – по сегодняшнему курсу обменного пункта в Нарите – сто долларов. Намико заполнила бланк, который выдала кассирша.

– Завтра Вам доставят футонг домой, за это с Вас взяли лишние пятьсот йен. Мы, японцы, никогда не носим сами крупные вещи, их привозит магазин.

– Всё в порядке? – встретил их с улыбкой Хидэо.

Он оставался в машине просмотреть какие-то бумаги. Даже в субботу он работал. Согласно списку, заботливо составленному Хидэо, кроме футонга ей предстояло купить стол со стульями, холодильник и газовую печь.

– Я всё спланировал! Всё продумал, – горделиво улыбнулся Хидэо, – Вы не потратите слишком много денег! Я отвезу Вас в комиссионный магазин.

Магазин на узенькой улочке на глухой окраине напоминал лавку старьевщика. Хидэо сам взялся выбирать мебель, переставляя обшарпанные стулья, передвигая облупленные столы. Наконец под грудой какого-то хлама он отыскал большой массивный стол и удовлетворённо сообщил:

– Этот годится! На случай землетрясения.

В своей жизни ей приходилось покупать разные столы: для работы, для еды... Стол для землетрясения она приобретала впервые.

– При первых толчках надо залезть под стол с подушкой на голове, – объяснил Хидэо.

Он даже попытался заставить её прорепетировать. Должно быть, только отсутствие подушки вынудило его отказаться от этой затеи. Столу с толстой доской столешницы и массивными ногами предстояло спасти её жизнь, приняв на себя падающий потолок. Прочность стола извиняла его недостатки: отклеившуюся фанеровку, вьёвшуюся грязь.

– Ничего, стол почистят перед тем, как везти к Вам, – отверг возражения Хидэо и добавил строго: – Я отвечаю за Вашу безопасность!

Перепахав пылью костюм, Хидэо ворошил старые железки, выбирая подержанную газовую плиту. Вечерело. За окнами запорхали снежинки. Из неплотно прикрытых дверей потянуло ледяным сквозняком. Пожилая хозяйка магазина с пухлым плоским лицом, смешно семеня ногами в коротких широких брюках, пошла зажигать круглую газовую печь. Отблески синеватого пламени странно шевелились на пожелтевшей бумаге ширм. От висевших в углу кимоно тянуло запахом плесени. Вокруг неё жил мир странный, нереальный. Она бродила между полок, слегка касаясь пальцами лаковых подносов, маленьких чашек с блёклыми хризантемами... Она была в Японии! Наконец Хидэо выбрал последнее – маленький холодильник. Ей осталось только заплатить непрерывно кланяющейся хозяйке. Сумма почти в точности совпала с тем, что оставалось в конверте.

– О, я всё подсчитал, – гордо улыбнулся Хидэо.

Он заботился о госте, не жалея времени и сил! Она поблагодарила Хидэо от всей души и с наслаждением забралась в машину – там было тепло.

– Теперь ужинать! – весело приказал Хидэо, – Намико присмотрела тут один ресторанчик...

Двадцать шагов от машины до ресторана показались ей дальней дорогой. Пальто, казавшееся таким тяжелым в Токио, насквозь продул сырой холодный ветер.

– Обычный март в наших местах, – пожал плечами Хидэо.

– А в Токио тепло, – удивилась она. – Откуда такая разница в погоде на расстоянии всего в двести километров?

– Токийский залив омывается тёплым течением, а здесь, на севере Хонсю, тёплые потоки встречаются с холодными, потому климат так сильно изменяется на коротком расстоянии. Наш город стоит как раз на границе – у нас уже прохладно, но ещё растёт бамбук, как на юге. И есть сезон дождей. Севернее его уже нет. И бамбука тоже. – Хидэо объяснял, как школьный учитель, а она слушала, как прилежная ученица. От всех этих географических подробностей острова Хонсю теперь зависело, как ей жить, как одеваться...

Расталкивая лбами чёрные полотнища с белыми иероглифами, занавесившие дверь, они шагнули в уютное тепло ресторанчика. Супруги Кобаяси заученными движениями скинули у порога обувь, оставшись в безупречных носках. Она замешкалась. Нет, на ней не было драных носков. На ней не было никаких носков. В России это нормально – туфли на босу ногу. Но здесь... С минуту она колебалась – как быть? – с надеждой изучая ноги народа в маленьком зальчике. Надежды рухнули – обутых не было. Пришлось разуться. Супруги Кобаяси с интересом глянули на её ноги и деликатно отвели глаза. А она зашлёпала босиком по ресторану, затверживая ещё один японский урок – в любую минуту надо быть готовой предстать перед обществом разутой!

Навощённый паркет был абсолютно чистым, а главное, тёплым. Вслед за своими японскими спутниками она подошла к низкому столику, опустилась на подушку на полу. Попробовала сесть, как они, на колени, стараясь натянуть подпрыгнувшую юбку до сколько-нибудь приличного уровня. С юбкой дело обстояло терпимо, но вот с ногами... Через пять минут она поняла, что если не встанет сейчас, то без посторонней помощи не поднимется вообще. После мучительных поисков положения, в котором можно высидеть хотя бы полчаса, она устроила ноги сбоку стола, накрыв их пиджачком, чтобы её голые ступни не портили аппетит близко

сидящим соседям – ресторанчик был крохотный, на шесть столов. Официантка положила в микроволновую печь какие-то белые трубочки, через минуту достала их щипцами, разрешила ножницами упаковочный полиэтилен, подала на металлической тарелочке... Трубочки оказались влажными махровыми салфетками. Последовав примеру Хидэо, она прижала горячую салфетку к лицу, почувствовала, как уходят усталость, озноб... За окном падал мокрый весенний снег. Крупные хлопья ложились на ветви крошечных сосен. Это были взрослые деревья, с оформившейся кроной, но ростом не более полуметра. Позади сосенок золотился в лучах фонаря низкий бамбуковый заборчик...

Официантка поставила перед ней продолговатый подносик, заполненный вещами красивыми и странными. Две чёрные лаковые чашки с крышками украшали золотые ветки, прочерченные тонко, легко. На маленьком прямоугольнике грубой серой тарелочки, корявой, как пластик засохшей глины, лежали какие-то белые ломтики, розовые дольки, фиолетовые шарики.

– Это солёные овощи: редька, чеснок, маленькие баклажаны, – помогла Намико.

Только кусок свинины, зажаренной в сухарях, выглядел вполне родным. Он был уже нарезан, и понятно почему – ножей на столе не было. Вилки тоже. Только деревянные палочки. Под крышкой одной из чашек оказался горячий белоснежный рис. Из другой чашки пахло кисловатым паром. В мутно-жёлтой жиже плавали тёмные волокна какой-то травы – это походило на суп. Японский ужин (или обед?) полагалось есть весь сразу, вперемежку – мясо, рис, суп. Но сначала Хидэо и Намико взяли в руки цилиндрические фарфоровые стаканчики с синеватыми разводами – начинать надо было с зелёного чая. Она решила делать всё, как японцы. Хидэо обильно полил мясо соевым соусом, подцепил палочками кусок. Она попробовала сделать то же самое, зажав мясо так, что пальцы покраснели от напряжения. Кусок выскользнул в тот момент, когда она уже почти донесла его до рта. К счастью, он упал обратно в тарелку, а не на светлую юбку. Только блузке не повезло – коричневые брызги соуса разлетелись веером.

Хидэо рассмеялся и взялся преподавать ей краткий теоретический курс – одну из палочек надо крепко зажать большим и безымянным пальцами, оставляя её неподвижной, а другую взять, как карандаш. Этой второй палочке полагалось двигаться, захватывая еду. Слегка освоившись с мясом, она стала поглядывать на рассыпчатый рис. Есть мясо без хлеба она не привыкла, а хлеба на столе не было, только рис. Но как ухватить тонкими палочками крупишку? Однако слипшиеся в комочки зёрна на удивление легко пристали к палочкам – есть рис оказалось даже проще, чем тяжёлые куски мяса. А если взять чашку в руки, как сделал это Хидэо, поднести близко к лицу и закидывать рис в рот короткими, быстрыми движениями – так и совсем просто получалось. А вот справиться с соблазнительным горячим супчиком нечего было и думать. Как справиться с ним, с жидким, без ложки? Проблема решилась просто – Хидэо поднёс чашку к губам и стал пить суп через край.

Облегчённо вздохнув, она последовала его примеру. Что-то жёсткое стукнулось о зубы – маленькая круглая раковина. Она смутилась. А вот Хидэо, с которым приключилось то же самое, спокойно выплюнул ракушку в суп и принялся расковыривать её палочками. Даже для него эта работа была не из лёгких – палочки скользили по полураскрытым чёрным створкам. После немалых стараний и ей удалось извлечь маленький сероватый комочек и даже донести его до рта. Правда, не весь. Судорожно сжатые палочки раздавили нежное тельце моллюска, уронили часть на стол. Но расстраиваться не стоило, потеря не превосходила размером булавочную головку. Да и то, что удалось съесть, было не больше. Она с сожалением посматривала на красивую мозаику солёных овощей – управиться палочками с крошечными скользкими шариками нечего было и думать! На сегодня достаточно с неё японских уроков! Она почувствовала, что смертельно устала.

– Пора! – Хидэо поднялся быстро, упруго.

Не встал, взлетел, незаметным движением взметнув своё лёгкое тело. Она с трудом заставила шевелиться затёкшие от непривычного положения ноги, помогая себе руками, поднялась

нелепо, тяжело. Хозяева деликатно потупились, словно заранее зная – иностранец в Японии не может не быть нелеп. У выхода Намико шепнула ей что-то на ухо.

– Туалет японский, – Намико словно извинялась.

И смотрела вопросительно, сомневаясь, справится ли гостя? Вместо привычного высокого унитаза в полу был устроен узкий продолговатый жёлоб,

забранный в стальное корытце. Вся жизнь японца проходила на полу. И ей предстояло научиться вставать и приседать легко. Как японцы.

В углу гостиничного номера стояли пластмассовые шлёпанцы. На кровати лежало новое ситцевое кимоно в мелком узоре синих кружочков по серому полю и широкий синий пояс, связанный треугольником. На столе в чёрной коробке – пластмассовой, но похожей на старинный лак с золотым рисунком, скрывались две маленькие чашки и четыре пакетика зелёного чая. Это – от Японии старой. От Японии новой, электронной было куда больше вещей – кондиционер, большой телевизор, маленький холодильник, электрочайник, электронный будильник, встроенный в тумбочку, а в ванной – фен и вентилятор. На полочке возле раковины нашлось мыло, пакетик с зубной щёткой и крошечным, на один раз, тюбиком пасты. И ещё шампунь, ватные тампоны, шапочка для душа, бритва, расчёска, розовые, под цвет стен, резинки для волос... Скучное пространство умудрилось вместить немислимое число свидетельств виртуозной японской предупредительности. На письменном столе лежало то, что могло пригодиться в любой момент: инструкция на случай землетрясения и ресторанное меню, надписанное крупно: "Япония – страна лучшего в мире сервиса!" Она охотно согласилась с надписью и мгновенно уснула.

Утром проснулась рано – разница с Москвой в шесть часов сбивала сон. До назначенной встречи с Хидэо оставалось достаточно времени. Выпив зелёного чая, она накинула пальто и вышла в город. Гостиница расположилась в самом центре, Хидэо называл его на английский манер Даун-Таун – Нижний Город. Города всего мира предпочитали устраиваться в долинах, но здесь как-то особенно ясно было, что этот город нижний, потому что с трёх сторон его окружали горы. А четвёртую, открытую омывало море. Она шла по дороге, где не разъехаться двум машинам, по тротуару, где не разойтись двум пешеходам. Её ноздри щекотали незнакомые запахи, глаза слепили невиданные образы: мелкие квадраты оконных переплётов, загнутые вверх углы крыш, каменные фонари... Мимо маленьких домиков с игрушечными садиками ожившей куклой семенила женщина в кимоно.

В гостинице она достала из сумочки свою первую покупку – открытку со старинной японской красавицей в высокой причёске и села сочинять письмо домой. Она писала о бескорыстном коридорном, о ресторане, где ходят босиком, и о супе, который едят палочками... Писала о том, что ей многому придётся научиться в этой стране, но она надеется выжить, потому что кроме водорослей японцы едят ещё и жареную свинину. Вкладывая открытку в конверт, она заметила, что письмо написано на красавице, перевернутой вниз головой, но решила – дома поймут, что это от избытка восхищения. Правильно поймут. Она написала на конверте свой московский адрес, оставив вместо обратного пустое место.

Татами, футонг и пять пар тапочек

Не успела руки отнять,
Как уже ветерок весенний
Поселился в зелёном ростке.
"Посадка риса" Басё

– Это Ваш домашний адрес, – пока Хидэо укладывал в машину её чемоданы, Намико протянула листок.

Написано было по-английски, но выглядело странно: ни улицы, ни номера дома, только нечто непонятное под названием "чомэ". Оказалось, названия давали только большим проспектам, а в тесноте жилых районов адрес определяли эти самые "чомэ", то есть кварталы. Её чомэ имел номер один, у кварталов были номера. А домам номера не полагалось, им давали имена. Её дом назывался романтически – "вершина холма". Он и правда стоял на вершине холма, город не умещался в долине и выталкивал новые районы в предгорья. Но на этой самой вершине кроме её дома располагались десятки других. И все без номера. Не привези её сюда Хидэо, нескоро нашла бы она эту самую "вершину холма".

– Нравится? – спросил Хидэо.

Она кивнула. Ей понравилось название дома, написанное на бетонной плите у входа в подъезд. Крупные иероглифы, выгнутые из медного листа, причудливо сплетали тонкие лапки, как золотые жуки, ползущие среди плотных листьев вечнозелёного куста, посаженного у плиты. А сам дом был так себе, серая бетонная коробка в четыре этажа. Без лифта и без подъезда – двери квартир выходили на галереи, разбежавшиеся от лестницы, прикрытой застеклённым колпаком.

Открыв входную металлическую дверь – несерьёзную, тонкую, полую, они оказались на крохотном бетонном пятачке. Здесь полагалось оставить обувь и только потом шагнуть на возвышающийся пол прихожей. Нехитрая эта конструкция надёжно отсекала уличную грязь. Хидэо и Намико мгновенно скинули туфли и бесстрашно ступили на ледяной пол в тонких носочках. Намико выгрузила из своих сумок рюмки, вилки, ножи, кастрюли, полотенца... И шлёпанцы.

– У меня есть тапочки, я привезла из Москвы, – отказалась она от подарка.

Намико придирчиво осмотрела русскую обувь, вежливо забраковала:

– Мы, японцы, предпочитаем тапки без задников.

Обувь японскую, насквозь синтетическую, неуютную, пришлось надеть, чтобы не обидеть Намико, которая заботилась о ней, как родная сестра.

Квартира встретила странным запахом.

– Пахнут татами, они сплетены из травы, – объяснила Намико, – новые татами так приятно пахнут!

Русскому нюху запах приятным не показался. Пахли не только татами, но и отсыревшее дерево стенных шкафов, и свежая, но как будто мокрая бумага, которой были оклеены раздвижные двери комнат.

– Они называются фусума, – Намико объясняла ласково, охотно. – У нас даже в новых домах всё по-японски. – И тут же утешила: – Но туалет у Вас западный, с высоким унитазом, вестерн стайл.

А жаль! Она хотела жить совсем по-японски. Столовая и проходной коридорчик, где приутилась кухня, были застелены линолеумом. Пол двух других комнат образовывали татами – толстые циновки, окантованные по краям широкой тесьмой. Шесть татами размером сто восемьдесят сантиметров на девяносто, плотно пригнанные друг к другу, точно укрывали стан-

дартную японскую комнату в девять и семь десятых квадратных метра – в тонкости японской геометрии её посвятил Хидэо.

Её ногу, занесённую над зелёной циновкой, остановил вопль Намико:

– В тапочках нельзя!

Оказалось, по татами можно было ходить только в носках. Или босиком. Ей опять предстояло переобуться, вернее разуться. Чтобы не сбиться, она повторяла про себя последовательность операций: входя в дом, надо надеть тапочки, входя в татами-комнату, их снять, выходя из татами-комнаты, снова надеть. На пороге туалета её опять настиг крик Намико:

– Тапочки!

Она затравленно скинула шлёпанцы, ступив босиком на холодные плитки пола. Намико бегом догнала её, завернув по дороге в прихожую, к своим сумкам за новой парой шлёпанцев с английской надписью "туалет" на носках.

– Входя в туалет, положено переобуться в специальные тапочки, – наставляла Намико.

Надпись "туалет" не являлась необходимым атрибутом туалетной обуви. Годились и ненадписанные тапки. Но специальные, другие. В которых по прочим помещениям не ходят. Эти шлёпанцы должны были стоять на пороге туалета. Она прикинула, сколько же пар тапочек соберётся у неё в доме, если она решит следовать японским традициям? Одни – для столовой, одни – для туалета, минимум две пары для гостей... И ещё она намеревалась сохранить удобные тёплые русские тапки, чтобы переобуться, когда гости уйдут. Получалось пять пар! Её жизнь грозила превратиться в сплошное переобувание: на дистанции в полтора метра от входной двери до татами-комнаты полагалось сменить обувь три раза. А если по дороге завернуть в туалет, то пять. Передвигаясь по собственному дому, она должна была постоянно помнить, что когда обуть. И когда снять. Опасаясь, что такая умственная нагрузка губительно скажется на её научной деятельности, она решила в будущем процедуру упростить. А пока под пристальным взглядом Намико покорно переобувалась. Тем более, что сегодня на ней были новенькие носочки.

Три крохотные комнатки с низким потолком (пожалуй, пониже будет, чем в хрущобах) должны были стать её домом на целый год.

– О, какая роскошь! – Хидэо поймал её скучный взгляд и пояснил свой восторг: – Мы могли бы снять для Вас однокомнатную квартиру. В Японии это нормально: один человек – одна комната! А у Вас их целых три. Это роскошь!

Хидэо гордился, а она растерянно озиралась. Она предпочла бы нечто поменьше, но потеплее, поуютнее. Она не ожидала, что, снимая квартиру в Японии, получит только голые стены. Ни отопления, ни телефона...

– Всё это Вам придётся купить отдельно. Но газовую плиту Вы уже купили, а колонки в ванной и в кухне у Вас есть! И душ! В квартирах подешевле Вам пришлось бы покупать и это. Таковы правила.

Ей не понравились японские правила. Хидэо – её вопросы. Явно обиженный, он отошёл окну.

– Мы с женой сняли для Вас роскошную квартиру! Посмотрите, какой вид!

– О, вид на океан! – воскликнула Намико, хлопая в ладоши.

Намико всё время говорила так, восторженно восклицая. Должно быть, от смущения. Хидэо, стоя на полу, прилаживал абажуры к невысокому потолку, вставлял кольцевые лампы дневного света в хитрые зажимы. Сама она вряд ли справилась бы с непривычной конструкцией. Намико извлекла из своей бездонной сумки большие плоские подушки, положила на холодный линолеум столовой, уселась на них и принялась подшивать принесённые из дома шторы. Иголки, нитки, ножницы тоже были заботливо припасены заранее. Она покорно села рядом, взяла окоченевшими пальцами ледяную иглу. Холод в квартире был адский. Уже смер-

калось, когда супруги Кобаяси ушли. Эти милые люди пожертвовали ради неё своим выходным днём!

Вокруг медленно погружался в холодные весенние сумерки странный мир: татами, фусума... За стеклянной балконной дверью зажигал первые огоньки лежащий далеко внизу, у подножия холма японский город, отчёркнутый от неба серой полоской моря. Это было не море даже, а сам великий Тихий океан. Она жила теперь совсем близко от него, километров восемь по прямой, – говорил Хидэо Она стояла посреди своей японской квартиры. Стояла, потому что сесть или тем более лечь было не на что, разве что прямо на татами. Впрочем, для японца татами и постель, и стул, и диван... И её жизнь согласно японским законам обещала теперь опуститься на пол, приземлиться, вернее, притатамиться. Она попробовала присесть на травяной пол – неудобно!

В дверь позвонили. Парень из комиссионного магазина улыбнулся, поклонился, извинился и, лягнув ногами, легко сбросил туфли. Всё это он проделал, не выпуская из рук тяжёлый стол. Другой парень, поддерживавший дальний конец стола, исполнил то же самое и только после этого помог босому товарищу втащить стол, поставить, где она указала. Затем в сопровождении переобуваний, поклонов и извинений прибыли стулья, холодильник и газовая плита, маленькая, с двумя конфорками и крошечной духовочкой между ними. Плита спокойно уместилась на обитом жёстью столике рядом с раковиной. Она зажгла горелку без спичек – электрические зажигалки были встроены в плиту. Одна конфорка работать отказалась, немало удивив её, уверенную, что в Японии всегда и всё в порядке. В дверь позвонили опять. Рассыльный из универмага проделал всё положенное: поклон, улыбка, извинение... Затем разулся и внёс в комнату футонг. Чаевых никто не брал, да она и не предлагала, помня вчерашний опыт. Магазиновые фургоны приезжали точно в обещанное время, легко находя её дом без номера. Может, им помогал разобраться подробный план её чомэ, висевший у въезда в квартал на большом щите?

Дом заполнился тем, что она купила вчера. Здесь уже можно было есть, спать, готовить еду. Но сначала надо было согреться. Она втащила в спальню футонг и остановилась, решая нелёгкую задачу – где улечься? В японском доме постель – понятие движущееся: вся маленькая татами-комната – одна большая кровать. Утром телефильм в гостинице успел ей рассказать – японец предпочитает положить свой футонг посреди комнаты. Вся семья укладывалась рядышком, бок о бок, оставляя пространство при стенках пустым. Но её русскому естеству показался неудобным простор вокруг подушки, и она устроилась в уголке, возле балкона – растелила пухлый матрац, покрыла его пухлым одеялом, посмотрела с недоверием на странную постель прямо поверх травяного пола. Неужели тут можно спать? Внутри подушки шуршали и катались мелкие сыпучие шарики.

– Шарик впитывают влагу. Это удобно, подушка не отсыреет, мы все спим на таких, – объясняла Намико вчера в магазине.

Она жила теперь на острове, посреди воды и сырости. С этим приходилось считаться. Но бедную свою голову, которой предстояло кататься по шарикам, ей было жаль. Огромное одеяло тёплым облаком прильнуло к татами, не давая проникнуть холоду. Она быстро согрелась и решила, что футонг – неплохое решение проблемы холода в доме. Ворочаясь на жёстком ложе, она вспоминала рассказы Намико о немецком профессоре, который так полюбил татами, что одну циновку даже увёз с собой в Германию.

– Привыкну и я! – утешала она себя, намереваясь твёрдо следовать японским традициям. И терпеть. Раз так положено в Японии. Но, уже засыпая, подумала, что всё-таки вряд ли поступит так, как этот немец.

Моюсь на полу, стираю на балконе...

Вишни у водопада...
Тому, кто доброе любит вино,
Снесу я в подарок ветку.
Басё "Стихи из путевых дневников"

Проснувшись утром, она упёрлась взглядом в непривычно близкий, непривычно травянистый пол. Она спала на татами! Как настоящая японка! Она выбралась из футона, закуталась в плед, вышла на балкон. Над океаном в белой дымке вставал красный шар солнца. Влажный ветер нёс запахи травы, набухающих почек. Прямо из-под её ног убегали вниз по склону ровные ряды соседских крыш: серых, красных, черепичных, железных, но неизменно аккуратных, свеженьких. Четырёхэтажные "высотки", такие, как её жилище, стояли только на проспекте, проложенном по гребню холма, а узкие улочки, уходящие к его подножию, заполняли маленькие частные домики, да казённые двухэтажки, простенькие, как бараки. Их украшали галереи входов по одну сторону, балкончики по другую, очень чистые, абсолютно пустые, словно нежилые. Только на некоторых стояли большие пластмассовые коробки, скрывавшие домашнее барахло. Ровненько постриженные деревья все были одинакового роста. Город лежал неправдоподобно чистенький, аккуратный, словно декорация в театре, задумавшем разыграть пьесу про Японию.

В соседнем доме вышла на балкон женщина, повесила на перила стёганое одеяло, прицепила скобами больших прищепок.

– Футог надо сушить на улице, складывать в стенной шкаф, а вечером расстилать на татами. Мы, японки, делаем так ежедневно, – наставляла Намико и пугала: – Если поленишься, пренебречь этой процедурой, то свеженький футог быстро запахнет сыростью, а татами под ним заплесневет.

Она вернулась в комнату, почувствовала – она тут не одна. За ней пристально наблюдает японец футог. Уж он-то научит её японскому трудолюбию. Она, как и её соседка, развесила матрац и одеяло на перилах балкона, ей нравилась эта игра. Игра в Японию. Там, где лежал футог, татами цепко хранили накопленное за ночь тепло. Она прошлась босичком по циновкам, по тугому плетению скользкой как шёлк травы, прилегла на тёплой полянке, чтобы как следует ощутить, каково оно, татами...

Где-то забулькала вода. Казалось, течёт прямо на голову, устроившуюся возле балконной двери. Соседи сверху поливали цветы? В марте? Впрочем, для цветов струя казалась слишком щедрой. Она бросилась спасать футог. В углублении возле широкой трубы, протыкавшей стопку балконов, пенилась мыльная вода. Воды было много, она не успевала уходить через решётку возле основания трубы и разливалась по бетонному желобку, бегущему вдоль балконных перил. Грязный поток бурлил у её ног, обдавая запахом стирального порошка. В первый же день соседи сверху затопили её грязной мыльной водой! И откуда она взялась на балконе? Что они там делали? Мыли пол? В шесть утра! Что за дикие фантазии! Поток иссяк. На третьем этаже над её головой послышался ровный шум. Пылесос? Шум внезапно оборвался. Возле трубы опять запенилась вода. Последовательность событий приводила к невероятному выводу: на балконе работала стиральная машина! Ну хорошо, можно позволить себе такую прихоть – вытащить на балкон стиральную машину! Тем более при японской тесноте. Но сливать воду на балкон соседей – это возмутительно! Она решила подняться наверх и сказать, что её затопило. Но как сказать? По-японски не получится, а по-английски могут не понять. Да и принято ли в Японии ходить в таком случае к соседям? Тем более в шесть утра.

Она втащила едва не намокший футог в спальню, вылила в бетонный желобок у перил полный чайник воды, чтобы смыть химический запах, но вскоре обнаружила там новый поток.

Впрочем, по полу вода не растекалась, точно уместаясь в желобке, словно специально сделанном на тот случай, если польётся сверху. Строители как будто знали, что жильцам взбредёт в голову странная идея вытащить стиральную машину на балкон, а грязную воду слить к соседям. Стоя с чайником в руках, она осмотрелась. В кухню за водой можно было не ходить: на балконе из стены торчал кран. Рядом нашлась электрическая розетка. Может, здесь принято пить чай на балконе? Она вернулась в квартиру, чтобы принять душ. Горячей воды в водопроводе не было. Как и нигде в городе, так говорил Хидэо. Да и колонки имелись только в дорогих домах. У неё их было целых две: почти русский по конструкции газовый нагреватель на стене в кухне и допотопный агрегат в виде тумбочки, занимавшей почти четверть ванной комнаты. Долго наслаждаться душем она не решилась, опасаясь больших счетов – расход воды и газа учитывался. На входной галерее у каждой квартиры густо гнездились счётчики.

– У нас всё дорого, – предупредила Намико. – Мы экономим всё: воду, газ, электричество... Мы так привыкли.

Намико рассказывала, что и по сей день немалая часть японцев отдаёт предпочтение не расточительному душу, а традиционному для японцев маленькому ковшику. Из него поливает себя моющийся, стоя на полу. Кроме ковшика японцы уважали ещё и свою ванну – офуру. В её ванной комнате тоже стояла офура – маленький кубик из голубой пластмассы, в котором не то, что лежать, а и сидеть можно было только скорчив ноги. Офура – тоже штука экономная, воды забирает мало, и гоняет её через газовую колонку, подогревая. Для экономии тепла ту часть ванны, которая оставалась свободной после погружения моющегося, полагалось накрыть доской, в её случае тоже пластмассовой, как и ванна. Она забралась в офуру, намылилась, вымыла голову шампунем. Колонка вдруг погасла, как будто в неё перестала поступать вода. Из крана вода шла, значит, засорилось что-то внутри колонки. Она выдернула пробку, закрывавшую сливное отверстие офуры. Целый потоп хлынул на пол – засор носил глобальный характер – её грубая русская грязь забила нежные трубы всей японской канализации. В ужасе она решила собрать воду с пола тряпкой. Но половая тряпка – роскошь для вновь прибывшего за рубеж с чемоданом отборных нарядов.

Представив разъярённых соседей снизу, ругающихся по-японски, она без колебаний швыряла в мыльную воду белоснежные простыни и полотенца. Соседи не появились, а вода, которую она не успела промокнуть, благополучно убралась через решётку в углу. В прихожей тоненько пискнул звонок – на пороге стояли супруги Кобаяси. Она попятилась, в надежде скрыть разгром в ванной, но Хидэо шустро заглянул за её спину.

– Что случилось?

Пришлось рассказать о потопе. Супруги изумлённо переглянулись и, не стесняясь, расхохотались. Насмеявшись вдоволь, Хидэо принялся рисовать чертёжик, объясняющий устройство офуры. Отверстие в дне открывалось в никуда – сливная труба отсутствовала. Намико тем временем занялась исследованием угасшей колонки.

– Вы мылись в офуре? – Намико в ужасе всплеснула руками. – Мыться в офуре нельзя! В офуре только греются!

Мыться полагалось до того, используя ковшик или душ, а она сделала нечто дикое – помылась в ванне! И конечно, засорила мыльной пеной тоненький трубопровод, который подаёт воду в колонку. Но беда была поправима: на сей случай существовало специальное средство, которое промывает трубы.

Супруги привезли телевизор и стиральную машину – запасливо сохранённые вещи из старого дома, для нового они купили всё новое. Пока она прикидывала, куда определить подарки, Хидэо, ни минуты не колеблясь, потащил стиральную машину на балкон. Ширина балкона почти точно совпала с её размером.

– Вам придётся купить электрический шнур, – приказал Хидэо, – этот короткий.

Но шнур точно достал до розетки.

– Вам придётся купить шланг для воды, до крана далеко...

Но кран оказался так близко, что торчащего из машины короткого обрезка резиновой трубки как раз хватило. Всё сошлось так идеально, словно машину делали для балкона, а балкон – для машины. Она обрадовалась. А Хидэо почему-то огорчился.

– Вам не придётся ничего покупать...

Из крана на балконе шла только холодная вода.

– Мы, японцы, стираем холодной водой.

Намико говорила об экономии энергии и о замечательных свойствах японских стиральных порошков. Она даже прихватила с собой одну пачку, чтобы облегчить иностранке начало её японской жизни. Ну что за милые люди эти японцы! Гостеприимные, заботливые! Хидэо показал, как пользоваться стиральной машиной, и уехал в университет. А Намико повела её в хозяйственный магазин, чтобы купить средство для исцеления офуры. В бетонном жёлобе, протянутом вдоль тротуара, журчала вода. Укрывавшие жёлоб плиты выпускали наружу запахи кухни и мыла. Должно быть, именно сюда попало то, что вылилось из её офуры. Япония экономила на сливных трубах не только в домах, но и на улице. Выемки по краям бетонных плит, явно служившие для того, чтобы ухватить их руками, были обсыпаны белым порошком – от крыс и всякой нечисти, что могла расплодиться возле грязной воды. Вернувшись из магазина, она промыла трубопровод офуры и решила впредь не использовать это нежное японское сооружение. Отныне мыться ей предстояло, стоя на полу, на холодных кафельных плитках. И струю душа следовало делать слабенькой, чтобы вода успевала убираться в решётку слива в углу и не переливалась через порог.

Разобравшись с ванной комнатой, она осмотрела свои стены, покрытые пятнами. Они явно требовали её забот! Разрисованные под дерево скользкие обои на вид напоминали пластик, который можно мыть. Достав мочалки, мыло и порошки, она ринулась в бой, устроив настоящий поток горячей воды. Через четверть часа заплакали стены, а бумажная оклейка шкафов и дверей вздулась подозрительными пузырями. Обнаружились и другие катастрофические последствия её трудов: мягкая губка напрочь сдирала краску с вроде бы моющихся обоев, а брызги от летающей в её руках тряпки оставляли несмываемые грязные следы на белой бумаге раздвижных дверей. Сублильный японский дом не выносил её мощного русского натиска. Он вообще был какой-то непрочный, этот японский дом. Скотч отклеивался от стены вместе с лохмотьями чего-то, похожего на штукатурку, хилый гвоздик протыкал насквозь тонкую перегородку, нежные татами покрывались незаживающими вмятинами даже от ножек лёгкого столика, обутых в специальные пластмассовые колпачки. Испугавшись, она покончила с уборкой.

Вечером опять заехал Хидэо. Он словно опасался оставлять её наедине с японским домом. Честная исповедь о нанесённых квартире повреждениях испугала Хидэо. Потрогав серые пятна на обоях и пузыри на дверях, он печально покачал головой.

– За любое увечье, нанесённое квартире, Вам придётся платить.

Он не рекомендовал мыть стены и делать в них дополнительные дырки. Правда, неясно было, как хозяину удастся отличить новые дыры от десятка старых, уже имеющихся. Она решила свой единственный хилый гвоздик бессовестно скрыть, поделившись с Хидэо лишь впечатлениями: вбить гвоздь в здешнем доме ничего не стоит, а вот с московской бетонной стеной мог справиться только мужчина, вооружённый дрелью. Хидэо выслушал рассказ неодобрительно, как знак русского варварства, утешил:

– Здесь Вам дрель покупать не придётся.

Проводив Хидэо, она вышла на балкон, чтобы опробовать свою новую стиральную машину. Мыльная вода устремилась вниз к соседям – долг платежом красен! Общая сливная труба обещала сделать её полноправным членом тесного японского коллектива. Отогревая руки чашкой с горячим чаем, она писала письмо домой:

– Моюсь на полу, стираю на балконе...

И представляла, как удивятся домашние, проводившие её в богатую страну – Японию.

Японский дом (Японский дефицит)

Сад и гора вдали
Дрогнули, кажется, входят
В летний раскрытый дом.

Басё

Рано утром из комиссионки привезли исправную плиту взамен негодной – Намико позвонила в магазин, и брак немедленно заменили. Парни сами отцепили от газовых труб старую печь, сами присоединили новую. Квартира приобретала вполне жилой вид, пора было обживать окрестности, найти место для зарядки... Она открыла входную дверь, вышла на продутую холодным ветром галерею и замерла...

Справа розовели под утренним солнцем снежные вершины близких гор, слева блесло море. Счастливые люди – японцы жили между двух красот. Среди тесного ряда частных домиков показался маленький островок зелени. Десяток деревьев, парочка скамеек возле клумбы, детская песочница, лесенка, качели... Места в крошечном парке было так мало, что дорожка, петлявшая между ровно постриженных кустов, прямых участков не имела, только повороты. Но бежать по плотно утрамбованной красноватой кирпичной крупке было удобно. Ровно в шесть тридцать пустынный парк вдруг, как по команде, заполнился народом, пятнадцать человек в таком скверике – уже толпа. Пожилые мужчины и женщины, дамы средних лет – те, кому не надо спешить на работу и нянчить детей. Кто-то включил маленький приёмник, и, повинуясь музыке и тоненькому голоску – ич-ни-сан (раз-два-три), народ стал в кружок и принялся дружно размахивать руками. Упражнения были лёгкие, упражняющиеся знали их хорошо, должно быть, собирались на зарядку регулярно. Две старушки заметили её, закивали ласково, подзывая. Она пристроилась к группе – в Японии трудно остаться индивидуалистом! Пять минут после зарядки ушло на взаимные поклоны и улыбки. Пять минут улыбок – хорошее утреннее упражнение!

Дома она заварила зелёный чай, вдыхая смесь запахов моря и луга, открыла пакет с хлебом. Хлеб уже был нарезан толстыми кусками, тонко эту ватно-белую массу не нарежешь. И жевался хлеб, как вата. Съесть кусок удалось, только подсушив его в печке. Большой ломоть занял всё маленькое пространство духовочки. Подождав, пока хиленькое пламя справится с непосильной для него пухлой грудой, она сжала пальцами мягкие бока бутылки с мёдом – из пластмассового носика легко полилась струя. Мёд был несерьёзный, жидкий, с конфетным привкусом, но это был японский мёд! День начинался замечательно! И обещал так же хорошо продолжиться – супруги Кобаяси устраивали специально для неё домашний обед. Хидэо заехал за ней.

Машина пошла по шоссе вдоль леса – Кобаяси жили в пригороде.

– Мы совсем недавно купили этот дом, – рассказывал Хидэо, – а прежде жили с родителями в маленьком посёлке, в двадцати километрах от города. Я ездил в течение тридцати лет, с тех пор, как стал студентом.

После смерти отца родительский дом достался Хидэо и он решил его продать и переехать в город. Пятидесятилетний Хидэо надеялся стать профессором, а для репутации человека, мечтающего получить эту должность, нехорошо жить чуть ли не в деревне.

– На жильё в центре денег не хватило, – Хидэо рассказывал хотя и не очень охотно, но честно. – Даже на окраине за дом пришлось заплатить сорок пять миллионов йен! В долларах – больше четырёхсот тысяч – в Японии дорогая земля. Но владеть ею очень выгодно. Из-за земли владелец дома всегда богаче владельца квартиры.

К деньгам, вырученным от продажи родительского гнезда, Хидэо добавил собственные сбережения и взял в банке кредит.

– Мы с Намико спланировали так, что до моего ухода на пенсию я как раз успею его выплатить, – Хидэо говорил, а она завидовала японцам, которые могли распределить свои денежки на десять лет вперед и не сомневаться, что всё сбудется.

Свободной земли в городе не было, и новый район, где поселились супруги Кобаяси, построили на террасе на склоне холма. Ровного места было мало: всего три короткие улочки, одним концом утыкавшиеся в холм, другим – в обрыв.

– Пространство в Японии – дефицит, – Хидэо указал на дальний конец улицы, где трудился бульдозер, отрезая от горы площадку для нового строительства. – Мы очень экономим землю.

Узкую дорогу покрывали ровные прямоугольники свежего ремонта – случись тут выбоинка, объехать её было бы негде. Ровные ряды двухэтажных домиков были обведёны узкими рамочками садилов. Одинаково серенькие типовые дома, с одинаковыми розовыми пластмассовыми навесами для машин... Но ей, обитательнице ящика номер сто сорок на пятом этаже московской бетонной трущобы, эти жилища на земле показались мечтой и раем. Улыбаясь, смотрела она, как весеннее солнце весёлыми зайчиками прыгает по серой блестящей черепице крыш.

– Раньше из окон нашего дома открывался вид на океан. Но теперь участок продали, – вздохнул Хидэо. – Кто же его оставит, когда так мало места? Теперь здесь стройка... – Новый дом поднимался густым частокотом тонких деревянных брусев каркаса. – Многочисленные опоры делают строение устойчивым при землетрясении, – объяснил Хидэо.

Япония постоянно думала о землетрясениях: покупая столы, строя дома... Стен у дома ещё не было, но тяжёлая черепичная крыша уже лежала на опорах. Рабочие обшивали каркас тонкими, кажется древесно-стружечными плитами. Два человека легко поднимали их и быстро прикрепляли к опорам, словно орудуя детским конструктором – дом рос прямо на глазах.

– Всего месяц назад этой стройки не было, – сказал Хидэо. – А теперь дом почти готов!

Тонкостенный домик казался несерьёзным, дачным. Стройка, огороженная синей пластиковой сеточкой, мирно уживалась с чистенькими соседями, не создавая ни мусора, ни грязи. Рабочий щёткой сметал с тротуара случайно залетевшие мелкие щепочки и стружки. Его голову зачем-то укрывала каска. Наверное, тоже на случай землетрясения?

Машина въехала на плитки двора, вымытого так чисто, словно здесь уже начинался дом. Остановилась, едва не задев колёсами крыльцо. Они прошли по дорожке длиной в три шага, вошли в прихожую размером метр на метр... Ничего кроме обувного шкафа и двух больших деревянных кукол, стоящих на полу, в прихожей не было, вешалке тут места не нашлось. Улыбающаяся Намико забрала её пальто и куда-то унесла. Хидэо, следуя правилам японского гостеприимства, придвинул поближе к госте нарядные новые тапочки, сам убрал её туфли в шкаф, приоткрыв ряд идеально ухоженной обуви на пластмассовых колодках. Комната, открывшаяся вслед за микроскопической прихожей, казалась очень большой. Но помещались в ней и столовая с обеденным столом, и кухня, отгороженная высоким посудным шкафом, и гостиная с диваном, журнальным столиком и креслами... К гостиной в западном стиле примыкала японская гостиная с татами. Вообще-то, это была другая комната, но оклеенная бумагой перегородка фусума, отделявшая её от гостиной, теперь была раздвинута.

Этот нехитрый японский приём добавлял помещению простора. Раздвижные перегородки и минимум мебели – так японцам удавалось преодолеть тесноту своих жилищ. На татами кроме телевизора стоял только низкий столик с подушками вокруг.

– Здесь я отдыхаю после работы, – сказал Хидэо. – Мы, японцы, предпочитаем смотреть телевизор, сидя на татами. – Две стены гостиной, сплошь стеклянные, раздвигались, присоединяя к дому сад. – Наш японский дом готов в любую минуту слиться с окружающим миром, открыться ветру, солнцу, – говорил Хидэо. – Мы придерживаемся старых традиций даже в

новостройках, сохраняем серые черепичные крыши с загнутыми уголками, рыбку на коньке, мелкую клеточку переплётгов на окнах, раздвижные стены, татами...

Хидэо повёл её показывать дом, приоткрыл дверь комнаты, где жила его мать, чтобы дать гостю полюбоваться самыми ценными вещами в доме: двумя старинными вазами, стоявшими в специальной нише – токонома. Старушка смотрела телевизор, сидя на татами на коленях.

– Она может оставаться в таком положении часами. Молодые это умение утеряли, да и мы... – Хидэо махнул рукой.

Гостя нахваливала строителей, подогнавших отшлифованные доски ведущей на второй этаж лестницы так тщательно, что стыки трудно было различить и глазом, и рукой. А Хидэо, стесняясь, повторял:

– Дом у нас скромный, деревянный...

И не обращал внимания на рассуждения о том, как полезны для здоровья деревянные дома.

Второй этаж по площади был меньше первого.

– Это – тоже наша традиция, – вздохнул Хидэо. – В одной из крошечных комнат на татами стояли две кровати, занявшие всё пространство. – Комнаты рассчитаны на сон в футонгах, с ними было бы просторнее. Но мы привыкли спать по-западному, на кроватях. – В ванной тоже было тесно, потому что короткую японскую офуру познавшие западный комфорт хозяева заменили длинной ванной. – Только комнату для гостей мы сохранили в японском стиле – сын и невестка спят в футонгах, когда приезжают в гости, – рассказывал Хидэо. – Для кроватей тут нет места. Зато я выкроил кабинет, заставил строителей поставить ещё одну перегородку.

В крошечном кабинете поместился только стол, втиснутый между двумя стенами, да полки с книгами. Кресло прижималось спинкой к стене – западный стиль плохо вписывался в японский дом. И тут ему на помощь приходил стиль японский – привычка держать в доме мало вещей, а те, что есть, прятать в стенные шкафы, за раздвижные двери. И окна в металлических переплётгах раздвигались, иначе Хидэо не смог бы прикрепить полку у подоконника. Раздвигались и двери комнат.

– Это экономит пространство, – объяснил он. – Двери на шарнирах нерационально расходуют площадь, оставляя пустыми углы, которые невозможно использовать.

Раздвигалась и решётчатая гармошка калитки, бегая колёсиками по асфальту, иначе Хидэо не удалось бы припарковать свою машину в тесном дворике.

Намико пригласила гостью в сад. Они прошли по опоясывающему дом узкому дощатому балкончику, по лестнице в две ступеньки спустились в садик в метр шириной. Намико показывала свои владения с гордостью: несколько цветов, два мелких деревца, прутик-кустик, тонкие листики которого годились, чтобы украшать рис. Сад казался бы совсем крошечным, если бы раздвинутая стеклянная дверь не присоединила к нему дом, полный цветов. Цветы в горшках занимали целый угол гостиной. Венчики цветов домашних вырывались наружу, касаясь цветов садовых.

– Я люблю разводить цветы, – улыбнулась Намико и, усадив гостью в одно из кресел, ушла накрывать на стол.

В саду в ветвях тонкого молодого деревца защebetала птица. Дерево росло так близко от стены, что заигравшаяся птаха касалась крыльями спинки кресла, её волос...

После обеда Хидэо вызвался отвезти гостью домой. Его соседка развешивала мокрое бельё на квадратной пластмассовой раме – растянуть верёвки возле дома не хватало места. Соседский дворик отделял низкий заборчик из горизонтальных плетей бамбука, красиво связанных новыми верёвками. Под ними росли розовые цветы. Сосед умудрился превратить в клумбу место глухое, пропащее – под забором. Деревца соседского садика скреблись ветками в окна дома Хидэо. Дефицит пространства. Япония.

Крупный мусор с Ягиямы

Вместе с хозяином дома
Слушаю молча вечерний звон.
Падают листья ивы.

Басё

Недостаток лучше избытка.

Японская пословица

Её район назывался Ягияма. Потому что располагался на горе, а гора по-японски "яма". На холме, овеваемом свежими ветрами, дома продавались дорого, потому что отсюда далеко до укрытого смогом центра, но в аренду сдавались дёшево по той же причине – до центра далеко, четверть часа езды – Намико учила её тонкостям японской жизни. Намико пришла специально, чтобы сопроводить иностранку в магазин, помочь ей сделать первые покупки. Намико советовала покупать продукты не в дорогих маленьких магазинчиках, а в дешёвом большом супермаркете, и не простом, а кооперативном, Намико считала, потому что продукты там свежее, чем в обычных магазинах, где продают всем подряд. В "коопе" обслуживали только членов кооператива, ей предстояло таким членом стать. В маленькой конторе в глубине магазина Намико назвала служащей имя и адрес иностранки. В обмен на взнос в тысячу йен новому члену выдали красный жетон, который следовало показывать кассирше. И ещё один такой же. На случай, если потеряется первый.

Проводив Намико до автобуса, она шла домой, поёживаясь от свежего весеннего ветерка. Был субботний вечер – самое подходящее время для тоски по дому. Но предаваться ностальгии – верный способ заблудиться в путанице японских улочек. Здесь, кажется, надо свернуть? Или нет? Она проходила этим путём пару часов назад. Но теперь это была другая улица! На тротуаре длинными шеренгами стояли телевизоры, газовые плиты, стиральные машины, электрочайники, рисоварки... Дальше шли столы, стулья, перины, одеяла, подушки... И всякая всячина: посуда, чемоданы, утюги, сумки с одеждой и обувью... Вещи лежали на тротуаре рядом с аккуратными бачками, совком и веником. Именно на эту площадку Намико велела ей отнести пакеты с мусором к назначенному часу – машина приходила строго по расписанию. А ещё Намико предупреждала – большие коробки надо обязательно выбросить в субботу, потому что такое бывает только раз в квартал – вывоз крупного мусора. В этот день мусоросжигательный завод посылает в город большие машины. Значит, всё это – мусор?

Выложенное на тротуар было почти новое, нарядное, выбросить такое могли только богатые люди. Тротуар яснее ясного свидетельствовал – японцы стремительно богатели, покупали много нового, и не знали, куда девать старое – жильё у них тесное, дач нет. Вот и тащили они добро на тротуар. Крупный мусор был сложен не навалом, а тематически: техника отдельно, тряпки отдельно... И всё чистенькое, красиво упакованное... Из кармашка слегка потёртого чемодана торчал брелок с ключами – тротуар походил на магазин. И открыт этот магазин был для всех, а, значит, и для неё.

– Не спешి покупать всё для дома, – напутствовал её перед отъездом долго живший в Японии московский друг, – всё, что надо, ты найдёшь на улице.

Она удивлялась:

– Как – на улице? Где?

А он улыбался таинственно.

– Увидишь!

Она прошла вдоль тротуара, присматриваясь по-хозяйски. Вот этот низенький столик можно будет использовать под телевизор. А вот эта вешалка пригодится для платьев – в её стальных шкафах были только полки. И гладильная доска подойдёт, и тумбочка, что вместит уйму

всякой всячины, разбросанной теперь на татами, и большая эмалированная кастрюля... Новая кастрюля в красивых цветочках лежала вместе с таким же чайником в великоватой для них двоих магазинной коробке. Наверное, на помойку попала та часть сервиза, что не пригодилась хозяину. У кромки тротуара притулился пылесос – необходимая вещь, чтобы чистить татами! Вот только удобно ли брать вещи с улицы? Она остановилась в нерешительности. Но тут же заметила большой автофургон, который медленно ехал вдоль свалки. Два шустрых китайца на ходу метали в него всё подряд: стиральные машины, перины, рисоварки... Тротуар пустел прямо на глазах. Не колеблясь больше, она подхватила пылесос.

Дома она заклеила трещину на его шланге – других дефектов не обнаружилось – и, переодевшись в тренировочные брюки, вышла на улицу. Из окрестных домов тянулись к тротуару люди. Старик принёс какие-то палки, аккуратно связанные верёвочкой, бережно пристроил среди карнизов, поправил, чтобы стояли ровненько. Мужчина притащил телевизор, быстро, косо поставил в шеренгу электроники. Тоненькая девушка в модных джинсах, перегнувшись, волоком подтянула большой мешок, бросила его где попало, с краю. Сквозь прозрачный пластик яркими пятнами просвечивала одежда, совсем новая на вид. Из моды вышла или разочаровалась хозяйке? С вещами к тротуару шли только японцы. Обратным ходом отбывали с обильной добычей только иностранцы. Араб на мотоцикле прихватил телевизор, два высоких блондина, громко переговариваясь по-английски, погрузили в багажник Тойоты комнатный обогреватель...

Быстро темнело и поток приносящих иссякал, а уносящих усиливался. Перенеся изрядную часть кучи к себе домой, она остановилась возле клюшек для гольфа в специальной сумке из жёлтой кожи – она видела такую в витрине спортивного магазина и запомнила оглушительную цену. Теперь сумку можно было подобрать бесплатно, но она не играла в гольф. А вот на лыжах каталась. И потому взяла горнолыжные ботинки – они оказались нужного размера. Рядом стояли прислонённые к мусорному бачку лыжи знаменитой марки Ямаха – почти новые, дорогие. Значит, их хозяину свободное место в доме показалось дороже? А, может, он занял это место более новой моделью? Она прихватила и лыжи – зимой пригодятся, рядом с городом есть оборудованные трассы. Не вполне веря в реальность происходящего, она шагала по Ягияме с дармовыми японскими лыжами в руках и смотрела, как на яркой пластмассе играют весёлые весенние звёзды.

Свои походы она закончила в полночь. Прибывшее с тротуара заняло всё место в квартире: почти новая тумбочка орехового дерева, старинная настольная лампа с позеленевшим бронзовым колпаком, теннисные ракетки, не очень модные, но крепкие, стулья, телевизор... Второй телевизор был ей в общем-то не нужен, но она не удержалась – не каждый день можно подобрать на улице японский телевизор марки Сони! Совсем исправный, только с маленьким дефектом регулировки звука. Дефект не трудно было устранить, но мастерских для ремонта электроники в городе не было. И обувь не ремонтировали – только на окраинах садился иногда в торговом месте сапожник. И внезапно сломавшиеся часы ей починить не удалось. Часы ремонтировали в часовом магазине, но продавец, сверившись с недлинным списком, её часы не взял, такой фирмы в его бумагах не значилось. Богатые японцы не хотели возиться с починками. Предпочитали нести добро на тротуар.

– Не думайте, что вся Япония такова, – хмуро заметил Хидэо. Он заехал утром по дороге на работу с обычным вопросом: всё ли в порядке? Осмотрел заставленную вещами прихожую: – Такое встретишь только в дорогом районе, как Ягияма. В кварталах победнее на улицу попадает только сущее старьё. Вообще-то мы, японцы, не моты. Даже на мусоросжигательном заводе не все вещи идут в печь. Те, что получше, прямо там продают по дешёвке, даже проводят аукционы. Люди покупают. А телевизоры... – Хидэо подмигнул, – каждый третий телевизор с тротуара работает.

Значит, проверял?

Сначала печаль...

Холод пробрал в пути.
У птичьего пугала, что ли,
В долг попросить рукава?

Басё

Сначала печаль – радость потом.

Японская пословица

Низкий тоскливый звук прорезал тишину раннего утра. В буддийском монастыре ударили в колокол. Зарывшись озябшим носом в самую сердцевину футонга, она представила, как бритоголовые монахи в кимоно поднимается на помост, укрытый дощатым навесом. Как, ухватившись за верёвку, мерно раскачивают подвешенное тяжёлое бревно и вдруг, разом рванув, резко ударяют торцом по бронзовому колоколу, похожему на большой тюльпан, – она видела это по телевизору. На балконах соседей, как обычно в шесть утра, заурчали стиральные машины. По каким-то необъяснимым причинам японки начинали стирку спозаранку.

Она нехотя оставила футонг – единственный тёплый островок в океане холода и сырости. Центрального отопления в городе не было. Футонг да горячая офура, только этим можно согреться в японском доме. Правда, в старину японцы использовали ещё котатцу – горшок с горячими углями. Его ставили под низкий столик, накрытый ватным одеялом. Под стол засовывали ноги, оставляя остальные части тела мёрзнуть, – она видела такое в фильме про самураев. Со времён самураев Япония, завалив весь мир суперсовременной техникой, в деле отопления своих жилищ почти не продвинулась – котатцу использовали и теперь, сосредоточив весь технический прогресс лишь на замене горшка электрической лампой, а ваты в одеяле синтепоном. Дрожа от холода, она накинула поверх халата пальто – в квартире было плюс десять. Как на улице. Ну а откуда, спрашивается, взяться больше? Ветер с океана выл в тысяче щелей её жилища, свободно проникая через прыгающие, дребезжащие окна.

– Наши окна и двери никогда не прилегают плотно, – говорил Хидэо. – Мы, японцы, хотим жить в гармонии с окружающим миром. Это – наша философия.

Выходит, если мир промёрз, японец должен мёрзнуть тоже? К счастью, кроме философских объяснений, Хидэо снабдил её маленьким электрическим обогревателем. Но обглоданный сквозняками кусочек тепла бесследно рассасывался в промозгом холоде квартиры.

Самурай на экране её телевизора открывал раздвижную дверь дома и усаживался любоваться падающим снегом, согреваясь одним лишь котатцу. Самурай хотел слиться с окружающим миром, она – от него отгородиться. Первым делом она попробовала пересадить на японскую почву ежеосеннюю русскую традицию клеивать рамы и прихватила скотчем болтающиеся форточки. Бряцание исчезло, холод – нет. Стёкла-то были одинарные.

– Двойные рамы в Японии положено делать только на Хоккайдо, – утверждал Хидэо.

Но она-то мёрзла на Хонсю! И не хотела подчиняться японской традиции мёрзнуть. На роль второго стекла была определена упаковочная полиэтиленовая плёнка с шишечками воздушной прослойки. Мутные полотнища, приклеенные тем же скотчем, легли на стёкла. Темнее стало, а вот теплее – нет. От балкона дуло – дверь скользила роликами по металлическим полозьям, оставляя огромную щель. Она положила к порогу балкона подушки Намико, предназначенные для японского сидения на полу. Больше ничего сделать с раздвижной дверью было нельзя.

– Странно, что Вам холодно, – удивился заехавший по дороге с работы Хидэо. – Японии далеко до русских холодов. Но если Вам холодно...

На следующее утро он снова явился на её пороге. В руках у него был пёстрый узелок, у ног – большой белый ящик. В узелке скрывалось одеяло – подарок Намико. Ящик оказался керосиновым обогревателем.

– Свои дома мы отапливаем именно так. Это – старый обогреватель из университета. Для моей лаборатории я купил машины новой модели, более элегантные, но тоже керосиновые.

Хидэо втащил ящик в столовую, приладил торчащую из него широкую трубу к отверстию в стене. А она-то гадала, зачем рядом с окном сделана большая круглая дыра на улицу, прикрытая только тонкой жестяной заслонкой? Агрегат шумел и вонял керосином, но минут через пятнадцать он превратил её стылую квартиру в место, пригодное для жилья. Дырка на улицу была только в столовой, остальным помещениям полагалось отапливаться по-чёрному или через открытые двери. Через полчаса тёплый воздух кое-как растёкся по квартире, слегка обогрев кухню и спальню, в столовой же стало жарко, как в парной. Она выключила обогреватель, и комната мгновенно выстыла, продутая через сто щелей. Пришлось включать обогреватель снова и терпеть керосиновую вонь, особенно сильную вначале. Притулившись возле выдувающей тёплый поток машины, она размышляла: почему богатая страна возится с керосинками?

Философски полагает, что общение с внешним миром дороже комфорта? Или экономит топливо? Мысль об экономии вызывала у неё ненависть, а воспоминание о горячих русских батареях нежность. И всё-таки керосинка заставила её задуматься: может, русский обычай гонять кипятилок по трубам, чтобы разогреть до июльской жары пустые квартиры, не так уж хорош? А экономный обогрев японской печкой – путь к богатству страны? Но ей не хотелось этим путём идти. Не хотелось сидеть в провонявшей керосином квартире, наполненной каким-то клочкастым воздухом – местами горячим, местами ледяным. Собираясь выйти на улицу, она надела на себя все тёплые вещи, какие нашлись в доме. Поглядывая с ненавистью на чемодан, полный нарядных тоненьких костюмчиков, она с тоской вспоминала старый толстый свитер, презрительно брошенный в Москве. Она не подозревала, что главной японской проблемой будет согреться! Она вообще представляла себе Японию как-то не так. Она ехала в процветающую страну, а встретила допотопные газовые колонки, ванну без сливной трубы, стиральную машину, выпускающую грязную воду на балкон... И холодный дом, насквозь пронизанный сквозняками.

На улице не было ни души. Возле дома вороны расклёвывали пакет с мусором, брошенный на тротуаре. Соседский мальчик с болезнью Дауна частенько выносил его не вовремя. И забывал убрать в бачок под крышку. Она переступила через яичную скорлупу, поскользнулась на коже банана. Вспугнутые птицы с оглушительным карканьем расселись на голых ветвях. Почему в этом городе так много ворон? И совсем нет воробьёв? Часы на школьной башне вызванивали колокольчиками что-то щемящее. Звуки падали в унылую тишину, медленно опускались на ряды замёрзших маленьких домиков и тоскливо летели в сторону океана – умирать. Грустная это страна – Япония! И звуки здесь такие печальные: утренний колокол, вечерний звон часов... И этот вот тоненький писк. Откуда он?

Крошечный фургончик с жёлтым фонариком, пытая трубой и жалобно попискивая, медленно полз по улице. Приблизившись к ней, фургончик замер, открыл заднюю дверь, обдав запахом жареного мяса. Парень в засаленном фартуке поклонился, указывая на жаровню. На железных прутьях шкворчали маленькие куриные шашлычки – пять крошечных кусочков на палочке. Умакнув волосяную кисть в соевый соус, парень смазал шашлычки, заговорил, повторяя слово "терияки", наверное, так называлось блюдо. Фургончик уполз, привлекая писком новых клиентов, а она проглотила на ходу два шашлычка – что там есть-то! – и, окончательно окоченев на продутом ветром проспекте, побрела, мечтая найти место, где будет по-настоящему тепло.

У перекрёстка светился стеклянный кубик магазина. На высокой мачте над ним горели неоновые цифры 7/11 и 24. Название магазинчика по-английски звучало неплохо, в рифму – Сэвэн-илэвэн, хоть и непонятно. Смысл числа 24 был предельно ясен – магазин работал круглые сутки. Керосином тут не воняло, зал обогревали дорогие электрические кондиционеры. И всё-таки неприятный, странный запах был. Он шёл от булькавшей на плите коричневой жидкости, в которой плавали какие-то белесые ноздреватые кубики, плотные белые конусы, связки полупрозрачной лапши... Продавец разогревал в микроволновой печи коробки с готовой едой и продавал их парням в мотоциклетных шлемах – именно они заполняли магазин. Присовокупив к горячей еде банку холодной кока-колы и журнал с красивыми машинами и полураздетыми девушками, парни уходили к своим мотоциклам. Магазин торговал тем, что может вдруг понадобиться на бегу: чипсами, носками, бутербродами, зубными щётками... Рядом с бритвами и хлебом стоял шампунь. Который, кстати, был ей нужен. Она выбрала маленький красный тюбик на пробу.

Ледяной погреб квартиры мгновенно высосал из тела тепло, добытое ходьбой. Подождав, пока пар от горячей воды хоть немного согреет ванную, она открыла тюбик, намылила голову. Пена стекала странно розовыми хлопьями. Через минуту её страшные опасения подтвердились – под струёй фена шевелились морковного цвета волосы. Она бросилась в магазин в поисках краски для волос, которая смогла бы скрыть ужасающие следы красного тюбика. А потом долго мучилась над инструкцией, написанной, естественно, по-японски и страдала у зеркала, отразившего очередную жуткую неудачу. В самый разгар экспериментов с волосами на обогревателе замигала красная лампочка, тёплая струя воздуха стала стремительно остывать – кончился керосин. К счастью, заботливый Хидэо вместе с печкой привёз полную канистру. Она приволокла её с балкона, достала из обогревателя бачок, попыталась залить керосин в узкое горло... Вытирая вонючую лужу на полу, вспомнила, что кроме канистры Хидэо привёз какую-то трубку, теперь валявшуюся на балконе. Она опустила трубку в канистру и заработала сифоном, как насосом – керосин потёк в бачок жидкой струйкой. Изучая переливалку, она разглядела полустёртые надписи на ручке: "открыто" и "закрыто". Конечно же, ручка стояла в положении "закрыто"! В этой стране жила тысяча незнакомых мелочей. И сегодня все они были против неё!

Забившись в футонг, как в нору, она слушала, как в щелях тоскливо воет ветер. За тонкой стенкой мычал соседский мальчик с болезнью Дауна. На экране телевизора мужчины в тёмно-серых кимоно пели что-то заунывное. Их каменные лица были неподвижны, и только жилы на шеех болезненно вздувались, с трудом выпуская судорожные, прерывающиеся звуки. Солист – высохший старик, хрипел, словно его душили. Женщина в синем кимоно пряталась за камень и через секунду являлась с лисьей мордой, прежде скрытой платком. В этой странной стране всё было странным – образы, песни, шампунь...

Утром опять заехал Хидэо. Заметив её морковные волосы, он всплеснул руками и захохотал, а, насмеявшись вдоволь, посоветовал позвонить Намико. Намико приехала быстро, сразу поняла серьёзность случившегося и не засмеялась, а предложила пойти в магазин. В результате долгих переговоров с продавщицей, Намико предложили ей купить цветной лак, который поможет скрыть морковного цвета волосы. Намико выбрала самый светлый тон, который нашёлся в магазине, но её голова всё равно стала по-японски чёрной. На прощание Намико внимательно исследовала красный тюбик и покачала головой в сомнениях.

– Это простой оттеночный шампунь! Выкрасить голову так радикально он не мог!

– Японскую не мог, а русскую запросто, – сказала Наташа.

Эта Наташа появилась очень вовремя. Попалась в тот момент, когда отчаяние уже готово было охватить несчастную красно-чёрную голову. В зеркальной витрине магазина вместе с жуткими волосами отразилась похожая на француженку тоненькая нарядная блондинка. Рассыпав мелочь, француженка охнула: "Господи!" И оказалась Наташей из Киева, своей, родной.

Три из своих тридцати лет Наташа прожила с мужем-аспирантом и дочерью в Японии и успела узнать тут многое.

– Эта беда известна многим здешним светловолосым дамам, – утешила Наташа, – японские краски рассчитаны на чёрные и жёсткие японские волосы.

Наташа посоветовала чёрный лак выбросить и купить светлую краску. И научила – если в инструкции написано: держать двадцать минут, для наших мягких и светлых волос хватит двух. Наташина наука помогла, волосы были возвращены к более или менее исходному состоянию.

– Ах, как хорошо Вам помогла моя жена, – удовлетворённо сказал Хидэо, подъехав к её дому вечером.

Она не стала его разубеждать. И Намико, сидевшая вместе с мужем в машине, тоже промолчала.

– Я хотела бы приступить к работе уже завтра, – сурово заявила она Хидэо, обиженная его утренним смехом.

– Вы устроились так быстро? – удивились супруги Кобаяси.

И попросили позволения осмотреть её дом.

– Посмотри, как она стелит постель! Как вешает платья!

Для японцев этот вечер был полон открытий – они впервые видели, как живут русские. И всему изумлялись искренне, как дети.

– Вы приглашаете нас вместе поужинать? Вы сами готовите? Вы, профессор... Этот суп называется щи?

Щей здесь не знали. Зато знали пирожки. Только называли их странно, делая ударение на второй слог. Гости ели охотно, издавая традиционное японское мычание, означавшее восторг. Они были благодарные едоки, только съесть могли немного. После второго пирожка Хидэо откинулся на спинку стула.

– Я обжора! Больше не могу!

Она вышла на улицу проводить гостей. Соседский малыш глянул на неё и перестал сосать палец, замер, уцепившись за мамину юбку. Такую странную белую тётю он видел в первый раз. И девочка-подросток уставилась на неё, забыв о приличиях, не в силах отвести изумлённый взгляд. Япония с любопытством смотрела на неё. Она смотрела на Японию...

Глава II Университет

Вот причуда знатока!
На цветок без аромата
Опустился мотылёк.
Басё

Давайте познакомимся, бабушка!

Всё засыпал снег.
Одинокая старуха
В хижине лесной.

Басё

– Первый раз я сам отвезу Вас в университет, – предложил Хидэо. – Чтобы Вам не пришлось искать дорогу...

Ровно в восемь тридцать машина Хидэо подъехала к её дому. Вырвавшись из города, Тойота проскочила мост через горную расщелину, нырнула в лес и стала взбираться в гору. Университет, разрастаясь, свой новый, уже четвёртый по счёту городок построил в предгорьях – в центре ему не хватило места. Среди мартовских голых деревьев показались серые ряды унылых бетонных коробок – учебные корпуса. По шоссе неслись, не смешиваясь, два потока. Первый на мотоциклах, второй на автомобилях. Первый – в чёрных шлемах и толстых куртках, второй – в строгих костюмах и лёгких плащах. Первый, студенческий, ехал учиться, второй, преподавательский, ехал учить. Два потока и парковались отдельно – мотоциклы студентов и их немногочисленные машины останавливались под навесом в дальнем углу двора, преподаватели подъезжали к самому подъезду, занимая аккуратно расчерченные клеточки автостоянки. Пожилой сторож при появлении очередной профессорской машины вскакивал со стула и кланялся. Наивежливейшая улыбка вырывалась из-под марлевой повязки, укрывавшей его нос и рот. Преподавателей здесь уважали.

Дверцы машин открывались, выпуская сначала ноги в ослепительно начищенных новеньких ботинках. Потом показывался идеальный костюм с неизменным синим отливом, ближе к горлу переходящий в белоснежную рубашку с тёмным галстуком и, наконец, голова, аккуратнейше постриженная и побритая. И непременно с озабоченным лицом. Далее являлся на свет дорогой портфель, туго набитый бумагами, а с ним нечто неожиданное – узелок, увязанный в пёстренький платочек.

– Это обед, – объяснил Хидэо, доставая из машины свой узелок. – Намико каждый день собирает мне коробочку. В столовую я не хожу, как и многие профессора. Нам некогда.

– Но зачем платочек?

– Такой платок мы, японцы, называем фу`росики, – строго поправил её Хидэо. – Узелок, увязанный в фуросики, это старинный японский обычай. Мы, японцы, чтим обычай.

Строгие преподаватели в строгих костюмах гордо несли забавные узелки с торчащими веселенькими ушками, демонстрируя сразу две японские добродетели: верность японским традициям и японское трудолюбие, не оставляющее времени поесть в столовой. Наивежливейше кланяясь друг другу, преподаватели строгой цепочкой, излучающей достоинство, тянулись к дверям. Тут к ним присоединялся студенческий поток. Присоединялся, но не смешивался, резко выделяясь униформой. Футболка под выпущенной поверх джинсов клетчатой рубашкой, кроссовки и длинные, постриженные в кружок волосы – студенты выглядели только так.

Стеклянная дверь открылась автоматически. Дешёвый вытертый линолеум, облупившаяся лестница, серые стены – государственные университеты во всём мире небогаты. Единственным украшением полутёмного коридора были большие окна, за которыми ярко синело море, и белели последним снегом горы. Немолодая уборщица, присев на корточки, оттирала едва заметные пятна на очень чистом полу. Её лицо скрывали опущенные поля панамки и марлевая маска. Маски – на уборщице, на стороже автостоянки – часть униформы университетского рабочего, призванная защищать от инфекций интеллектуальный персонал. Так подумала она. И улыбнулась – все новички, прибывшие в чужую страну, склонны возводить случайно замеченную деталь в ранг закономерности... По коридору шёл преподаватель, уже расставившийся

со своим портфелем и узелком. И с ботинками. И даже с носками. На его босых ногах хлюпали пластмассовые шлёпанцы, не смущая хозяина несоответствием дорогому строгому костюму. В японском доме всегда ходят в шлёпанцах на босу ногу, а университет для служащего – дом родной.

Она разволновалась – не придётся ли и ей пойти по университету босиком? И тут же успокоилась. В коридоре показалась девушка в туфельках на каблучках. Женщинам, кажется, разрешались послабления.

Новые веяния не быстро доходят до островов – должно быть, им трудно перебираться по воде. Кризис науки в Японии, кажется, откладывался. Это на материке он бушевал, как зараза, поразив не только бывший Советский Союз, но и Америку с Европой. Японская же лаборатория встретила её спокойной устроенностью: компьютеры, дорогие приборы... У Хидэо была даже собственная библиотека – немалое собрание специальных книг и журналов.

– Это – Ваш кабинет! – Хидэо открыл ключом свежевыкрашенную серую дверь.

Новенький письменный стол из серого металла, новое серое кресло и серый металлический шкаф для одежды – о таком кабинете она мечтала всю жизнь. И ни разу в жизни его не имела. Заново отделанные стены... Она была первой гостьей новой лаборатории Кобаяси, значит, он приготовил кабинет специально для неё! Растроганная, она благодарила долго, горячо...

Хидэо прервал её – он очень спешил.

– Я должен представить Вас профессорам нашего факультета! Вас и ещё одного доктора. Они вошли в большую комнату, сплошь заставленную столами с компьютерами.

– Это – студенческий зал, а это – доктор Чен из Китая. Он тоже недавно приехал.

Высокий, плечистый парень с широким спокойным лицом встал из-за стола, низко поклонился.

– Пойдёмте, пойдёмте! – торопил Хидэо, увлекая её и китайца в коридор. – Сначала я представлю вас сотрудникам моей лаборатории...

Хидэо, не стучась, открыл какую-то дверь. В прокуренной комнате сидел за компьютером высокий, лысый и очень тощий человек.

– Мой ассистент Шимада, – быстро сообщил Хидэо.

И тут же без церемоний потащил их дальше, объясняя на ходу, что в Японии каждому профессору положена лаборатория, каждой лаборатории – четыре сотрудника – три ассистента и техник. Хорошо всё устроено в Японии! Чётко.

Подбежав к какой-то двери, Хидэо напрягся, заранее улыбаясь, заранее кланяясь.

– Здесь кабинет знаменитого профессора Сато!

Хидэо очень волновался. Может, потому что недавно перешёл на инженерный факультет? На новом месте это был его первый учебный год. Он очень старался сделать всё, как надо. Осторожно постучавшись, он вошёл и тут же заговорил возбуждённо, торопливо, указывая рукой на неё и китайца. В его быстрой японской речи она различила слова "Россия" и "Москва" – Хидэо рассказывал её биографию. Он перешёл на английский, докладывая о её учёбе, работе... Потом прозвучали слова – муж, дочь и...

– Она уже бабушка, у неё есть внук, – улыбнулся Хидэо.

Она инстинктивно одёрнула юбку, неприлично короткую для бабушки. Хозяин кабинета – профессор в шлёпанцах на босу ногу, которого они встретили утром в коридоре, смотрел серьёзно и, кажется, разочарованно – ему привели старушку! Наскоро представив китайца, Хидэо стал цветисто расписывать достижения босого профессора – тот занимался микромеханизмами – миниатюрными устройствами, которые можно использовать в медицине, например, проглотить или пропустить по сосудам, или зашить куда-то внутрь тела. Ещё профессор Сато разрабатывал крошечные микрофоны и кинокамеры.

– Для шпионов? – пошутила она, и тут же осеклась, увидев непроницаемое лицо Сато.

Она спросила что-то по делу, но Сато оставил её вопрос без ответа, только вежливо улыбнулся, давая понять – деловые беседы вовсе не являются целью процедуры. Китаец держался позади и молчал, не забывая кланяться очень низко, а не так, как она, едва заметным кивком. На прощание Сато пригласил вновь прибывших заходить к нему на семинары. Хидэо нетерпеливо перебирал ногами. Ему предстояло повторить обряд представления в каждом из профессорских кабинетов факультета. Целый час ушёл на обмен любезностями, улыбками, поклонами. . . Вернувшись к себе в кабинет, она выгрузила из кармашка пиджака толстую пачку визиток, обретенных в процессе знакомств. Свой она, конечно, взять не догадалась. А вот доктор Чен прихватил так много карточек, что их хватило до самого конца коридора. Китаец лучше знал японские порядки.

Процесс представления оказался многоступенчатым – хождение по кабинетам было только первым актом.

– Я должен представить Вас на собрании факультета.

Хидэо назвал дату. А она тут же её забыла. И в день собрания пришла в джинсах и свитере. Китаец же явился одетым в парадный тёмно-синий костюм, такой же, как у японцев. И китайки принарядились в синеватые, как у мужчин, словно форменные пиджачки. Только она одиноко сидела на собрании в своём белом свитере. Как белая ворона. Входящие в зал смотрели на неё удивлённо. Когда настал её черёд, она быстро отбарабанила всё, что велел Хидэо: где родилась, где училась, работала. . . Хидэо, кажется, остался недоволен. Не дождав-шись чего-то, что должно было прозвучать, он поднялся сам и быстро заговорил. Она опознала уже знакомые японские слова: свой возраст, "муж", "дочь" и опять "бабушка". Теперь об этом факте был проинформирован весь факультет. Ей очень захотелось заставить добросовестного Хидэо замолчать.

– Что, обязательно нужно сообщать всем, что у меня есть внук? – спросила она его сердито после собрания.

– А почему это надо скрывать? – удивился Хидэо.

– Потому что у нас не принято говорить о возрасте женщины.

– У нас не так, – равнодушно возразил Хидэо. – Мы обязаны сообщать собранию полные данные о новом сотруднике. Абсолютно полные!

Собрание не исчерпало сценарий знакомства.

– Скоро первое апреля – начало учебного года, – сказал Хидэо. – В лабораторию пришли новые сотрудники, студенты. Мы всегда начинаем учебный год с вечеринки знакомства. – Хидэо написал объявление о вечеринке на шероховатой стеклянной доске в студенческом зале, выбрав самый яркий фломастер, красный. – Видите, я уже назначил день и отдал приказ.

Исполнять приказ предстояло младшему персоналу и студентам – у Хидэо их было двенадцать – одиннадцать парней и одна девушка – Митико. Но ребята называли её не по имени, а по фамилии – Фудзивара, добавляя церемонное "сан". И друг друга они называли так же церемонно. Именно Митико приняла на себя командование парадом. За длинным столом, отгороженным от компьютерной части студенческого зала шкафами с журналами и книгами, собрался штаб под её руководством. Штаб действовал так чётко, словно роли были распределены заранее. Впрочем, ребята были новичками только для сотрудников лаборатории, друг друга они знали хорошо, они проучились вместе два года. В лаборатории студенты попадали получив звание бакалавра и перейдя на третий курс.

Двенадцать человек быстро разбились на три звена: овощное, мясо-рыбное, питейное. В руки трёх главарей – обладателей самых просторных машин – легли списки: пиво – тридцать банок, кока-кола – двадцать, редька – три штуки, холодные закуски – пять больших коробок, пирожные – двадцать пять штук. Митико с удовольствием объясняла всё это подсевшей к студенческому столу русской сотруднице – девочке нравилось, что иностранка интересуется их жизнью. Пока будущие исполнители изучали списки продуктов, которые им предстояло

купить, Митико с калькуляцией в руках отправилась к лабораторному технику Ямазаки. Тот долго сидел у своего компьютера, готовя итоговую калькуляцию шефу – профессору Кобаяси. За пирушку-знакомство платил он. Из лабораторного фонда или из своего кармана – трудно понять, Хидэо называл то и другое – "мои деньги".

Пятого апреля она надела нарядное платье и новые туфли – всё-таки первый пир в новой лаборатории! Без пяти четыре за ней зашёл Хидэо в сопровождении ассистентов, чтобы вместе отправиться в административный корпус факультета. Кроме администрации здесь располагалось много других полезных помещений: банкетный зал, мини-гостиница для университетских гостей, курсы японского языка... В вестибюле устроился маленький музей истории университета – пожелтевшие от времени учёные труды в застеклённых витринах, шкафы, где хранилась старинная одежда преподавателей и студентов... Вестибюль служил не только музеем, но и комнатой отдыха – уютные журнальные столики с хрустальными пепельницами, бархатные кресла с белыми кружевными салфетками на высоких спинках... А за окнами – ухоженный сад. Только желающих отдыхать не было. Все работали.

На пороге небольшого банкетного зальчика их встретила стайка жёлтых клеёнчатых шлёпанцев банно-больничного образца. Первой жертвой японской действительности пали её модные туфли, оставшиеся валяться в прихожей. В зал она вошла в казённых тапках, сделавших абсолютно нелепым её нарядное платье. Впрочем, платье тоже было ни к чему – зал дышал ледяным холодом. Толстый свитер и тёплые брюки Митико оказались куда более уместными. Хидэо усадил её на низкую скамейку возле низкого стола и заботливо придвинул поближе крошечную электрическую печь. Это было единственное сооружение, призванное обогреть помещение.

– В университетском городке есть центральное отопление, – Хидэо словно извинялся. – Но первого марта его отключили – весна.

На дворе было градусов десять – двенадцать, а в бетонном зальчике, кажется, ещё меньше.

Рассаживались по ранжиру. В центре, рядом с ней поместился профессор Кобаяси в обрамлении двух ассистентов. Студенты сами собой чётко сгруппировались по годам – аспиранты, рядом с ними дипломники, а дальше молодёжь с третьего курса. Парни под предводительством Митико расставляли на столе коробки с бутербродами и пивные банки, раскладывали пакеты с орешками, картофельными чипсами... Она ринулась было помогать, но Хидэо остановил её – не профессорское это дело! Пришлось покорно вернуться за стол. Хидэо взял слово. И долго его не отдавал. Он говорил об истории создания своей лаборатории и о её светлом будущем, о чрезвычайной важности своей деятельности... Наконец он объявил свой рассказ законченным и после короткого перерыва на выпивку и еду велел представляться остальным – так положено на пирушке знакомств. Шимада быстренько сообщил три вещи: где родился-учился, над чем работал и какое у него хобби. Поскольку роль хобби Шимады исполняла его работа, речь получилась предельно краткой. Четвёртым пунктом он обронил, что у него есть сын. О жене речи не было. Видимо, факт наличия сына сам собой подразумевал её существование.

Другие сотрудники доложились ещё короче, словно соблюдая правило – чем ниже должность, тем меньше времени тебе положено. Студенты укладывались в пару фраз – учёба, хобби... Личной жизни в виде жены не обнаружилось ни у кого – студент в Японии не женится. Её присутствие вынуждало публику говорить по-английски, и бедные ребята морщили лбы, мучительно припоминая иностранные слова. Только Хидэо ликовал – его лаборатория приобрела международный лоск! За десять минут пятнадцать человек управились со своими жизнеописаниями, уступая ей черёд. Глядя на красивый стол и проголодавшихся студентов, она наскоро сообщила, что положено, кончив дочерью. Хидэо смотрел на неё, словно ожидая чего-то ещё. Не дождавшись, вступил сам:

– У неё есть внук!

В зале повисла такая тишина, словно сообщили о её кончине. Потом снова заговорил Хидэо. Он признался, что женил сына и вскоре, вероятно, тоже обзаведётся внуком.

– Но даже когда это случится, когда я стану стариком, обращайтесь ко мне запросто, как к другу, – печально попросил он студентов.

Она почувствовала, как у неё сгорбилась спина, её производили в старухи! И помочь тут не могли даже её хобби, о которых она только что рассказала: байдарка и горные лыжи. Наверное, это выглядело очень забавно – бабка с вёслами скачет по порогам.

Вечером, ожидая автобус, она обратила внимание на элегантного мужчину средних лет. Поймав его заинтересованный взгляд, почувствовала себя отомщённой за "бабушку". Она вовсе не чувствовала себя старушкой в свои пятьдесят лет! Мужчина подошёл, заговорил. Его английский был безупречен, как и темы, которые он обсуждал: радушный хозяин рассказывал гостю про свой город. И объяснял, почему ездит на автобусе: собирается на пенсию, привыкает обходиться без машины, обременительной в старости.

– Вы совсем не похожи на пенсионера! – воскликнула она, и мужчина удовлетворённо улыбнулся.

Он вышел на её остановке, пошёл рядом. У соседнего дома пожал на прощанье руку, представился и оказался... профессором Кумэдой с её инженерного факультета! Она назвалась тоже. Кумэда почему-то огорчился.

На следующее утро Хидэо принёс в её кабинет маленький электрический обогреватель. Она, тронутая заботой, призналась, что вчера познакомилась на улице с одним из профессоров их факультета, милейшим человеком. Реакция Хидэо была неожиданной – он покрылся красными пятнами.

– На улице?! Почему он подошёл к Вам? О чём Вы говорили?

После такого начала можно было ожидать чего угодно. Например, вопроса – не провела ли она остаток вечера с Кумэдой в каком-нибудь злачном месте? Хидэо был очень расстроен. И очень сердит. Он выскочил из её кабинета и через полчаса вернулся.

– Мы идём к Кумэде знакомиться.

– Но мы познакомились вчера! – изумилась она.

Он отмахнулся.

– Это – не то! Вы ничего не понимаете! Мы должны точно соблюсти процедуру! Это очень, очень важно!

– Но вчера мы долго разговаривали. Кумэда даже рассказал мне, что собирается на пенсию.

Хидэо остолбенел.

– На пенсию? Да ему ещё работать больше десяти лет!

Она улыбнулась и заговорила про мужское кокетство. Хидэо посмотрел на неё с ужасом.

Трусцой поспешая за Хидэо, быстро шагавшим по коридору, она пыталась уговорить его не ходить к Кумэде, чтобы не попасть в дурацкое положение. Ведь Кумэда рассмеётся, когда её приведут к нему знакомиться... Кумэда не рассмеялся, не удивился их визиту, а принял его, как должное. Строго сдвинув брови, он внимательно слушал торопливую, сбивчивую речь Хидэо, обильно пересыпанную извинениями, и кивал, соглашаясь: Кобаяси провинился, оставив его в неведении по поводу такого важного события, как появление на факультете нового иностранного профессора.

– Я не знаю, почему так вышло, – совсем разволновался Хидэо. – Я привёл её на факультетское собрание. Привёл! Но она села в заднем ряду. Может, Вы не заметили? И говорила она слишком тихо. Может, Вы не расслышали?

Хидэо улыбался заискивающе, кланялся и повторял "извините!" И она чувствовала себя виноватой. За свой тихий голос, за то, что села в заднем ряду, и, вообще, всячески виноватой!

Перед Хидэо, которого она подвела, перед Кумэдой, который не заметил её на собрании и заметил на улице. Ей тоже хотелось сказать "извините" и поклониться. Хидэо тотчас уловил её раскаяние, оставил самобичевание и набросился на неё:

– О, она только выглядит тихоней! – и хохотнул, должно быть, намекая на её развратную манеру знакомиться с мужчинами на улице.

И, о ужас! – Кумэда согласно кивнул. Сильно нервничая, Хидэо положил на стол перед Кумэдой листок. Она узнала своё имя. Ниже стоял год её рождения, название института... Наверняка там было и слово "бабушка". Хидэо, указывая пальцем на листок, стал рассказывать её биографию. Время от времени Кумэда задавал ему вопросы строгим тоном, и Хидэо бросался отвечать. Они говорили по-японски, не обращая на неё ни малейшего внимания. Словно её и не было в комнате.

Вечером на автобусной остановке она опять встретила Кумэду.

– Приходится ездить на автобусе пока моя машина в ремонте.

Сегодня он не кокетничал, не шутил. Какие шутки с профессором собственного факультета? С бабушкой...

Сэнсэй (Я занят!)

Устали стрекозы
Носиться в безумной пляске...
Ущербный месяц.
Кикаку

Утреннее солнце тёплыми квадратами лежало на светлом полу её кабинета. Весенний ветер из открытого окна весело ворошил разложенные на столе бумаги. Она писала план совместной работы с Хидэо. Их исследования шли близко. Почти рядом. Теперь вместе они смогут горы свернуть! Она собрала бумаги, вышла в коридор.

– Прекрасная погода! Я очень рад, что Вы наслаждаетесь жизнью в Японии! – улыбнулся Хидэо, встречая её на пороге своего кабинета. – Да, да, конечно, мы поговорим о Вашей работе... – Хидэо почему-то называл их совместную деятельность "Ваша работа". – Но сегодня я очень занят. И завтра. – Он взял ежедневник, полистал густо исписанные страницы. – Вот здесь у меня будет окно. Через месяц. – Она решила, что ослышалась – целый месяц ей предлагали слоняться без дела? – Да, да, о Вашей работе мы поговорим через месяц. А пока... – Хидэо замаялся. – Я хотел Вас попросить не называть меня по имени. О, конечно, когда мы одни, Вы можете звать меня, как прежде. Но на людях лучше зовите "сэнсэй". У нас так принято. "Сэнсэй" – это учитель, наставник. Так зовут нас ученики. И друг друга мы, преподаватели, называем "сэнсэй". Иногда добавляем фамилию, но чаще просто употребляем слово "сэнсэй". – Хидэо говорил быстро, обильно, словно пытался заглушить неловкость потоком слов. – Вас тоже все будут называть "сэнсэй". А теперь извините, я должен идти! Я очень, очень занят!

Хидэо глянул на часы и стал быстро переобуваться. По лаборатории он ходил в кожаных сандалиях, а не в пластмассовых шлёпанцах, как державшийся японского стиля профессор Сато. Хидэо был профессором западного стиля. Так он сам себя называл. В лаборатории он носил западного образца летние сандалии и не снимал носки. А на двери его кабинета висела табличка с именем Кобаяси, написанным по-английски. Прочие сэнсэй писали свои имена иероглифами. Хидэо переобулся в чёрные блестящие ботинки и вышел из кабинета. В коридоре на секунду замешкался, подошёл к висящему на стене рядом с дверью сооружению, похожему на корабельный компас. Стрелку компаса можно было повернуть ручкой, направив в один из восьми секторов с надписями: факультет, деканат, Токио, дом, заграница...

– Здесь перечислены возможные места моего пребывания. Это очень удобно для людей, которые нуждаются во мне.

Хидэо поставил стрелку на сектор "зал заседаний" и умчался куда-то, оставив её размышлять о том, что здешняя жизнь полна сюрпризов. Вчера её познакомили со знакомым Кумэдой, а сегодня перед ней предстал незнакомый Хидэо. Его звали сэнсэй, и у него не было времени поговорить о работе, которая должна была бы заинтересовать его не меньше, чем её. Или больше – ведь это он пригласил её, его страна платила ей деньги...

Конечно, она могла начать работать самостоятельно. Но поглощённый церемониями знакомства Хидэо забыл показать ей лабораторию, где ей собственно и предстояло трудиться. Самое главное забыл! Или не считал это самым главным? Она решила получить от Хидэо хотя бы минимальную информацию о работе. Но в лаборатории сэнсэй почти не появлялся. Утром он стремительно проскакивал в свой кабинет, усаживался за компьютер и что-то печатал, а в десять убегал. Пока она выговаривала "Доброе утро!", он успевал добежать до конца коридора. А его "я занят!" долетало до неё уже с лестничной клетки. Неловко было приставать со своими пустяшными вопросами к человеку, непрерывно занятому какими-то важными делами. Но какими? Он убегал каждый день. И возвращался поздно. Где он пропадал? Она решила

поговорить с Шимадой. Он, ассистент профессора, по-нашему доцент, второй человек в лаборатории после Хидэо должен был знать всё.

В пустоте длинного коридора гулко бился кашель. Значит, Шимада на месте. Он обрадовался её приходу.

– Хорошо, что Вы будете работать в нашей лаборатории! Вы поможете мне не забыть английский язык!

Шимада рассказывал, что недавно вернулся из Америки, где прожил год. Он был доволен, что Япония переняла обычай западных университетов раз в семь лет отпускать преподавателей на стажировку за рубеж ради повышения квалификации и вообще, вентиляции мозгов. Шимада находил это полезным для головы. И для кошелка – родной университет весь год продолжал платить ему зарплату и заграничный приплачивал тоже.

– На лишние деньги я смог купить автомобиль, Ниссан новой модели, – признался Шимада.

Ему явно хотелось поболтать, он так привык в Америке. И теперь нуждался в ней, как в мостике, который даст ему возможность плавно перейти из американской жизни в японскую. И ей был нужен кто-то, чтобы помочь войти в японскую жизнь. Они с Шимадой смотрели друг на друга с явной симпатией. Ободрённая, она решила познакомиться поближе.

– Вас, кажется, зовут Сатору...

После вечеринки знакомства Хидэо вручил каждому список всех сотрудников лаборатории и студентов. Там были фамилии и имена, написанные по-английски и по-японски, и номера домашних телефонов.

– Сатору? – брови Шимады удивлённо подпрыгнули, явно не одобряя такую фамильярность.

– Извините! – поспешно отступила она. – Извините Шимада-сан!

– Мы называем друг друга по фамилиям. У нас так принято, – уточнил Шимада, успокаиваясь.

Произнести её имя Шимада даже не пытался, то ли боясь ошибиться, то ли избегая лишних трудов. Он называл её просто сэнсэй.

– Сэнсэй Кобаяси ушёл на собрание. – Шимада охотно объяснял ей японскую жизнь.

– Ну что же, собрания случаются в любой стране. Сегодня собрание. А вчера?

– Вчера тоже было собрание. И позавчера. Собрания у нас каждый день. С утра до вечера, часов по десять. Профессора вечно сидят на собраниях.

Она решила – Шимада шутит. Что можно обсуждать ежедневно по десять часов?

– Разное, – пожал плечами Шимада. – Они обсуждают всё подряд: где парковать машины, как устроить места для курения, в какой цвет покрасить стены на факультете, какой породы деревья посадить во дворе...

В это трудно было поверить – профессора, бросив научную работу, обсуждают породы деревьев? Можно же отдать эти ботанические решения технической администрации!

– Нет. Наши профессора не хотят отдать хотя бы частицу своей власти. – Шимада усмехнулся. Профессоров он явно не любил. Может, потому, что сам не стал профессором? – К счастью, я не профессор и не обязан ходить на все собрания. – Потому у меня и остаётся время поработать.

Он отхлебнул из огромной кружки крепчайший кофе, взял с края пепельницы дымящуюся сигарету и уткнулся в компьютер.

Она брела по коридору, пытаясь осмыслить невероятное открытие: основное занятие японского профессора – собрания. Это была экзотика почище палочек и тапочек! Но даже если обсуждать всё подряд, ежедневных разговоров на десять часов не наберётся! Шедший по коридору мужчина улыбнулся ей, а она насторожилась – после истории с Кумэдой к случайным встречам она относилась с опаской. К счастью, мужчина оказался соседом, которому она была

представлена по всей форме. Стало быть, с ним можно говорить, не опасаясь последствий. Молодой, ослепительный профессор Такасими занимался модными суперкомпьютерами и полжизни проводил в самолёте, летящем в Америку, – так сообщил он ей при первом знакомстве. Теперь он признался, что ему нравятся американки. И выразительно посмотрел на неё. То, что соседка русская, Такасими, кажется, запомнил. Японки ему не нравились.

– Слишком застенчивы, – честно признался он и сообщил: – Иду на собрание, – и вздохнул, – приходится!

Начало было такое, что она решила выяснить мучивший её вопрос:

– О чём вы говорите так долго?

– Набирается, – Такасими уныло махнул рукой. – Одно и то же мы обсуждаем многократно: на собрании кафедры, группы кафедр, потом на собрании факультета, университета...

Получалось, время одной дискуссии надо помножить на три, а то и на четыре – тайна бесконечных собраний понемногу приоткрывалась.

– Чушь все эти собрания. Пожирание времени! – Такасими мог позволить себе говорить такое. Он был на особом положении – модные суперкомпьютеры и энергичное обаяние сэнсэя Такасими приносили факультету большие деньги. – Сегодня на собрании мне придётся отчитаться за командировку в Нью-Йорк, – сказал он, притворно морщась, и оживился. – Обычно мы рассказываем не только о делах, но и о развлечениях тоже! – И Такасими хитро подмигнул. – Чем лучше мне удастся развеселить собрание, тем больше будет шансов отпроситься в следующий раз! А то собрание может меня в командировку и не отпустить!

Такасими ушёл, улыбаясь. Должно быть, он обдумывал свой отчёт. Наверняка ослепительному Такасими было, что рассказать о своих развлечениях в Америке. Наверняка сэнсэй отпустят его туда в следующий раз. Скучно сэнсэям – собрания, собрания...

– Профессорские собрания – давняя традиция японских университетов. Старинные правила наделяют эти собрания большими правами! Особенно в нашем, бывшем императорском университете.

Хидэо готов был поговорить с ней. Не о работе. О собраниях. Бывших императорских университетов по всей Японии оказалось шесть, и это были самые лучшие университеты Японии. Хидэо очень гордился тем, что работает в одном из них. Гордился, что является членом профессорского собрания.

– Мы определяем всю жизнь университета, решаем действительно важные вопросы: распределение факультетских денег, приглашение новых сотрудников и гостей, назначение на должность... Вот сегодня, например, мы избирали нового профессора. Именно профессорское собрание решает, кто достоин получить место профессора.

Хидэо замешкался и вдруг заговорил обиженно. Наверное, только ей, иностранке, Хидэо мог пожаловаться так.

– Я сам стал профессором с седьмой попытки. Профессорское собрание отвергало меня шесть раз. Мне завидовали из-за моих международных успехов.

Конечно, для карьеры успехов лучше не иметь. Тем более международных. Это всюду, не только в Японии. Чтобы стать профессором, Хидэо пришлось перейти на другой факультет. Потому что на своём один профессор, всего один был против. И этот единственный голос наглухо закрывал ему дорогу к заветному профессорскому креслу. Много лет.

– Решение собрания должно быть единогласным – таковы наши правила. Мы не жалеем времени, чтобы прийти к единому мнению. И если кто-то против, хотя бы один человек, мы заседаем столько, сколько потребуется, чтобы его убедить.

Конечно, если сидеть до тех пор, пока не сломается самый последний, самый упорный, сидеть можно долго. Но Хидэо не считал это несчастьем.

– Все вопросы мы решаем на основании глубокого и всестороннего обсуждения. Япония – демократическая страна!

На новом факультете жизнь Хидэо наладилась – профессорское собрание единодушно избрало его профессором, назначило заведовать кафедрой.

– Я обязан исполнять эту обязанность в течение года. А декана избирают на два года. Все ответственные должности мы, профессора, занимаем по очереди, по назначению собрания. Заведование кафедрой означает, что я обязан председательствовать на собраниях. Конечно, новая должность отнимает много времени, но она даёт и некоторые возможности, – Хидэо не сумел скрыть довольную улыбку. – Например, я смог отремонтировать Ваш кабинет! Но я не могу пока уделять много времени научной работе, я вернусь к ней через год, когда место заведующего кафедрой займёт кто-то другой.

Конечно, постоянно назначая новых руководителей, профессорское собрание избавляло университет от приросших к своим креслам профессиональных начальников. Но заседать ради этого ежедневно по десять часов...

– Да, это слишком долго, – согласился Хидэо и тут же спохватился, испугавшись за свою смелость, он обсуждал японские порядки, да ещё с иностранкой! Заговорил торопливо: – Мы будем это менять! Уже меняем! В этом году заседания длятся на час меньше!

И он посмотрел на неё победоносно. А она вздохнула, навсегда расставаясь с надеждой поговорить с Хидэо о делах. Правда, оставался ещё один путь – заставить Хидэо обсуждать работу у неё дома, залучив его под предлогом, например, опять сломавшейся офуры. Её бытовые проблемы, в отличие от научных, Хидэо решал мгновенно. Наверное, он считал их более важными?

Все свои дни Хидэо посвящал собраниям, заполняя редкие паузы подготовкой протоколов. На другую деятельность приходилось совсем немного времени: одна лекция в неделю, один семинар, пара вечерних часов на руководство студентами. На собственную научную работу у Хидэо не оставалось ничего. Понемногу она приходила к выводу довольно странному – заниматься наукой в японском университете некому. Профессор пропадал на собраниях, его ассистент Шимада сидел возле компьютера и плохо представлял, что скрывается за мудрёным названием лаборатории, но Хидэо мирился с этим – иметь компьютерщика стало модным. Два других ассистента в лаборатории почти не появлялись – они вели занятия со студентами.

– Кто же в университете занимается наукой? – попыталась выяснить она у Шимады.

Он указал на блестящие чёрные головы у компьютеров.

– Да вот они, студенты!

– Как же удался тогда Японии технологический прорыв, если самым квалифицированным учёным, профессорам, заниматься наукой некогда? Откуда берётся вся эта блестящая электроника, автомобили и, вообще, японское чудо?

– Чудо – это на фирмах, – Шимада улыбнулся, – а университеты у нас... – Он не сказал – слабые, он просто безнадежно махнул рукой. И заторопился. – Сегодня я тоже должен быть на собрании, я очень занят! – В его голосе явственно зазвучала гордость. Он возвращался к японской жизни, сэнсэй Шимада.

В коридоре, поднимая ветер, одна за другой распахивались двери кабинетов, выпускали спешащих сэнсэев. Сэнсэи убегали в одном направлении – к залу заседаний. Там хлопотали секретарши, расставляя на столах фарфоровые стаканчики с зелёным чаем. Входя в зал, сэнсэи преображались. Выражение нарочитой озабоченности, которое они привычно носили в своих лабораториях, сходило с их лиц, уступая место неподдельному интересу. Сэнсэи становились бодрыми, упругими, переговаривались весело, звонко. Собрания – их истинное дело! Здесь они на месте, у себя!

Студенты

В чарку с вином,
Ласточки, не уроните
Глины комок.
Басё

Утро в лаборатории начиналось по-домашнему. Студенты собирались часам к десяти, переобувались в пластмассовые шлёпанцы, вешали куртки в шкафчики, стоявшие тут же, в студенческом зале, общих гардеробов в университете не полагалось. Каждый имел в лаборатории свой шкаф и свой стол. Но прежде, чем приступить к работе, ребята заворачивали на кухню, устроенную в углу студенческого зала. Здесь была раковина, газовая печь и тумбочка с кастрюлями, ложками, поварёшками, палочками и большой сковородой на случай больших торжеств. А на каждый день на тумбочке стоял вечно кипящий электрический чайник-термос. В шкафчике на стене всегда хранились растворимый кофе и сахар. Раз в месяц студенты скидывались и пополняли запасы. Был тут и зелёный чай, но его пили редко, только когда кончался кофе. Чай употреблял только один человек в лаборатории – сэнсэй Кобаяси. Но он предпочитал чай чёрный, английский, сам покупал его. И чашку имел собственную. А студенты брали на сушке возле раковины чашки общественные. В холодильнике они всегда держали свой любимый соус – американский огненный Табаско. Ребята чувствовали себя в университете, как дома. Они платили за обучение, а университет их баловал – устраивал по последнему слову техники лаборатории, строил автостоянки, теннисные корты, бейсбольные поля... Каждому студенту полагался свой компьютер. Возле него ребята и проводили свои дни, бегая пальцами по клавишам быстро, профессионально. Неумех не было. Неумехи кончались на младших курсах в огромном зале, где стояло около сотни терминалов, связанных с машиной преподавателя. В физические лаборатории, поражавшие бедностью на фоне компьютерной роскоши, студенты заходили редко.

Обычно день начинался с утреннего кофе. Но сегодня стол был занят – Хидэо раскладывал на нём свои статьи, перекладывал вновь, стараясь устроить по красивее. Научные труды перемежались фотографиями, сделанными на международных конгрессах – профессор Кобаяси улыбался в окружении знаменитых иностранных коллег. Притащив откуда-то лестницу, Хидэо взобрался на неё, чтобы собственноручно развесить по стенам плакаты, отражающие свои самые эффектные научные достижения. Он не доверил эту работу никому. Младший персонал был послан чистить и мыть лабораторию до блеска. Суэта охватила не только лабораторию Кобаяси. По коридорам сновали нарядные секретарши с кипами ярких буклетов. Помощница сэнсэя Сато тоненькая Томоко, сгибаясь, тащила кипу брошюр с миниатюрными механизмами на обложке. Буклеты, которые несла хорошенькая секретарша профессора Такасими, были украшены фотографиями сэнсэя на фоне суперкомпьютеров. Аспиранты Кумэды запускали на полянке возле факультета образец нового робота... Весь факультет в волнении готовился к чему-то важному. Наверное, ожидалось высокое начальство.

– Сегодня придут студенты, старые традиции. – буркнул Шимада, бочком пробираясь среди суэты.

Произойти должно было событие для начала учебного года заурядное – в первых числах апреля всегда устраивали день открытых дверей для студентов, которые придут учиться на третий курс. Часть ребят, получив после второго курса диплом бакалавра, уходила работать: многие фирмы предпочитали брать их в таком виде, более учёный народ им не требовался. Желание учиться ещё два года на мастер-курсе, чтобы получить полное высшее образование, ребятам приходилось подтвердить – сдать вступительные экзамены. Чуть ли не четверть соискателей сквозь это сито не проходила и тоже вынужденно отправлялась работать. Оставшиеся

имели право выбрать в какой лаборатории проходить мастер-курс. И тут сэнсэи открывали настоящую охоту на студентов. Среди профессоров существовала иерархия. О фаворите говорили: к нему стремятся попасть лучшие студенты! Аутсайдера пригвождали: к нему студенты не идут! Каждый сэнсэй старался привлечь как можно больше студентов – это укрепляло репутацию его лаборатории и её бюджет. Популярные среди молодёжи профессора получали почёт и дополнительное финансирование – гранты. Гранты позволяли сэнсэю ездить на международные конгрессы, приглашать иностранных учёных, покупать новые приборы...

Факультет стал похож на ярмарку, где продавцы, стараясь перещеголять друг друга, выставляют напоказ свой товар. Наведя в лаборатории окончательный лоск, Хидэо, облачённый в парадный костюм, занял позицию у дверей своих владений. И Такасими, улыбаясь ослепительнее, чем обычно, вышел встречать студентов. Сегодня улыбался даже строгий Сато. Ребята, робко озираясь, стайками ходили по прибранным лабораториям, глазели на приборы и пышущих энергией сэнсэев.

– Студенты только кажутся растерянными, – хмыкнул Шимада, явившись в компьютерный зал за кружкой кофе. – На самом деле они заранее знают, куда пойти. Больше всего желающих будет у Сато на микромашинах, у Такасими на суперкомпьютерах и на роботах у Кумэды – выпускников этих лабораторий охотно берут крупные фирмы с большой зарплатой. Но модные лаборатории смогут взять человек по семь-восемь, не больше. Остальные спустятся вниз, к чему-то непрестижному вроде нас. Число студентов рассчитано так, что кое-что достанется даже самым последним.

Хидэо очень волновался – студенты к нему шли неохотно, хотя дело было тут не в нём, а в несовременном слове "физика" в названии лаборатории. Не особенно надеясь на свои научные достижения, он разложил на столе толстые альбомы вроде семейных, куда сам вклеил накануне фотографии: лабораторный пикник на берегу моря, прогулка в горах...

– Битва за студента не заканчивается днём открытых дверей в апреле, а продолжается весь учебный год, – говорил Шимада. – Разочаровавшись, студент может уйти в другую лабораторию, а потому его важно не только заполучить, но и удержать. Сэнсэю Кобаяси приходится оплачивать коллективные вечеринки из фонда лаборатории, а то и из собственного кармана. Конечно, так делают все сэнсэи, но тем, к кому студенты идут неохотно, приходится тратить больше... Слава о щедрости сэнсэя и весёлой жизни в лаборатории помогает привлечь новобранцев...

Студенты были свободны выбирать.

– Не вполне свободны, – поморщился Шимада. – Во-первых, популярные лаборатории возьмут тех, кто лучше других сдал вступительные экзамены на мастер-курс. Во-вторых, факультет должен поделиться с научно-исследовательским институтом. Туда мы стараемся отдать студентов похуже, оставив себе способных.

Шимада усмехнулся. Институт числился при инженерном факультете, но жил отдельно, в центре города. Университетские считали его чужим. Институт был новый, прекрасно оборудованный. Наверное, способным ребятам тоже хотелось поработать там.

– А сильные студенты не возражают, когда вы не пускаете их в новый институт? – удивилась она.

– Мы выбираем способных, но тихих, не склонных к энергичному поиску места на стороне! – Шимада снова усмехнулся.

Способный и сговорчивый одновременно – такое возможно разве что в Японии...

Как Вы думаете?

Красная луна!
Кто владеет ею, дети,
Дайте мне ответ!

Исса

Хидэо повесил в лаборатории расписание еженедельных семинаров – каждый студент был обязан сделать научный доклад. В день первого заседания техник Ямазаки открыл большую аудиторию, включил проектор, опустил висящий над доской экран. Всё было в порядке и всё на высшем уровне. Студент-докладчик Кубота, красивый, как киноартист, разложил на стекле проектора прозрачные копии рисунков – яркие, чёткие – факультетский ксерокс работал отменно, японская плёнка была отличного качества. Полная коробка такой плёнки всегда стояла в лабораторном шкафу, и студенты могли брать оттуда сколько угодно. Плёнка была дорогая, но студенты брали её бесплатно. Семинар обошёлся недёшево: проектор, ксерокс, листов десять плёнки и целая кипа бумаг... Кубота раздал всем пятнадцати участникам семинара текст доклада.

– У нас всё, как на международном конгрессе, – гордо сообщил Хидэо.

Держался Кубота прекрасно – стоял удобно, не загораживая экран, говорил спокойно и внятно, двигался правильно и плавно – профессионально. Красный луч лазерной указки ярким пятном скользил по красивой картинке на идеальном экране. Не каждый русский профессор видел то, что имел японский студент! Кубота говорил по-японски. Правда, для неё он приготовил английский вариант. Специально перевёл на английский язык длинный текст своего доклада! Она была тронута такой заботой. Темы докладов в расписании указаны не были, но на экране замаячило что-то знакомое. Она перелистала свой текст. Перед ней лежала известная работа американского коллеги. Стало быть, английский вариант, приготовленный для неё, не потребовал от Куботы больших трудов – он просто скопировал журнальную статью. А то, что он теперь произносил, был её японский перевод. Но для студента и это совсем неплохо – разобраться в такой сложной работе!

– Как Вы думаете, почему происходит это явление? – она задала вопрос только потому, что захотела поддержать прилежного Куботу, похвалить.

Аудитория оцепенела. Кубота замер. Шимада, мирно дремавший на соседнем стуле, проснулся. Хидэо склонился к её правому уху, зашептал сердито:

– Вы забываете, это же студент! Ему же не положено! – по скулам сэнсэя разливались нервные красные пятна.

Она не поняла, что не положено студенту: знать – почему? или думать? А, может, и то, и другое? Кубота растерянно смотрел – не на неё, а на сэнсэя Кобаяси. Должно быть, он впервые в жизни услышал вопрос "как Вы думаете?" И не знал, что отвечать.

Резкий голос Хидэо прервал нехорошее молчание. Он говорил по-японски, нацелившись пистолетом лазерной указки на экран. Красный луч плясал по строчкам.

– Сэнсэй считает, что для перевода одного из терминов Кубота использовал неправильный иероглиф, он предлагает заменить его другим, более точным, – перевёл Шимада, склоняясь к её уху.

Студенты озабоченно зашуршали страницами доклада, внося исправления, сделанные шефом. Кубота, успокаиваясь, послушно закивал. Значит, задачей Куботы было просто перевести английский текст, отпечатать его, размножить и пересказать, не вникая в суть, своими словами? Или заученными наизусть? Кубота говорил гладко, не глядя в текст.

– Я каждый раз удивляюсь, как бодро наши студенты щебечут о том, чего не понимают! – зашептал Шимада. – А анализировать они не умеют. Они только сравнивают – то как это, а это, как то...

– Но они должны учиться думать...

Начала она и осеклась – глаза Шимады закрылись. Он уснул. И студенты спали. Едва Кубота нажал кнопку возле проектора, притушив свет в аудитории, ребята падали головами на сложенные руки. Председательствующий Танабу спал, сидя прямо, прикрыв глаза. Только бедный доктор Чен, которому выпало несчастье сидеть рядом с боссом, покорно слушал то, что шептал ему на ухо сэнсэй Кобаяси.

Кубота закончил, зажёл свет. Студенческие головы как по команде поднялись.

– Поблагодарим Куботу за отличный доклад! – провозгласил Хидэо.

Студенты зааплодировали, привыкая вести себя, как положено на международном конгрессе. Докладчик поклонился, улыбаясь удовлетворённо. Он добросовестно справился с работой.

– Можно задавать вопросы!

Председательствующий аспирант Танабу обвёл взглядом аудиторию. Желающих не нашлось.

– Спросите Вы! – обратился Хидэо к Митико.

Девушка не удивилась, не обиделась, что её принуждают, не растерялась. Она перелистала текст и начала свой вопрос словами:

– Страница такая-то, строка такая-то...

И все присутствующие принялись переворачивать листы, отыскивая указанное место – обсуждались детали перевода.

– А теперь давайте послушаем комментарий нашей русской гостьи по этому вопросу!

Хидэо вызывал её к доске. Как школьницу. Он имел право руководить любым сотрудником своей лаборатории. Чувствуя себя двоечницей, не выучившей урока, она вышла, произнесла нечто, едва относящееся к делу. Но сэнсёю её спич понравился.

– Мы счастливы услышать столь квалифицированный комментарий!

Семинар катился как по маслу. Сымитировав с помощью приказов положенную по сценарию дискуссию в виде вопросов и выступлений, Хидэо велел перейти ко второму докладу. Тема его резко отличалась от темы первого – говорить о какой-то общей физической проблеме семинара не приходилось. Да никакой физики и не обсуждалось, только перевод. Докладчик, самый молодой студент Ода, наизусть свой доклад не выучил, а стал читать его по бумажке, сбиваясь и путаясь.

– Ода-сан – неважный студент, – шепнул ей на ухо Хидэо. – А Кубота-сан – студент хороший!

Он защищал Куботу, незаслуженно обиженного странным призывом думать. А для Оды сэнсэй Кобаяси определил наказание – перевести ещё одну статью на тему, совсем отличную от его сегодняшней работы. Понять, по какому принципу Хидэо подбирал статьи, было невозможно. Он словно выдёргивал их наугад. Впрочем, некая система всё-таки была. Две работы принадлежали американским авторам, третья – самому сэнсёю Кобаяси.

– Наверное, им совсем неинтересно то, о чём они говорят? – сказала она Хидэо, указывая на дремлющих студентов.

– Ничего, – улыбнулся он. – Такие семинары – отличная тренировка!

Тренировка чего? Хидэо учил студентов, как стоять, как говорить, как показывать картинку... Учил переводить и заучивать наизусть чужие тексты. Учил прилежно заниматься работой неинтересной, непонятной – учил тому, что пригодится в японской жизни. Учил долгим сидениям на собраниях... Благодаря обильным комментариям сэнсэя, семинар, начавшись в три, закончился в девятом часу.

– Вы хотите посетить мой семинар? Я приглашал? – сэнсэй Сато не скрыл изумления. Она приняла его ритуальные слова, сказанные во время процедуры представления, за чистую монету. – Вы интересуетесь микромашинами? Это же не Ваша область!

Но присутствовать иностранке на своём семинаре Сато всё-таки разрешил, хотя и посматривал на неё подозрительно, как на вражеского лазутчика. Семинар сэнсэя Сато походил на семинар сэнсэя Кобаяси, как две капли воды. Те же переводы американских статей, те же спящие студенты и говорящий профессор. Наверное, здесь так было положено. И она постаралась вести себя, как подобает, не задавала докладчику неуместный вопрос:

– Как Вы думаете?

Абсолютно точные указания

Все волнения, всю печаль
Твоего смятенного сердца
Гибкой иве отдай.

Басё

Профессору, хоть в русском университете, хоть в японском, положено руководить студентами.

– Попробуйте поработать с аспирантом Танабу!

Хидэо смотрел на неё так, словно сомневался, справится ли она со столь сложной задачей?

Она обиделась – в России через её руки прошли десятки аспирантов. Хидэо об этом знал. Но всё-таки решил упростить её задачу:

– Помогите ему решить уравнение.

Тихий маленький Танабу пришёл, обхватив короткими руками огромную кипу бумаг. На вопрос о смысле его работы он сообщил:

– Я развиваю идею сэнсэя Кобаяси.

Она села разбираться в работе – не могла же она, как школьница, просто начать решать какое-то уравнение! Тем более что оно было жуткое, трёхэтажное. Уже через полчаса выяснилось, что уравнение, которое обещало поглотить уйму времени несчастного Танабу, даст в результате лишь маленькое уточнение, ни на что не влияющее. Она решила честно предостеречь Танабу.

– Почему Вы решили использовать именно эту формулу?

Очки Танабу запотели.

– Так велел сэнсэй...

– Конечно, сэнсэй прав, – как можно мягче сказала она. – Но можно поискать более простой путь!

Она объясняла, Танабу слушал странно, неподвижно, словно спал с открытыми глазами. Она закончила, он молча встал, сложил бумаги и ушёл. Минут через десять в её кабинет, не стучась, вбежал Хидэо. Не здороваясь, начал нервно:

– Почему Вы сказали аспиранту, что он не должен делать то, что я велел?

Губы Хидэо трепетали. Он едва сдерживался.

– Я не говорила ничего подобного, – не поняла она сэнсэева гнева. – Я просто предложила более простой путь.

– Я дал Танабу указания, – прервал её сэнсэй. – Он должен исполнять их! А не искать какие-то другие пути! Я попросил бы Вас не разговаривать со студентами таким образом!

Хидэо удалился, не объяснив, как следует правильно со студентами разговаривать. Может быть, вот так:

– Какую замечательную работу поручил Вам сэнсэй! О, он безусловно прав и указания его мудры! А я готова проверить вычисления. И, возможно, правописание. Если разрешит сэнсэй.

И ещё одно ей было непонятно – откуда узнал Хидэо содержание её беседы с Танабу? Правда, выйдя вслед за Танабу в коридор, она увидела его спину, заранее согнувшуюся в вежливом поклоне возле двери кабинета Хидэо. Но она не предполагала, что аспирант отправляется доложить боссу всё. До мельчайших деталей.

В конце концов, она всё-таки решила помочь Танабу с вычислениями – должна же она была хоть как-то оправдывать большую японскую зарплату! Хидэо, застав её за этим занятием, улыбнулся благосклонно. Он даже захотел поучаствовать в работе, ставшей на правильные рельсы.

- Чему равна вот эта постоянная? Напомните аспиранту!
- Надо посмотреть в справочнике, – бросила она рассеянно.
- Танабу изумлённо поднял брови. Хидэо уронил очки.
- Вы... Вы не помните? А я считал Вас специалистом!

Она знала, конечно, что учиться в Японии значит заучивать наизусть. Знала, что здешние школьники зубрят даже железнодорожные справочники. Иначе тут никаких экзаменов не сдашь. Она всё это знала. Но одно дело – знать из книг, другое – встретить в жизни.

- Работой Танабу буду руководить я, – бросил Хидэо, направляясь к двери.

Через неделю он сказал:

- Попробуйте заняться студентом Мацутани. Он не аспирант, дипломник.

Сэнсэй давал ей задание попроще. Предельно сократив научную часть беседы, она отдала первые инструкции:

- Поднимите температуру градусов до двухсот – трёхсот...

Мацутани поклонился и ушёл. А она решила, что вопрос исчерпан – проблема не стоила выеденного яйца. Легкомысленно решила. Через несколько минут её настиг в студенческом зале возбуждённый Хидэо. Следом за ним брёл Мацутани.

– Что Вы сказали студенту? – Хидэо почти задыхался от негодования. – Двести или триста градусов – это по-Вашему одно и то же?

Она уже не удивилась, что содержание её разговора с Мацутани дословно стало известно Хидэо. Она приняла этот местный обычай доносить всё боссу. И попыталась объяснить: по всем законам физики для свойства, которое студент изучает, что двести градусов, что триста – всё равно. Как и четыреста. Вот после пятисот что-то может и случится. Студент, тем более дипломник, должен это понимать.

– Давайте спросим, что думает по этому поводу Мацутани-сан, – предложила она. – Какое у него мнение?

Сэнсэй, опустивший её рассуждения о законах физики мимо ушей, посмотрел на неё с весёлым изумлением.

- Спросить студента? Какое у студента может быть мнение?

Сэнсэй разговаривал с ней тоном учителя школы для неполноценных. Он и студентов своих, кажется, считал неполноценными. Или роботами для исполнения указаний. Настолько точных указаний, что размышлять над ними не имеет смысла.

- Студенту следует отдавать точные указания! Абсолютно точные! – отчитывал её Хидэо.

Мацутани стоял рядом, согласно кивая каждому слову сэнсэя. И ребята у компьютеров подняли головы, прислушиваясь. Сэнсэй отчитывал её при студентах! Почувствовав себя оскорблённой, она решила отомстить.

- Хорошо! Поднимите температуру до двухсот тридцати двух с половиной градусов.

Она думала, они засмеются. Или обидятся. Потому что эти полградуса – такой же абсурд, как измерение расстояния от Москвы до Токио с точностью до миллиметра. Но Хидэо закивал серьёзно. А студент, выхватив из кармана блокнот, стал записывать. Она смотрела на озабоченно чиркающего карандашом Мацутани и вспоминала японскую сказку про деревенского парня Сабуро. Он делал всё в точности так, как ему велели: надёргал в огороде редьку и принёс её домой, перепачканную в земле.

– Всё, что на огороде выдернешь, разложи сначала посушиться на грядке! – приказал отец.

И парень разложил на поле золотые монеты вырытого клада. Их украли.

- Всё, что найдёшь, принеси домой! – рассердился отец и Сабуро принёс дохлую кошку. Сказка смеялась над глупым Сабуро, японская сказка.

Через неделю в её кабинет постучал китайский доктор Чен.

- Сэнсэй назначил меня руководить работой Мацутани.

Она не обиделась, что её опять отлучили от работы с ребятами. Она всё равно не понимала, в чём состоит её руководство, если студент передаёт все её распоряжения шефу и ждёт приказов от него? Чен не уходил, чего-то ждал.

– Я не знаю эту работу, – сознался он.

– Как же Вы собираетесь руководить студентом? – не поняла она.

– Работу знаете Вы...

Чен поклонился и объяснил, что указаний ждёт от неё. Он же, Чен, станет доводить эти указания до сведения шефа, а шеф, проверив сказанное ею и поправив, отдаст распоряжения студенту Мацутани. Потому что студент станет исполнять только приказания сэнсэя Кобаяси – таков порядок. В японских порядках Чен разбирался лучше, чем она. И его собственная роль, состоявшая в транспортировке указаний от неё до кабинета шефа, его ничуть не смущала.

Чен стоял, вытянув руки по швам, ждал первых указаний. Она пошла к Хидэо и очень вежливо объяснила, что на столь сложной траектории передачи указаний легко что-то перепутать. Сэнсэй согласился – потери точности допустить нельзя! И разрешил ей попытаться ещё раз поработать со студентом напрямую, без посредника. Только не с дипломником Мацутани, а с третьекурсником Таманагой – Хидэо подбирал ей работу по силам. Она постаралась дать Таманаге совсем простое задание и абсолютно точное:

– Сделайте снимок образца!

Студент проследовал в кабинет шефа, но Хидэо к ней не прибежал. Значит, на сей раз она всё сделала правильно. Прошёл день, но Таманага не появился в её кабинете. И это было странно, потому что японские студенты работали в режиме "сказано – сделано". Они поражали своим трудолюбием, эти студенты! Едва получив задание, бросались его исполнять, впивались в работу так, словно ждали её всю жизнь. Не отлынивая, не волнуясь, они трудились безостановочно и неустанно, словно где-то внутри у них запускался маленький моторчик. Недаром символом университета была трудолюбивая пчела, которая целыми днями летает, собирая мёд. Студенты работали тщательно, прилежно. Но как-то странно. Их руки делали, а чёрные глаза оставались пустыми. В них не было никакого интереса. Они просто делали, не думая, не вникая, не задавая вопросов. Им было всё равно, что делать. Но скорость исполнения была спринтерской.

Однако Таманага почему-то не приходил, хотя порученное ему дело было плёвое. К вечеру она поинтересовалась:

– Есть проблемы, Таманага-сан?

– Нет, нет! – парень замотал головой, улыбнулся виновато. – Я не успеваю выполнить Ваши указания сегодня! Я принесу вам работу завтра. Если Вы позволите...

Она позволила. На следующее утро, не успев снять пальто, она услышала стук в дверь. Таманага поклонился, извинился за задержку работы и протянул ей сложенный вдвое огромный лист. Лист не умещался на столе, его пришлось разложить на полу. На полотнище аккуратными рядами, кромка к кромке были наклеены в четыре ряда восемьдесят четыре фотографии – панорама всего образца. Кусочек металла площадью в два квадратных сантиметра был огромным для маленького глаза микроскопа!

– Что это? – ужаснулась она.

И догадалась. Она велела сделать снимок образца. Как понял бы её любой русский студент? Что надо снять один типичный участок. А студент японский исполнил указание буквально – сфотографировал весь образец, полностью, кадр за кадром. Снимки были прекрасные – яркие, чёткие, тщательно подобранные по свету и контрасту – Таманаге пришлось немало потрудиться. Она посмотрела на припухшие от бессонной ночи, покрасневшие глаза Таманаги и почувствовала себя виноватой. Она так и не научилась отдавать указания японским студентам!

– Вы сделали прекрасную работу, Таманага-сан! – сказала она, стараясь скрыть замешательство. – Но как Вы собирались использовать такое большое число снимков? У Вас была какая-то идея?

Таманага часто заморгал и оглянулся, словно ища защиты.

– Вы сказали...

Не надо о науке!

Роса на цветах шафрана.
Прольётся на землю она
И станет простой водою...

Тиё

– На сегодня я назначил обсуждение Вашей работы... – Значит, в прошлый раз Хидэо не оговорился, назвав так их совместную деятельность – "Ваша работа". Значит, своей он эту работу не считал. – Но Вам придётся подождать. Я должен подготовить протоколы к завтрашнему собранию.

Дома, в России, протоколы вызывали у её коллег только одно чувство – отвращение. Хидэо смотрел на дело иначе:

– Протоколы – очень важная работа! И она поручена мне! Поскольку я, как руководитель кафедры, председатель собрания, – Хидэо выговаривал слова "руководитель" и "председатель" с особым удовольствием. – Это большая ответственность! Я должен обдумать каждую фразу. – Через запёртую дверь кабинета Хидэо долетел стук пишущей машинки и клацание дырокола. В восемь вечера Хидэо прошёл к лабораторному ксероксу. – Я уже закончил. Осталось сделать двадцать копий протокола для каждого участника собрания. – С кипой бумаг в руках Хидэо прошёл в свой кабинет, чтобы разложить страницы стопочками, сшить скрепочками... – Сегодня поговорить не успеем, видите, я занят! – бросил ей Хидэо через раскрытую дверь, – отложим беседу на завтра!

– Да, мы сейчас поговорим, – встретил её утром Хидэо и быстро побежал по пустой ещё лаборатории, проверяя что-то, наводя порядок...

Он заглянул в холодильник, проверил содержимое, на минуту задержался у столика с приборами, поправил шнур так, чтобы он лёг параллельно краю стола. Мелочей в его хозяйстве не существовало! Осмотрев студенческий зал, он остался недоволен и устремился к компьютеру, чтобы напечатать объявления: "Окончив работу, задвигайте стулья под столы, чтобы в зале было просторнее". Собственноручно развесив объявления, Хидэо наконец утомился, сел за стол. Но слушал он рассеянно, ёрзал, косясь на телефон.

– Я жду звонка декана! По поводу факультетского собрания! Это очень важно! – Телефон зазвонил, и сэнсэй с готовностью сорвал трубку. – Я должен идти! Срочно! – выдохнул он с облегчением. – Как хорошо мы с Вами поговорили! – Беседа длилась меньше десяти минут, они ничего толком обсудить не успели. – Закончим вечером, – утешил её Хидэо. И принялся загружать протоколы в большую хозяйственную сумку. В портфель они ни за что бы не влезли. – Я готовил эти протоколы ночью, чтобы освободить время для нашей сегодняшней беседы... – Хидэо сообщил это он на прощание и убежал, кренясь под тяжестью бумаг. А она осталась мучиться угрызениями совести.

В пустом коридоре гулко фыркал умывальник – в туалете пожилой мужчина мыл руки. Вообще-то японцы рук не мыли, считая, что мытьё убивает их естественную способность отторгать грязь, – так говорил Шимада. Да и зачем мыть руки в стерильно чистой стране? Но этот мужчина мыл руки подолгу. Станный был человек. И работа у него была странная: в маленькой комнатке в конце коридора он перекладывал старые журналы, определяя их в стопки, расставляя по полкам, переставляя опять. Он занимался этим всё время, оставшееся от мытья рук. Кем он был? Судя по одежде – серой полотняной курточке, белой рубашке с тёмным галстуком, белым хлопчатобумажным перчаткам – университетским техником. Судя по возрасту и по робкому, заискивающему взгляду, он дорабатывал до пенсии. Коротал время за бессмысленной работой, от которой старался уйти к делу реальному – мытью рук.

Вечером после собрания Хидэо постучал в её кабинет – она подхватила бумаги, готовясь к беседе. Но сэнсэй оглядел комнату – всё ли в порядке? Воскликнул в панике:

– О, я забыл! – И убежал куда-то. Вскоре он вернулся, неся электрический чайник-термос, чашку с блюдцем и маленькую ложечку. Устроив всё это на книжной полке, удовлетворённо улыбнулся. – Теперь всё в порядке!

Персональный чайник – большая честь, оказанная гостю. Прочие сотрудники лаборатории, включая самого Хидэо, пользовались общим чайником в студенческой комнате. Иностранку Хидэо баловал. В её кабинете был даже диван. Не было только компьютера, чтобы работать.

– Вам нужен компьютер? – Хидэо отмахнулся с досадой. – Это потом! А пока Вы можете использовать те, что стоят в студенческом зале. Там есть свободные. Те, что постарее. Студенты работают на новых.

Она посмотрела на Хидэо с удивлением.

– Без компьютера зачем мне кабинет?

– Чтобы отдохнуть! – быстро нашёлся Хидэо. И убежал в студенческий зал,

Он сменил пиджак на короткую желтовато-серую курточку – такие выдавали в университете вместо халатов. Курточка была несвежая, местами заштопанная. Но Хидэо это не смущало, а, кажется, даже радовало – вид у курточки был трудовой. Хидэо принялся переставлять книги на полке, сортируя их по темам, годам, по размеру... В их ровном строе что-то не сходилось.

– Не хватает одной книги! Она здесь стояла. Кто её взял? – Услышав её признание, Хидэо приказал: – Немедленно верните! Кто-то из студентов может захотеть почитать. Впрочем, они лентяи и ничего не читают. Но я верю, что однажды в моей лаборатории появится блестящий студент. Он будет хорошо работать и получит новые подтверждения моей идеи. Я – оптимист!

Она обвела взглядом студенческий зал, заполненный в столь поздний час теми, кого сэнсэй назвал лентяями, возразила:

– У Вас и теперь хорошие студенты.

Хидэо несогласно покачал головой и продолжал возиться с книгами.

Она потеряла терпение. Когда же профессор займётся своими прямыми обязанностями – наукой? Зачем он тратит время на пустую работу, которую может сделать кто угодно, например, техник? Обязанностей у Ямазаки было немного: ремонтировать микроскоп, который ломался редко, исполнять мелкие поручения... Ямазаки проводил дни, играя на своём маленьком компьютере в пиратов. А парень он был славный – стоило попросить его о чём-то, тут же бросался исполнять. Даже если просила она. Почему бы сэнсэю не попросить его сортировать книги?

– Я не имею права заставлять техника, – туманно обронил Хидэо. – И потом, я должен делать это сам. Это очень важно!

Важно было всё: собрания, протоколы, сортировка бумаг – всё, кроме научной работы! Той самой, которой когда-то занимался Хидэо. Пока не стал профессором. В девять вечера Хидэо покончил с книгами в студенческом зале и переместился в свой кабинет. Её предложение приступить к обсуждению работы он отверг.

– Я должен привести в порядок свои архивы. Сейчас я как раз занимаюсь нашей перепиской! – Явно гордясь собой, он показал ей пухлую папку.

Он хранил всё, поздравительные открытки, конверты... За чистейшими стёклами многочисленных шкафов, занявших почти всё пространство большой комнаты, стоял длинный строй папок с аккуратно надписанными ярлычками. Содержать такое хозяйство в порядке стоило немалых трудов, но Хидэо сил и времени не жалел.

– Я боюсь, Хидэо, что моё пребывание у Вас не принесёт пользы нашей работе! – она упрямо выделила она слово "нашей".

– Что Вы так волнуетесь по поводу работы? – отечески улыбнулся Хидэо. – Зачем так торопитесь? Знакомьтесь с Японией! Запишитесь на курсы японского языка, съездите в Киото!

От изумления она лишилась дара речи. Ей предлагали отдыхать?! Быть туристом! А она думала – трудолюбивая Япония потребует от неё жёсткой работы.

– Важно, что в моей лаборатории появилось европейское лицо, создалась международная атмосфера. Этого достаточно для начала. Студенты учатся общаться с Вами, привыкают говорить по-английски. Это очень полезно! Даже мой техник Ямазаки начал вспоминать английские слова! – Хидэо засмеялся удовлетворённо.

Ей готовы были платить хорошие деньги за английский язык?! За цвет лица?! Япония – загадочная страна!

Хидэо поставил папку с их перепиской на полку, снял очки, потёр глаза. А может, он просто устал от многочасового сидения на собраниях? От писания протоколов? И к вечеру ни на что другое, кроме приборки, уже не годился? Может, он вообще устал он, отстал. Потому что писал протоколы, а не научные статьи. А наука, как спорт, как балет, требует ежедневных упражнений для поддержания формы: работы в лаборатории, в библиотеке... А сэнсэй форму потерял и бесед с нею о науке просто побаивался?

– Хидэо, – начала она.

И поймала его взгляд, умолявший:

– Не надо о науке!

Она посмотрела на измученное, серое лицо сэнсэя.

– Хидэо, Вам скоро ехать в Париж на конгресс. Давайте я отредактирую Ваш доклад!

Это сказалось у неё нечаянно, само собой. От жалости. Хидэо благодарно улыбнулся, быстро согласился, сказал ласково:

– А Вы работаете упорно, до девяти часов!

Хотя считать работой то, что делала она нынешним вечером, вряд ли стоило.

В десять часов Хидэо всё ещё что-то подправлял в идеальной расстановке своих архивов. Она вышла на улицу, надеясь поймать такси. У входа в корпус заводил свой мотоцикл немецкий аспирант из лаборатории Сато. Парень поздоровался и уважительно показал рукой на свет в окне кабинета Кобаяси.

– Знаменитое японское трудолюбие!

А она не стала раскрывать ему тайну ночных сэнсэевых занятий.

Возле магазинчика Сэвэн-илэвэн ей встретила Наташа. Выслушала жалобы, пожалала плечами.

– Ваш сэнсэй никак не найдёт времени для разговора о работе? Здесь это дело обычное. Мой муж своего сэнсэя не видел уже год.

Как положить сливы в бутылку?

Хлюпают носами...

Милый сердцу деревенский звук!

Зацветают сливы.

Басё

При умелом обращении согдится и дурак, и тупые ножницы.

Японская пословица

В отделении суперкомпьютеров обслуживали технику японские инженеры. Но использовали её только иностранные учёные. Сейчас там работали поляк, американец и француз. На мощных машинах фирмы Хитачи они решали свои длинные уравнения, строили замысловатые модели. Фирма Хитачи платила им хорошую зарплату, а сэнсэй Такасими устраивал райскую жизнь с просторными, роскошно обставленными кабинетами, красивыми секретаршами, которые заботливо ухаживали за своими подопечными. Начальник отделения Такасими очень гордился, что иностранцам нравится работать у него, что они охотно приезжают, не давая суперкомпьютерам простаивать. Найти японских учёных, желающих решать достойные суперкомпьютеров задачи, Такасими не мог.

– В Японии мало программистов и совсем нет физиков-теоретиков, – говорил польский профессор Квятницкий.

Он частенько заходил к ней поболтать. В Варшаве Квятницкий заведовал теоретическим отделом физического института, но в Польше теперь, как и в России, были трудные времена, и он охотно приезжал на пару месяцев к Такасими – подзаработать.

– Теоретик должен уметь мыслить абстрактно, обобщать. У японцев с этим неважно. Японцы плохо воспринимают абстракции, им свойственно практичное, конкретное мышление...

Пан Квятницкий рассказывал о своей поездке в Токио, в издательство, которое печатало его книгу. Издатель жаловался: научная литература продаётся плохо, пришлось пустить в макулатуру почти весь тираж теоретической физики Ландау.

– Да и кто в Японии сможет заинтересоваться Ландау? – усмеялся Квятницкий.

– Не могли бы Вы прочесть лекцию студентам вместо меня? – попросил её Хидэо. И добавил торопливо: – Нет, нет, лекции – не Ваша обязанность, но я уезжаю в Париж... Я был бы Вам очень благодарен.

Она охотно согласилась. Потому что ей хотелось участвовать как-то в жизни лаборатории. Накануне отъезда Хидэо зашёл к ней в кабинет.

– Сейчас я иду читать лекцию! Через неделю это сделаете Вы. Вы уже приготовились?

– Да, я всё обдумала.

– Обдумали? – Хидэо посмотрел на неё подозрительно, всплеснул руками, запричитал: – Ох! Вы не готовы! Не готовы! – Он плюхнул на пол огромную, как вещмешок, сумку и принялся лихорадочно рыться в ней. – Вы должны приготовить Вашу лекцию вот так!

Он выхватил из сумки стопку бумаг – десяток страниц, аккуратно сшитых скрепочкой.

Она презрительно дёрнула плечами.

– Я никогда не читаю по бумажке...

Хидэо посмотрел на неё с ужасом.

– Вы обязаны это делать! Обязаны! – Кажется, он уже жалел, что поручил ей такое серьёзное дело. – Вы должны приготовить текст лекции, отпечатать его и размножить для всех студентов! – Хидэо запустил руку в сумку, приподнял ворох бумаг. – У Вас должно быть сорок копий, по числу слушателей. Ещё надо приготовить демонстрационный материал.

Хидэо достал папочку. В ней лежал текст лекции, скопированный на прозрачную плёнку. Значит, студентам мало иметь бумажный экземпляр на столе, им надо ещё видеть его на экране. А она легкомысленно решила – слушателям хватит её слов.

– Идите, готовьтесь, готовьтесь! – волновался Хидэо.

Она приготовила десять страниц лекции и сорок копий – бумаги Япония не жалела. На лекцию, на собрание сэнсэи шли, нагруженные бумагами, налегке не ходил никто. Перед началом лекции ассистент сэнсэя Кобаяси представил её студентам: рассказал по-японски её биографию, сверяясь с листочком, оставленным Хидэо, продемонстрировал её книги. Ассистенту тоже пришлось прихватить целый портфель бумаг. Она раздала сорок копий студентам и начала говорить, опасаясь только одного – сказать что-то не по тексту. Студенты уткнулись в листки, словно проверяя, правильно ли она излагает? Единственное утешение состояло в том, что на листках были в основном иллюстрации. Так советовал Хидэо, он даже дал ей в качестве образца свою лекцию: совсем немного текста, а остальное – картинки, как в комиксах. Студенты комиксы любили. Здесь вообще любили картинки. Их было много всюду: на лекциях, в телепередачах... Смысл удавалось понять, даже не зная языка. Телевизионный рассказ о пожаре сопровождался показом модели горящего дома. По мере продвижения огня от дома отваливались куски. Диктор почти ничего не говорил, только водил указкой по модели. В передаче о коррупции фотографии людей, замешанных в скандале, были наклеены на большой лист и соединены стрелками. Вдоль них ведущий передвигал картинку – туго набитый мешок со значком доллара и смачной верёвкой поверху. Возле каждого фото стояли цифры. Всё было предельно ясно: кто кому давал, и сколько. Прогноз погоды тоже был обвешан графиками: кривая линия с горбом в полдень изображала дневные колебания температуры, кривая с провалом – ночные. Японцы любили конкретные вещи.

– Рассмотрим абстрактное твёрдое тело, – начала она лекцию.

Студенты оторвали глаза от бумаг и уставились на неё растерянно, почти испуганно. Может, лучше без абстракций?

– Рассмотрим кристалл, – реакция не изменилась.

Она решила говорить ещё конкретнее:

– Возьмём металл...

Всё те же круглые глаза. От удивления глаза могут стать круглыми даже у японцев. Она запаниковала – что же делать?

– Возьмём железо, – конкретнее уже некуда.

Студенты склонились над столами, делая какие-то пометки в тексте. Дело пошло. Железо – это понятно. Железо каждый держал в руках. И никто никогда в глаза не видел некое твёрдое тело. Да и зачем какое-то абстрактное твёрдое тело им, будущим специалистам по роботам и компьютерам, а, может, чиновникам или торговым агентам? Но слушали внимательно. И добросовестно делали какие-то пометки, старательно играя роль прилежных, послушных ребят. Она закончила, подозревая – вопросов не будет. Их и не было – по собственной инициативе вопросов тут не задавали. Она достала ручку, сказала рассеянно:

– Японская ручка, а куплена в Москве...

Словно пелена упала с лиц. Аудитория проснулась, зашевелилась, ожила.

– В Москве? Не может быть! И сколько она там стоит?

Ребята стали искренними, бросили играть роль. Они обсуждали шумно, живо – стоило ли платить за такую вещь тысячу йен? Доставали свои ручки, сравнивали. В их глазах зажгётся живой интерес: ручка – не абстрактное твёрдое тело!

– Как хорошо Вы прочли лекцию, – ласково сказал Хидэо, вернувшись. – Мой ассистент мне доложил. Я очень благодарен Вам! Я привёз подарок, – Хидэо протянул ей голубую коробочку.

В ней лежала подвеска простого металла, но безупречного английского стиля. И имя фирмы на крышке стояло знаменитое.

– Я прочитал ещё раз план Вашей работы, он мне понравился.

Она обрадовалась – Хидэо сам заговорил о работе. Хидэо умел быть благодарным!

– Но Вы хотите использовать данные, полученные ранее студентом Таманагой. Нехорошо! – Хидэо погрозил ей пальцем. – Нехорошо брать чужие измерения!

И он улыбнулся, словно обещая её не выдавать.

– Но это очень интересно – сравнить мои результаты с тем, что получил Ваш студент! Там проявляется одна закономерность, если всё вместе проанализировать и обобщить.

– Проанализировать... Обобщить... – поморщился Хидэо, – Сделайте что-нибудь конкретное! Проведите измерения сами. Таманага научит Вас.

Она умела делать измерения и знала, как много времени они займут. Она считала – неразумно тратить своё время, за которое Япония платила так дорого, на работу, доступную даже третьекурснику. А вот обобщить, проанализировать и увидеть закономерность под силу только очень квалифицированному человеку. Обобщение – тоже результат. Не менее конкретный, чем данные, которые в непереваренном виде просто ни на что не пригодятся. Пропадут. Но Хидэо не слушал её. Не понимал

– Вы должны получать оригинальные результаты, Ваши... – Хидэо улыбался устало. Ему приходилось всему её учить! Она была, как тупые ножницы, как тот дурак, которого ему никак не удавалось приспособить к делу!

В субботу Хидэо и Намико сидели у неё в гостях. Она угощала их настойкой из горьких японских слив. На дне банки с широким горлом лежали крупные зеленоватые плоды. Супруги Кобаяси с интересом разглядывали настойку – они никогда не видели такую, хотя напиток продавался по всему городу.

– Настойка сделана из довольно низкого сорта сакэ, – сказал Хидэо, изучив этикетку.

– Вообще-то такие сливы ядовиты, – добавила Намико. – Но вымоченные в алкоголе они безвредны. Я очень люблю их. Можно, я съем парочку? – Намико достала вилкой сливу, надкусила, зажмурилась от удовольствия. – Вкусно!

– Да, неплохо, – Хидэо выпил рюмку. – Вот только форма банки нехороша – короткая, с широким горлом. Удлиненная бутылка с узким горлышком смотрелась бы элегантнее.

– Да что ты! – замахала руками Намико. – Через узкое горлышко как я буду доставать сливы?

Она ждала вопроса – а как положить сливы в узкогорлую бутылку? Не дождалась. Для сидящих за столом этот вопрос был абстрактным, к ним отношения не имеющим. В самом деле, Намико любила сливы есть и интересовалась лишь тем, как их доставать. Своими руками она никаких солений-варений, тем более настоек, как большинство городских японок, не делала. Так зачем ей было думать, как положить сливы в бутылку? А её муж только пил настойку и любовался бутылкой. Поэтому его занимал только аспект эстетический – как бутылка выглядит? Бутылка с узким горлышком выглядела элегантнее. А как достать оттуда сливы и тем более, как их туда положить, его не интересовало – он никогда не делал ни того, ни другого. А, стало быть, об этом и не думал. Так откуда же тут взяться физикам-теоретикам?

Китайский доктор Чен

Повисло на солнце
Облако... Вкось по нему -
Перелётные птицы.
Басё

Сначала она приняла Чена за японца. Отличить китайца от японца для русского глаза трудно.

– Для нас это тоже нелегко, – улыбнулся Шимада. – Единственный выход – поговорить по-английски! Если хорошо говорит, значит, китаец.

– В нашем международном сотрудничестве мы должны ориентироваться на Восток! – писали японские газеты, иногда признаваясь: – Мы очень обидели китайцев во время последней войны и должны искупить вину.

Министерство науки Японии обещало финансировать прежде всего договора, заключённые с университетами азиатских стран. Сэнсэи воспринимали это, как инструкцию: ориентация на Восток! Сэнсэи не резали грубо, в лоб, как американцы:

– Китайцы дешевле!

Но китайцев нанимали охотно.

Китайский доктор Чен всегда приходил на работу ровно в девять, раньше всех. Начиная с того, что подметал пол в студенческом зале, мыл брошенные как попало чашки, выносил мусор. Свои кабинеты здесь все убирали сами, а студенческий зал был вроде кабинетом Чена – там стоял его стол. Ей нравился доктор Чен – основательный, серьёзный, аккуратный. Доброжелательный, вежливый. Разговаривать с ним было приятно. Чен хорошо говорил по-английски, охотно рассказывал ей о жизни в Китае, о своей семье. Отец Чена погиб в культурную революцию. Он был учителем, но однажды не вернулся из школы, а через несколько дней матери Чена сообщили, что она может проститься с мужем в больнице, где он умирал от побоев. Чен рассказывал это спокойно, храня на лице обычное выражение. И невозможно было понять, как он относится к тому, что случилось. В Японию Чен приехал с женой и пятилетним сыном. И с огромными чемоданами, Там была посуда, китайский чай, китайские приправы... И ещё игрушки, запас одежды и обуви. В Китае всё дёшево, с японскими ценами не сравнить. Одевался Чен аккуратно, во всё новое.

Чен знал японский язык. Если в работе выпадала пауза, он разворачивал карту города и изучал названия районов и улиц, выписывал их в особую тетрадь. В его компьютере хранились адреса дешёвых магазинов, рынков... Чен знал о жизни города много вещей практических, нужных. А если чего не знал, то отправлял электронную почту соотечественникам, живущим в Японии. Назавтра он приносил ответ. Китайцы знали всё. Они жили многочисленной слитной колонией. Даже обедать в столовую ходили группой во главе со своим начальником – строгим мужчиной постарше остальных. И всегда садились за один большой стол.

Приехав в Японию, Чен очень дёшево купил мебель, фutonги, холодильник у соотечественников, которые уезжали. Всегда находился соотечественник, который уезжал. И всем китайцам это было известно. В компьютер Чена приходила электронная почта из тех стран, где жили китайцы. Когда на инженерном факультете открылась вакансия аспиранта, Чен отправил письмо на родину, а вскоре явился в университет вместе с молодым китайцем, приехавшим из Пекина. Вскоре сэнсэй Кобаяси известил сотрудников, что у них в лаборатории будет новый китайский аспирант. Японцы шли в аспирантуру неохотно – учиться трудно, платят мало. И пустующие позиции занимали китайцы.

– В будущем мы будем иметь только китайских профессоров, – хмыкал Шимада.

Сам Чен попал в Японию по рекомендации китайского профессора, с которым Хидэо познакомился в Англии. От каждого китайца тянулась ниточка к другому китайцу, все вместе они сплетались в прочную сеть.

Доктор Чен вёл занятия со студентами, помогал технику Ямазаки, мастерил наглядные пособия, ремонтировал приборы... Его руки были вечно перепачканы маслом, клеем, краской... И ещё он исполнял десятки разных поручений, которые Кобаяси давал ему, рассеянно улыбаясь.

– Сходите-ка в канцелярию Чен-кун...

Только Чена, да ещё техника Ямазаки сэнсэй звал, добавляя к имени вместо уважительного "сан" фамильярное "кун", вроде нашего "дорогуша". Так обращались только к тем, кто существенно ниже по чину. Но доктор Чен не обижался. Он молча, низко склонившись, выслушивал распоряжения сэнсэя, говорил – "Хай!" – "Есть!" и убегал исполнять.

– Я очень доволен доктором Ченом, – часто повторял Хидэо.

Домой Чен уходил не раньше десяти. Часов в восемь он заканчивал дела, прибирал свой письменный стол, не оставляя ни одной бумажки, запирали на ключ ящики и усаживался подремать, дотягивая положенный срок. Кем положенный и почему, неизвестно. Но положенный, это точно. Доктор Чен всегда вёл себя безошибочно. Он и по субботам всегда оказывался на месте, если приезжал босс. Китайцы вообще хорошо понимали японские правила. Наверное, не только письменность была у них общей с этой страной.

Ей нравился доктор Чен. И он относился к ней уважительно. Ей захотелось познакомиться с Ченом поближе, она пригласила его в гости. Худая, несимпатичная жена выглядела старше Чена и всё время молчала. Она не говорила по-английски и японский только начинала учить. Сын, круглоголовый, стриженный ёжиком крепыш, взобрался к отцу на колени и стал уплетать русскую еду, ловко орудуя палочками. Не привередничая и не капризничая, он съел всё, что ему предложили, и вежливо поклонился. Уходя, Чен протянул ей веер и шёлковый с вышивкой носовой платок – подарки, привезённые из Китая. Дарил их Чен перед уходом, как принято у него на родине.

Через некоторое время Чен пригласил к себе домой её и супругов Кобаяси. Он встретил гостей в метро, хотя нужды в этом не было – подробный план своей улицы Чен дал каждому из них. Чен заранее купил всем троим билеты на метро и вручил их с вежливым поклоном. Жил он в маленькой квартирке в доме, выстроенном университетом для своих служащих. Серые бетонные пятиэтажки, такие неказистые, что наши хрущобы показались бы среди них элитным жильём, университетские американцы называли крольчатниками. Впрочем, они называли так любое японское жильё ввиду его малости. Но Чену его квартира нравилась. Да и стоила она дёшево – семь тысяч йен в месяц. Подъездов в доме не было. Лестницы, укрытые только крышей вели на галереи, заставленные не уместившимся в квартирах скарбом. В прихожей не хватало места даже для двоих, в столовой едва умещался низкий столик с подушками на полу да уголок кухни, где рядом с плитой и мойкой устроился холодильник. В спальне с трудом растлались два футона, в туалете не стоило шевелить руками, чтобы не разнести стены. Туалет был странный: лоток японского образца располагался на постаменте, образуя некий гибрид восточного стиля с западным.

Едва войдя в дом, она поняла: главное здесь – ребёнок. Самые дорогие, словно залетевшие из другого мира вещи в бедной квартирке – электронный синтезатор, видеокамера, заводные машины – всё было для него. На пороге отец обнял сынишку да так и не отпускал его весь вечер. И глаза его светились счастьем.

– Сын больше любит меня, мать слишком строга с ним, – пояснял он, заботливо придвигая к малышу фрукты, чашки с вкусной едой, ласково глядя по голове...

Он рассказывал гостям, что летом собирается повезти сына в Токио, в Дисней-лэнд – сын давно об этом мечтает. Конечно, в Токио очень дорогие гостиницы, но Чен предполагал остановиться в квартире земляка.

– В Японии хорошо, чисто, – говорил Чен. – И можно иметь много детей. В Китае разрешается только один ребёнок. Правда, только в городе, в деревне рожают сколько угодно дочерей до первого сына. Сын – кормилец родителей в старости. В деревне нужны рабочие руки. Семье с одним ребёнком на земле не прожить.

Но Чен жил в городе. Хотя и тут был выход – запрет на второго ребёнка действовал только внутри Китая. За границей можно было заводить сколько угодно детей. Жена Чена уже была беременна.

Чен подливал гостям светлого китайского пива и предлагал закусить сушёными абрикосами, привезёнными из Китая. Жена хлопотала в кухонном углу и часто выходила оттуда, ставя на стол всё новые блюда.

– В Китае в течение дня хозяйка готовит тридцать блюд, – объяснял Чен.

– О, какая прелесть, чёрные яйца! – захопала в ладоши Намико.

Чёрные кружочки на тарелке просвечивали со стороны бывшего белка, теперь имевшего тёмно-коричневый цвет. Бывший желток стал чёрным, как антрацит. Хидэо со знанием дела объяснил технологию: яйца выдерживают в сыром песке долго, около месяца, неустанно поливая песок, чтобы яйца как следует протухли. Протухшие яйца варят вкрутую. Она поперхнулась первым же куском, задохнулась от ужасного запаха. А Намико потянулась к тарелке за вторым ломтиком.

– Можно, я доем? Это так вкусно!

Намико был привычен вкус чёрных яиц, Хидэо знал, как их готовят. Откуда? Намико смутилась:

– Отец Хидэо часто ходил в китайский ресторан и иногда брал нас с собой.

Университетские поговаривали, что дед Хидэо был наполовину китайцем. Но сами супруги Кобаяси об этом не поминали.

Вслед за яйцами хозяйка подала салат из измельчённых на тёрке свежих огурцов с яичницей и тоненькими ниточками какой-то полупрозрачной лапши. Всё это было густо полито уксусом. Потом явилась тарелочка мелкой жареной рыбы и похожие на ежей серые от соевого соуса рисовые шарики с куриным фаршем. Закуски истекали из кухонного угла непрерывной чередой: китайская капуста, тушённая со свининой и грибами, тонкая соломка картошки, полусырой, едва поджаренной с чесноком... С картошкой здесь вообще обходились странно. Когда гости уже изрядно поели, хозяйка подала покрытую тягучей карамелью сладкую картошку – обычную для китайского обеда перебивочку перед главным блюдом, – так сказал Чен. За куском картошки, подхваченным палочками, тянулась бесконечная нить пережаренного сахара. Оборвать её можно было только так, как это делал Чен, окуная картошку в бокал с пивом. Или с водой. Вслед за сладкой картошкой подали пельмени. Чен называл их гёза. Если бы не горячий коричневый чай, который Чен подливал гостям, она не сумела бы даже попробовать такое количество блюд.

– Китайский чай олонг помогает пищеварению!

Съев на десерт очищенную хозяйкой грушу, она стала обдумывать, как бы ей подняться. Ведь сидели-то на подушках на полу.

Жена Чена за весь вечер не присела и ничего не съела. Только перед уходом Хидэо заставил её сесть за стол и выпить вместе со всеми. Женщина отхлебнула пива и тщательно выговорила заученную заранее японскую фразу:

– Я очень счастлива принимать у себя дома знаменитого сэнсэя.

Глава III

Хорошо организованная страна

Осени поздней пора.
Я в одиночестве думаю:
"А как живёт мой сосед?"
Басё

Автобус

Быстрая молния!
Сегодня сверкнёт на востоке,
Завтра – на западе...

Кикаку

Ей нравилось жить в Японии – всюду чистота, порядок. Автобусов не надо было ждать, даже в городе они ходили по расписанию. На каждой остановке висели три листка: на белой бумаге – расписание для будних дней, на зеленоватой – для субботы, на жёлтой – для воскресенья. Эта нехитрая мелочь облегчала жизнь всем, особенно иностранцам. Народ собирался точно ко времени, выстраивался цепочкой и застывал недвижимо, молча, как в строю. Автобус подкатывал минута в минуту, впускал строгую цепочку в среднюю дверь. Вне строя не проходил никто: ни старики, ни женщины с малыми детьми, ни спешащие нахалы. Из передней двери выдавливалась наружу другая цепочка, такая же строгая. Несмотря на многолюдство, потоки не мешали друг другу, двигались в разных направлениях без давки и завихрений. Входя, люди отрывали билетик с номером остановки. Тот, кто имел магнитную карточку, отправлял её в автомат, занимавшийся тем же самым – записью номера остановки. Даже в городе автобус брал плату в зависимости от расстояния. Большинство использовало карточки – они давали скидку.

Новый бархат кресел матово серебрился, кондиционер выдыхал тёплый воздух, толпа источала запах чистоты без малейшей парфюмерной примеси. Водитель за стеклянной перегородкой блистал элегантностью: синий форменный костюм, синяя фуражка, белоснежная сорочка и белые перчатки. И всё дисциплинированно-вежливое движение на японской дороге соответствовало этим ослепительным перчаткам. Водитель устроился как дома – повесил китель на плечики, переобулся в сандалии, поставив новенькие туфли там, где им положено стоять в японском доме: при входе в кабину. Автобус приближался к остановке. О намерении выйти пассажир должен был известить водителя нажатием кнопки над своим креслом. При этом по всему салону загорались красные лампочки, уведомляя прочих едущих о торможении, в кабине водителя звенел звонок. Все остановки были по требованию. Маленькие кнопки экономили много бензина для Японии.

Выход из автобуса перегораживал цербер автомата, оставляя только узкий проход, через который невозможно было просочиться, не заплатив. И обречённые пассажиры были спокойны – творческий поиск на тему, как проехать зайцем, их не волновал. Пассажир задержался у выхода, чтобы разменять в автомате бумажку в тысячу йен. Вычислить положенную плату помогала висящая над ветровым стеклом таблица: маршрут разбивался на зоны, номер зоны, по которой шёл автобус, высвечивало электронное табло. Парень бросил нужную денежку в кассу вместе с билетом, оторванным при входе. Водитель взглянул на ящик – прозрачные стенки позволяли ему проверить, сходится ли номер билета с количеством денег. Неусыпный надзор воспитывал легендарную честность японских граждан.

Поездка в автобусе была организована как совершенный технологический процесс и требовала от пассажира определённой квалификации. Она не сразу сообразила, куда засунуть карточку. Агрегат у выхода щерился щелями: одна принимала для размена бумажные деньги, другая продавала проездные карты, третья предназначалась для приёма мелочи... Видя, что она замешкалась, водитель высунул руку из-за стеклянной перегородки, направил карту в четвёртую щель, улыбнулся, поклонился, поблагодарил. Очередь желающих выйти бесстрастно дышала ей в затылок, терпеливо ожидая окончания процедуры. Автомат считал номер исходной остановки, записанный при входе, вычел нужную сумму, напечатал на изнанке карточки остаток денег... Она подумала, что придётся купить кошелек с отделениями для карт – здесь у неё их будет много – автобусная, банковская, телефонная, медицинская... И ещё положенное

каждому иностранцу пластмассовое удостоверение личности с отпечатком большого пальца рядом с фотографией. А пока она положила карту в карман, поиграла упругим пластиком.

Вроде бы ничего не произошло. Карта выглядела абсолютно целой, но вечером автомат отказался её принять. Должно быть, лёгкого изгиба хватило, чтобы сломать что-то внутри карточки, а заменить её на новую можно было только в автобусной конторе. Подъезжая к вокзалу, она радовалась, что японского не знает и не поймёт, как её будут бранить. Но женщина в окошке, английского сообщения явно не поняв, тем не менее улыбнулась, поклонилась, взяла карту и вложила её в какую-то машину, немедленно выдавшую новую, исправную карту. Женщина протянула её на сложенных ковшиком ладонях, опять улыбнулась, низко поклонилась, за что-то поблагодарила – аригато"... Из конторы она вышла очень довольная собой – ей удалось без посторонней помощи справиться с заменой карты. Она вообще успешно справлялась с Японией. Знала, что если на вокзал идёт автобус 7-1, то возвращаться надо маршрутом 1-7. Вот только улицы за окном потянулись незнакомые. Автобус свернул налево, к морю, а ей надо было направо, к горам. Надо было срочно спастись. На остановке скучал парень с книжками, перетянутыми по местной моде ремешком – школьник или студент. Он сразу понял её беду, наверное, не её первую эта штука погубила: автобусы различались не только номером, но буквой пред ним. А она вместо нужного ей маршрута 1-7 с буквой N, идущего на север – North, выбрала 1-7 с буквой W, означавшей английское слово West – запад. Расписание обещало автобус нескоро, с моря дул холодный ветер... Она подняла руку перед жёлтой букашкой такси, едва ползущей в ожидании клиентов. Дверца открылась автоматически, пахнуло теплом. Она вложила листок с адресом в руку в белой перчатке, протянутую из-за стеклянной перегородки, отделявшей водителя от пассажиров, удобно устроилась на белых кружевных чехлах сиденья – на сегодня проблемы кончились. Решать мучительный вопрос, сколько дать на чай, не стоило. Заплатить предстояло точно по счётчику. Чаевых японцы не брали. И таксисты не были исключением.

Заботливый город

Идёшь по облакам,
И вдруг на горной тропке
Сквозь дождь – вишнёвый цвет!

Кито

В Японии очень хороший транспорт! В поездах, в метро, в автобусах, в такси кондиционеры, бархатные сиденья, чистота. И ходит всё чётко. В Японии прекрасный транспорт! Но цены! В автобусе одна остановка на окраине стоила сто пятьдесят йен, в центре – сто семьдесят. Проезд от Ягиямы до центра обошелся в двести пятьдесят йен, такси – вдесятеро дороже. В общем, цены способствовали любви к пешей ходьбе.

– Все русские предпочитают ходить пешком, особенно семейные, – утверждала Наташа. – Тем более, что город невелик. Мы с мужем и дочкой пешком добираемся до центра за час с небольшим, а проезд туда и обратно обходится на троих в тысячу пятьсот йен. Да на эти деньги мы целый день питаться сможем!

В ближайшее воскресенье она решила разведать дорогу в центр, пользуясь Наташиными ориентирами. День выдался подходящий – ясный, солнечный. Она шла по тихим чистым улицам, промытым ветром с утреннего моря. Лесистые склоны окрестных холмов выдыхали через бронхи улиц свежий дух близкой весны. Пахло распускающимися цветами и шампунем. Потому что те немногие люди, что появлялись на пустых утренних улицах, что-нибудь мыли. Дамы драили с мылом окна и крылечки своих домов, мужчины – машины. Центр лежал в долине, окраины – в предгорьях, значит, ей предстояло спуститься с горы. В Японии, куда ни пойдёшь, будет с горы. Или в гору. С обрыва у края холма открылась петля реки в скалистых берегах и устроившийся по её берегам город. Широкие прямые проспекты уходили к невнятной серой мелкоте окраин, а за ними блестела полоска моря. Туда она и пошла, к морю. В Японии, куда ни пойдёшь, будет к морю. Город маячил совсем близко, рядом. Но дорогу неожиданно преградил новый холм. Неожиданный холм – вещь обычная в Японии. Запахло хвоей, сосновые иглы запорошили асфальт – улицы оборвались, уткнувшись в крутой лесистый склон... Но город позаботился, чтобы холм можно было не только объехать по шоссе на карнизе, прорубленному в отвесному склоне. Для пешеходов на холм проложили лестницу. Даже две – одну со стороны окраин, другую – из центра. В Японии не найдёшь ни одного необустроенного холма. Лестницы выглядели старинными, с большими неровными ступенями из пластинчатых камней... Но соорудили их недавно, одновременно с постройкой нового района на окраине. Япония любит делать новые вещи похожими на старые, искусственные – на натуральные. Бетонный заборчик вдоль лестниц точно копировал обрубки стебля бамбука.

На вершине холма среди высоких криптомерий стоял буддийский храм. На вершине соседнего холма – шинтоистский шраин. В Японии не встретишь холма, на вершине которого не стоял бы храм. Оба храма похожи – простые деревянные амбары, только ворота разные. Возле шраина – ворота тории – два красных столба с выгнутой концами вверх перекладиной. Ворота стояли сами по себе, без забора. У буддийского храма забор был. И глухие створки. Возле буддийского храма – лесенки и качели – в будни тут работал детсад. И маленькие каменные статуи Будд – словно дети, наряженные зачем-то в красные матерчатые передники. А возле шраина вместо Будды на постаменте лежал дремлющий медведь. Шинтоисты – язычники молились понятным богам. Возле дощатой кабинки туалета стояли тапочки, повернутые носками внутрь, чтобы входящему было удобнее переобуться. А чтобы горожанам и туристам удобнее было добраться до лестницы, ведущей к храмам, через речку перекинули пешеходный мост. Спуститься к мосту можно было напрямую с большого проспекта по железной лестнице, навешенной на речной откос. Трудно найти в Японии хотя бы кусочек необустроенной земли!

Город резко распадался на два мира – широкие проспекты с бетонными небоскрёбами офисов, отелей, банков – тут царил Запад, и хранившие японский дух узкие боковые улочки. Тут стояли низкие деревянные домики с маленькими окнами в частых переплётках, с загнутыми вверх уголками крыш... А начинался город от железнодорожной станции. Как от печки. Отсюда уходили автобусы, начиналась линия метро, торговые улицы... Стоило задать вопрос "где?", и в ответе непременно появлялось слово "станция". Где лучшие рестораны, магазины, рынки, главные банки, фирмы по аренде машин, телефонов? Ответ был – у станции. Центром города был вокзал. И, побродив по вокзалу, можно было многое понять про Японию. Во-первых, что страна это процветающая, – весь вокзал сиял. Во-вторых, что страна это тесная. Вокзал использовал каждый квадратный сантиметр своей площади на сто один процент. Первый этаж отправлял пригородные электрички, второй занимали залы ожидания, офисы, кассы... Третий составляли платформы Шинканзена – скоростной поезд ходил по бетонной эстакаде на высоких ногах. Ещё два этажа добавляли автостоянка на крыше и рестораны в подвале. А всё свободное пространство на всех уровнях занимали магазины, лотки, киоски... Пройдя по вокзалу, можно было не только купить дорожный обед или продукты для дома, но и одеться-обуться, запастись подарками, лекарствами... Это удобно для граждан. И для торговцев. Магазины-ловушки, неизбежно пропуская через себя пассажиров, без покупки их не выпускали.

Вокзал, как большой паук, выпустил над привокзальной площадью длинные волокна пешеходных эстакад, связав паутиной места полезные – магазины, отели, рынки... Воздушные мосты служили не только переправой через проспект, но и навесом для автобусных остановок. Ноги опор несли на себе расписания движения, вмещали киоски, контору, где ей поменяли сломанную карточку... С эстакады открывался вид на город, на торговые кварталы. Под веселым солнцем сияли длинные, укрывшие целые улицы стеклянные крыши. Торговый квартал походил на прозрачные трубы, внутри которых клубилась пёстрая, заманчивая жизнь. И ей можно было нынче к этой жизни приобщиться!

А хорошо это придумали японцы – собрать магазины вместе и укрыть их общей крышей! Горожанам не приходилось метаться по городу, чтобы купить много разных вещей. Не приходилось откладывать поход в магазин из-за непогоды. Солнечные зайчики прыгали по стеклянным сводам, по полированному камню пешеходных улиц. В вестибюле большого магазина, за оконцами в полу открывались подсвеченные снизу виды моря, гор. Японцы не жалели выдумки и денег, чтобы довести свой торговый центр до невероятного, безудержного блеска. Неисчислимые двери магазинов, ресторанов выпускали тёплый воздух – кондиционеры создавали под крышей свой климат, свой мир. Вместе с тёплым ветром наружу вырывались запахи: японский дух рыбы, водорослей, соевого соуса и неапонское благоухание кофе, французских пирожных, духов... Запахи свивались в тугий весёлый клубок и, щекоча ноздри, катились по стеклянным трубам улиц.

Общая крыша превратила улицу в общий коридор, и хозяева магазинов, стеснённые скудным метражом, вытащили сюда всё, что не поместилось внутри: стеллажи, лотки, прилавки... Возле них хлопотали продавцы, заполняя пространство под сводами бодрыми криками. Для пущего эффекта они даже звонили в колокольчики... Девушки с корзинами одаривали прохожих бесплатными бумажными салфетками в пакетах с адресами магазинов. Все магазины единодушно считали салфетки наилучшим носителем рекламы, так что пройдясь однажды по улице можно было запастись салфетками на целый год. Горожане любили свой торговый центр – это чувствовалось. И приходили они сюда – оживлённые, принаряженные, не только покупать, но и отдыхать в западном комфорте и тепле от японской скудости и холода. Пожилые дамы усаживались пить кофе с пирожными в кондитерской, молодёжь с банками кока-колы оккупировала лавочку...

Она шла по полированному мрамору пешеходных улиц, стараясь хоть что-то различить в общем сиянии – лавку кимоно, магазин чая... Стеклянные крыши оборвались возле широкого

проспекта. Соображая, куда идти, она достала карту, полученную на вокзале. Служащий бюро информации, едва увидев её, поинтересовался, давно ли она в Японии, и, улыбаясь, предложил бесплатно карту города. Карта была похожа на тетрадь в клеточку: все большие улицы шли с севера на юг, параллельно берегу моря. Их пересекали под прямым углом другие, протянутые с запада на восток. Назывались улицы без затей: Ичибанчо-дори – первая улица, Нибанчо-дори – вторая улица, и дальше по порядку. Чтобы не заблудиться, достаточно было выучить числительные – ичи, ни, сан... – раз, два, три... Заблудиться среди чётких линий заново отстроенных кварталов вообще было трудно. Но на всякий случай на мостовой была выложена разноцветными плитками схема перекрёстка с названиями улиц. Город заботился о горожанах.

Из подземного перехода доносилась негромкая музыка. Туннель расширился, образуя круглый зал. В центре зала журчал фонтан, подсвеченный разноцветными фонариками. На скамейках полированного дерева среди горшков с цветами отдыхали люди, любясь изделиями местных ремесленников в застеклённых витринах: лаковыми шкатулками, глиняными вазами, деревянными куклами... На стенах висели чёрно-белые фотографии неказистых домишек, обитавших до войны на этом перекрёстке, и военных руин после бомбежки. Завершали ряд яркие цветные снимки новых кварталов под сверкающими стеклянными сводами – того, что было нынче наверху. Японец уносил из перехода окрепший патриотизм, иностранец – восхищение, и оба уходили наверх отдохнувшими от суеты. В большом магазине тоже была устроена комната отдыха – стены, украшенные стеблями бамбука, мягкие диванчики, кондиционер... Нашлась здесь и микроволновая печь, чтобы подогреть котлеты, купленные в отделе кулинарии – картофельную и овощную, и крупную креветку, зажаренную в сухарях. Пластмассовая коробка упаковки, рассчитанная значит и на этот случай, не расплавилась. Автомат продал банку горячего чая, потому что она нажала кнопку из окрашенного красным. Холодное питьё было помечено синим, исключая ошибки даже для тех, кто не знает языка. Чтобы банка не обожгла руку, она обернула её бумажной салфеткой, припасённой тут же на столе. Допив чай, она подошла к мусорнице, задумалась, куда бросить банку. В длинном ящике, как положено в Японии, было четыре отделения: для металла, пластмассы, бумаги и всего остального. Но где какое? Надписи были японские, а мусор скрывали чёрные полиэтиленовые мешки. Пьяный мужчина, единственный пьяный на всей торговой улице, подошёл, шатаясь, швырнул, не глядя, баночку из-под сакэ. И попал, куда надо, – пластмасса глухо тюкнула о пластмассу. Воистину Япония – хорошо организованная страна раз привычку к порядку здесь не истребляет даже алкоголь!

Домой она возвращалась пешком через храмовый холм. Среди глухой громады тёмного вечернего леса стояли японские каменные фонари и табличка: древнее детское кладбище. Детское кладбище – плохое сочетание слов! Бросить детей, хоть и мёртвых, одних – плохая идея. Она ускорила шаги. Тем более что дальше тоже потянулось другое, новое кладбище для всех – она почему-то не заметила его утром. Каменные плиты надгробий стояли плотным рядами – покойники лежали бок о бок, в привычной для японцев тесноте. На плитах были только иероглифы – ни портретов, ни фотографий. Могилы устилал песок, узкие тропинки между ними гравий – порядок на кладбище был идеальный, как везде в Японии. Она проскочила гору одним махом, торопясь поскорее уйти в жилой квартал. Но здесь было так же темно и тихо, как на кладбище. Только в конце улицы светился стеклянный кубик магазина. Почти бегом добралась она до ярко освещённого крыльца, обернулась на чёрную гору... Ни за что не решилась бы идти в одиночку по тёмным безлюдным улицам, по ночному лесу в любой другой стране! А тут, в Японии, пошла без колебаний. Значит, уверена была, что не встретит ни лихих людей, ни бродячих собак. Оказалось, совсем недалеко от её дома работал хороший магазин, незаметный из окна автобуса. Из окна автобуса страну как следует не разглядишь! А пешие прогулки познавательны. Её лицо разгорелось от свежего воздуха – пешие прогулки

полезны для здоровья. И для кошелька – на пятьсот не потраченных на автобус йен она купила отличный ужин – овощи, свежую рыбу...

Банк (Ханко и гинко)

Кто терпелив, тот бедности не поддаётся.

Кто беден, тот и глуп.

С деньгами и в аду не пропадёшь.

Японские пословицы

Не очень весело ходить по городу без денег. Те, что дал ей займы Хидэо, быстро разлетелись, съеденные пустой квартирой, неопытностью, любопытством... В её контракте значилось приличное жалование, которое научный фонд в Токио обязывался переводить в банк на её имя.

– Для того, чтобы открыть счёт в банке, Вам нужно ханко, – сказал Хидэо.

Ханко называлась маленькая печать, на которой выгравирована фамилия владельца. Там, где в других странах расписываются, в Японии отпечатывают ханко. Хорошо организованная страна не могла допустить, чтобы граждане расписывались то так, то эдак, повинувшись настроению или количеству выпитого. А ханко давало каждый раз абсолютно одинаковые отпечатки.

Задумавшись на минуту, Хидэо написал иероглифами её фамилию. Она взяла бумажку и отправилась... в столовую. Сюда университетский народ шёл за любой нуждой. В одном здании со столовой располагался магазинчик, который продавал всё, что пожелает душа, временно оказавшаяся в университете: учебники, бутерброды, компьютеры, шлёпанцы, теннисные мячи... У входа в магазин заказывали очки, фотографировались, стриглись, покупали билеты на поезд и самолёт, копировали бумаги на ксероксе, брали в банкомате деньги... Мастерская печатей тоже имела. Пожилой мастер, кланяясь, принял заказ, а через несколько дней выдал ей пакетик, где лежала палочка размером с палец. На её конце была приклеена овальная резиновая печать с выпуклым птичьим следом её японского имени. Выемка на палочке указывала, где у печати верх. И это было очень кстати не только для неё, неграмотной, но и для японца, исключая случайную ошибку. Поблёскивающая свежим лаком вещица была так красива, что бросить её в сумочку без достойной упаковки было невозможно. В галантерейной лавочке продавались пенальчики для ханко – всех цветов радуги снаружи, изнутри красные, под цвет круглой подушечки, заранее смоченной красными чернилами. Это сохраняло пенал опрятным, даже если чернила слегка пачкали его. Подушечка, предусмотрительно помещённая в пенале, в точности соответствовала размеру печати. Её красный цвет печати воскрешал в памяти сцены из старого фильма, где самурай прижимает большой палец к лезвию меча, потом к бумаге – подпись кровью. Может, потому и выбрали для ханко этот цвет – алый? По традиции.

Ханко точно легло в пенал, пружина мягко и надёжно захлопнула крышку – путь в банк был открыт! Намико вызвалась проводить, помочь, заполнить бланки. Посетители отрывали на барабане у входа квиток с номером очереди и усаживались ждать на диванчиках, овеваемые свежестью кондиционера – банк клиентов баловал. И, доводя свою заботливость до совершенства, вывесил диаграмму посещаемости банка с двумя горбами – утром и в обед, чтобы клиент мог выбрать для своего визита малолюдное время. За стеклянными окошками трудились девушки в одинаковых серых костюмчиках, с гладкими чёрными головками, с радикально закрашенными личиками. Улыбки не сходили с их лиц. Словно были частью униформы. Тихий звон оповестил, что служащая ждёт следующего посетителя. Номер, высветившийся на табло, совпал с её билетиком. Девушка в окошке улыбнулась, поклонилась и протянула прямоугольную тарелочку, по размеру точно совпавшую с бланком. Её дно укрывала рифлёная резина. Эта ерундовина позволяла одним движением отделить бумаги от скользкого дна. Через несколько минут девушка вручила ей банковскую книжку с отпечатком ханко и завершила встречу обычным японским набором – поклон плюс улыбка. Сверх программы была выдана какая-то коробка.

– Это подарок за то, что Вы открыли счёт, – объяснила Намико. В коробке оказались бумажные салфетки. – Ваш подарок скромн, потому что сумма, которую Вы положили, очень мала.

Номер банковского счёта следовало вписать в соответствующий бланк и послать в Токио, чтобы там знали, куда переводить зарплату. Научный фонд загодя прислал толстый конверт с бумагами, необходимыми для сопровождения её японской жизни. На каждый случай был заготовлен бланк: приезд в Японию, аренда квартиры, открытие счёта... Одно событие – одна бумага. Для содержания бумаг в идеальном порядке стипендиату присваивали номер. Его следовало указывать в каждом письме. Хидэо вызвался заполнять бланки самостоятельно, опасаясь, что иностранка допустит ошибку.

– Я переслал бланк с номером Вашего счёта в Токио, – сообщил Хидэо через два дня. – И уже получил подтверждение о доставке письма. Вам будут переводить деньги двадцать пятого числа на месяц вперёд. Первую стипендию Вы уже можете получить в банке.

Приятно иметь дело с хорошо организованной страной!

– Ваша магнитная карточка готова, я звонила в банк! – известила через две недели Намико и опять вызвалась сопроводить в банк, научить пользоваться банкоматом, на котором были только японские надписи.

Намико вложила в одну щель автомата новенькую карточку, в другую – раскрытую банковскую книжку... Фигурка японочки на экране приложила палец к губам – ждите! Автомат вернул книжку с первой записью, выдал стопку денег. На десятитысячной купюре над головами двух фазанов тянулась надпись латинскими буквами: "Ниппон Гинко".

– Японский Банк, – перевела Намико.

У входа в банк росло высокое раскидистое дерево с твёрдыми тёмными листьями, похожими на маленькие веера. Его название звучало похоже на слово гинко – банк.

– Это гинкго, – сказала Намико, – знаменитое японское дерево. Его плоды используют в пищу, а из листьев делают лекарство.

Толстый ствол дерева в серой растрескавшейся коре был солиден и устойчив. Как японский банк. Может, потому дерево называлось похоже?

Маленькие японские хитрости

Под открытым зонтом
Пробираюсь сквозь ветви.
Ивы в первом пуху.

Басё

Если ты считаешь неудобство нормой, тебя не должны волновать желания.

Японская пословица

С первыми заработанными йенами и банковской карточкой она почувствовала себя полноценным членом богатого японского сообщества. А что делает такой человек в выходной день? Едет в торговый центр. Стоя на ленте эскалатора, поднимающегося на второй этаж супермаркета, она разглядывала полки с интересом не экскурсанта, а человека практического – у неё в кармане лежали три бумажки с суровым мужчиной в чёрном кимоно. Так посоветовала Намико, брать на один раз тридцать тысяч йен на текущие расходы, триста долларов... Интересно, много это в Японии или мало? На пятом этаже, где всё для дома, она купила хорошенькие японские чашки; на четвёртом, детском, выбрала курточку для внука; с третьего, мужского, этажа увезла пару сорочек для мужа. В женском отделе на втором этаже задержалась подольше, разглядывая, переводя цены в доллары. В рубли переводить не стоило, чтобы не потерять сознание. Даже за самые простенькие туфли ей пришлось заплатить сто долларов. Уже у выхода залюбовалась тускло-розовой блузкой.

– О, у Вас хороший вкус! – сказала приветливо японка средних лет.

И очень охотно объяснила, что странный, словно измятый, шёлк – традиционная японская ткань, которая идёт на кимоно, но поскольку кимоно теперь редко покупают, из ткани пошили блузки. Стоила блузка по-японски недорого, всего четыре тысячи йен, вернее три тысячи девятьсот. Обычный трюк магазинных психологов – сбавить грошик, чтобы не пугать большим числом, ей не помог, нужной суммы в кошельке не набралось. Там осталось всего три тысячных купюры с голенастым журавлём. Удивительно, как быстро разлетелись журавли! Глядя, как кассирша странно считает деньги, зажав их между средним пальцем и безымянным, она пересчитала всю свою мелочь, даже белые монетки с дыркой – пятьдесят йен и другие дырявые денежки, жёлтые, странные. Они не несли на себе ничего похожего на цифры, одни паучки иероглифов. Только с помощью японцев можно было понять их достоинство, очень малое – пять йен. Зачем выпускали эти монеты в стране, где самая мелкая булочка стоила сто йен? И зачем делали совсем уж невесомые беленькие единички? Она пересчитала и их – на блузку не хватало.

Но огорчаться не стоило – магнитная карточка позволяла взять деньги где угодно. Банкоматы стояли повсюду. На первом этаже магазина на стеклянной двери кабинки с названием её банка "77" висела табличка: "В субботу работаем до пяти". Она опять не огорчилась – неподалёку было центральное отделение банка. Конечно, в субботу оно закрыто, но в вестибюле есть банкомат. Глухие стальные шторы закрывали доступ в вестибюль. Прочёсывание других мест, где могли стоять банкоматы, утешения не принесло. Закрытые двери и надписи, как под копирку: "В субботу до пяти", "Воскресенье выходной". Японский порядок единообразен. Круглосуточно работающих банкоматов в городе не нашлось. Да и зачем они в стране, где не воруют? Где бесстрашно ходят с полными карманами денег. В магазинах расплачивались только наличными, никто не использовал кредитки.

В следующую субботу она подошла к банкомату с утра. Он деньги дал, но в книжку записал, что с неё удержано сто йен за операцию, выполненную в выходной. Она решила запастись деньгами в пятницу, но с утра к банкомату возле университетской столовой выстроилась длинная очередь. После обеда очередь исчезла и деньги в банкомате тоже. Она поехала в другой уни-

верситетский городок, где меньше студентов. Там деньги были. Но проезд ей обошёлся в триста йен, дешевле было бы взять деньги в субботу. Оставалось одно – всегда ходить с полными карманами. Как японцы. Она обратилась к банкомату в четверг. Перевернула первую исписанную страницу банковской книжки, открыла чистую. Машина отказалась книжку брать и вообще работать, выдала какую-то бумажку с иероглифами. Пришлось отнести бумажку Хидэо. Он перевёл: надо было открыть страницу старую, чтобы недоверчивая машина сама могла убедиться, что там места нет. А листать автомат умеет. К тому же он позволяет брать деньги только с карточкой, без книжки. Запас этих маленьких японских хитростей был неисчерпаем, неистощим!

Она наполнила свой кошелек деньгами в понедельник, а в субботу решила слёту ничего не покупать, а сначала исследовать магазин. Методично, начиная с первого этажа. Оказалось, первый этаж не самый первый – эскалатор уходил вниз, в подвал. Там расположились два уровня: хозяйственные товары и продукты. У входа в гастроном стоял стол для упаковки. Рядом с рулоном пакетов в соломенной корзинке лежало мокрое махровое полотенчико – пластмассовую сумку удобнее открывать влажной рукой. Можно, конечно, лизнуть палец. Но Япония предпочитала белое полотенчико. Вряд ли оно долго пролежало бы в Москве. Да и в Париже, наверное, тоже.

– У нас не воруют! – прямо с порога объявлял магазин.

При входе у покупателей сумок не отбирали – гардероба с номерками не было. При выходе кассирши считали только то, что покупатели клали на ленту конвейера, и не заглядывали в тележки, где лежало купленное в другом месте. Сдачу никто не пересчитывал.

– Мы доверяем друг другу! – утверждал магазин.

Целая толпа пареньков и девушек в форменных костюмчиках озабоченно сновала, непрерывно что-то раскладывая, перекладывая, подкладывая на полки.

– Население Японии велико, – продолжал рассказывать магазин. – А безработных у нас нет!

Покупательница разбила бутылку с соком, и в тот же миг к ней подлетело шестеро служащих. Два паренька со швабрами, мешая друг другу, принялись усердно вытирать пол, две девушки собирали осколки, а третья кланялась женщине, пока четвёртая бегала за новым соком. Его вручили с поклоном, денег не взяв.

– Мы боремся за клиента, – признавался магазин.

Она шла вдоль полок, радуясь, что отныне сможет вкушать от лучшего сервиса в мире. Полки её огорчили. Не тем, что товаров было мало, а тем, что надписи были исключительно японские. Конечно, всё было разложено тематически: рыба с рыбой, лапша с лапшой... Но внутри каждой темы скрывалась бездна вариаций! Правда, иногда упаковку украшали картинки, но их правдивость вызывала сомнение. Она уже приобрела печальный опыт, купив пакет с неотразимым крабом. Он скрывал соус. И обвинить картинку в лживости было нельзя – соус предназначался специально для крабов. Надолго обеспечив себя крабьей приправой, она стала остерегаться непрозрачных пакетов. Но и прозрачная упаковка помогала не всегда, открывая порой весьма таинственное содержимое. Ну что такое, например, вот эти серые кирпичики? Или это отвратительно подрагивающее мутно-белесое желе? Конечно, можно купить незнамо что. Но как незнамо что есть? Ей оставалось забыть об экзотической еде – ракушках, водорослях и ограничиться тем, что понятно: картошкой, мясом...

– Здравствуйте! – сказали по-английски. – Перед ней, улыбаясь, стояла невысокая, черноволосая, как японка, женщина с неяпонскими большими глазами. – Вы меня не помните? Я Зухра! Нас познакомила Намико. Вы шли тогда покупать футонг...

– Удивительно, что мы встретились снова, – пробормотала она.

– Все нет! – возразила Зухра. – Я часто бываю в Дайе. Значит, магазин, где они стояли, назывался Дайе.

Зухру, гражданку Сирии, привёз в Японию муж, специалист по арабскому языку. Прибыв в университет Дамаска в командировку, он встретил филолога Зухру и решил жениться. Теперь муж работал профессором в местном университете, а Зухра растила троих сыновей и немножко преподавала арабский. Всё это Зухра рассказала в первые минуты. Она говорила жадно, много, словно истосковалась в молчании. Да, ей нравилась Япония, но... Немножко скучно, однообразно – дом, дети, муж... И потому она очень радовалась друзьям. Зухра знала многих русских из тех, что жили в городе. Любила их. В родном Дамаске тоже любили русских. Большие глаза Зухры смотрели с симпатией, с любопытством:

– Давайте дружить! Вы здесь недавно? Вам не нужна помощь? – Помощь была нужна. Зухра обрадовалась. – Я проведу Вас по магазину.

Магазин (Соя с соей)

Чем же там люди кормятся?

Домик прижался к земле

Под осенними ивами.

Басё

Для экскурсии по магазину назначили рабочий день. В выходные Зухра отлучаться не могла – японская жена должна обслуживать мужа, когда он отдыхает. Уговорились встретиться в Дайе в десять утра, в это время открывались большие магазины. Магазины приспособлялись к домохозяйкам: только к десяти они успевали покормить мужей завтраком, закрутить им в фуросики коробки с обедом, помыть посуду, прибраться, развести детей по школам, садам... Да и продавщицам, которым приходилось по утрам выполнять ту же работу, такое время начала работы подходило. К торговому центру съезжались дамы на специальных велосипедах – проволочные корзинки для покупок спереди, сиденье для ребёнка сзади. Велосипедные стоянки заполнялись, автомобильные оставались пустыми. Машины парковались в этот час возле офисов, институтов, заводов. Из них выходили мужчины. Японское утро, как сепаратор, отделяло мужчин от женщин. Ровно в десять продавцы распахнули двери магазинов и застыли в поклонах. В магазины вступили колонны женщин. Женщины, только женщины заполнили все шесть этажей Дайе, весь торговый центр. Цепкая японская традиция запрещала мужчине входить в магазин и тем более выходить из него с сумкой. Места для велосипеда возле магазина не нашлось, Зухре пришлось спуститься в подземный переход. Там на многоэтажной велостоянке служащий поднял его электрической лебёдкой на верхнюю полку. Зухра размашисто шагала в разношенных кроссовках. Широкие брюки, поношенные куртки – все женщины были одеты так – они пришли работать.

– Вы хотите купить японскую еду? – Зухра удовлетворённо кивнула. – Я Вам помогу!

Всё оказалось не так уж сложно. Японцы питались в основном тремя вещами: соей, водорослями и рыбой. Ну и рисом, конечно. Иногда его заменяли лапшой – обычной или тёмной, гречневой. Была ещё лапша зелёная и розовая, но эту даже японцы считали экзотикой, на каждый день шла лапша обычная, белая. Мимо лапши Зухра прошла, не останавливаясь. Свою экскурсию она начала с сои. Простенькая и абсолютно неуважаемая в России соя здесь была многолика, вездесуща. Для начала в овощном отделе она явилась в натуре, в виде зелёных стручков и горошин. Дальше шёл длинный ряд её перерождений. В пластмассовых ванночках мочла в мутной водичке белая субстанция, похожая на брынзу.

– Соевый творог тофу! – объявила Зухра. И улыбнулась. – Только русские зовут тофу творогом, в Японии творога нет.

На вопрос – что делать с тофу? – Зухра всплеснула руками.

– Да его можно использовать в десятке блюд, нет, в сотне, в тысяче!

Тофу можно было есть жареным – жареное тофу, похожее на пирожки, просвечивало сквозь прозрачные пакеты золотистой корочкой. Из тофу можно было приготовить настоящий пирог, с начинкой, например, со свининой... Ещё тофу можно было сушить. В таком виде оно хранилось долго. Именно высушенное тофу имело вид серых кирпичиков, которые озадачили её в прошлый раз. Сухое тофу тоже жарили, предварительно размочив, варили в соевом соусе... Варить полагалось не в чистом соусе, а в его смеси с сакэ. Должно быть, эту смесь хозяйки использовали часто – жидкость, напоминавшая по цвету квас, продавалась в двухлитровых бутылках. В бутылки поменьше был заключён чистый соевый соус. Он занял большую часть полки с приправами, потеснив кетчуп, горчицу, майонез и вообще всё остальное. Тофу можно было есть и сырым, полив его всё тем же соевым соусом. Но самое наиглавнейшее назначение тофу состояло в том, что им заправляли мисо-суп.

– Как, Вы не знаете что такое мисо-суп? – даже привыкшая к иностранцам Зухра опешила. – Да ведь это – главное в японской кухне – мисо-суп!

Оправившись от изумления, Зухра улыбнулась, счастливая тем, что именно от неё кто-то впервые в жизни услышит про мисо-суп.

– Это мисо! – голос Зухры зазвенел так, словно она объявляла выход королевы.

В пакетах, коробках, банках и даже ведёрках содержалось нечто, похожее на горчицу, но в количествах столь внушительных, что скорее напоминало краску для пола. Мисо называлась паста из квашенных соевых бобов, более или менее острая, а потому и разная по оттенку охры: от светло-жёлтого до густо-коричневого. Чтобы приготовить мисо-суп, надо было разболтать пасту в горячей воде и добавить тофу. Получался соевый суп с соевым творогом – соя с соей. Кроме тофу в суп полагалось положить водоросли. Большую часть длинной полки с водорослями занимало нечто под названием "нори" – переработанная морская капуста. Сквозь прозрачные пакеты просвечивали чёрно-зелёные тонкие листы, напоминавшие бумагу. Они и нарезаны были размером с писчую страницу. Но в мисо-суп клали не норы. Зухра взяла с полки пакет с длинными, плоскими, как у камыша, синеватыми листьями в белом налёте морской соли. Водоросли, тофу, лук – так получался самый простой мисо-суп на каждый день.

Но существовал и суп праздничный – с маленькими чёрными ракушками. В кипятке их створки раскрывались с тихим пощёлкиванием, освобождая сероватое тельце моллюска.

– Его пресный нежный вкус так хорошо сочетается с кисловатым супом! – Зухра блаженно прикрыла глаза.

– Да, это вкусно, – согласилась она, вспоминая суп в ресторане, куда привели её Хидэо и Намико в первый вечер.

– Но дома Вам, одиночке, суп с раковинами не удастся приготовить, – огорчилась Зухра.

Ракушки продавались сеточками штук по тридцать – за раз одной не одолеть, а хранить нежного моллюска нельзя.

К японским ракушкам Зухра привыкла легко.

– Но вот это я до сих пор есть не могу!

Зухра указала на белые плоские пенопластовые коробочки. Они стояли на специальной полке со скоропортящейся японской едой. На этой полке она не сумела опознать абсолютно ничего. И потому кое-что иногда покупала, пробовала. В порядке эксперимента. Однажды купила и коробочки. В них лежали некрупные горошины в липкой рыжей слизи, пахнувшей так, словно продукт давно испортился.

– Это называется нато, квашенные соевые бобы. Они такие вонючие! Никто из иностранцев не может их есть! – уверяла Зухра.

А она не знала и съела. Хотя вкус был непривычный, запах – тем более, а соус тянулся за ложкой нескончаемыми нитями. Зухра говорила, что нато едят с горячим рисом. С варёной картошкой тоже прошло неплохо, вроде как солёные грибы.

– Вы ели нато? – Зухра посмотрела на неё с ужасом. И с уважением.

Рядом с нато плавал в мутной жиже серый студень. Он отталкивающе подрагивал и запах источал соответствующий виду – тухлый, вызывая сомнение – можно ли вообще это есть? Но Зухра заверила – продукт свежий и есть его можно, даже нужно, если заботишься о своём здоровье – японский корень конняку прекрасно чистил организм. Запах можно было отбить, сварив студень в смеси соевого соуса с сакэ. Кроме студня в жестяном поддоне мокли мотки полупрозрачной лапши, сделанной из того же корня. Теперь она знала, чем пахнет магазинчик Сэвэн-илэвэн. В баке на плите кипела именно эта жижа – смесь соевого соуса и сакэ. И варились в ней вещи отныне ей известные – тофу, лапша из конняку... И ещё нечто желтоватое, имеющее форму конуса.

– Корень бамбука, – догадалась Зухра и направилась в овощной отдел.

Внутри запаянных пакетов мокли в мутной водиче светлые конусы, уже отваренные. Варить их дома долго, да и невыгодно для малого хозяйства – пара бамбуковых корешков, потребных для заправки риса, съест уйму энергии, потому японская промышленность брала эту работу на себя. Японкам оставалось только вынуть корень из пакетика и порезать, порезать... Зухра часто рубила воздух ребром ладони. Японской хозяйке только то и доставалось, что порезать. Всё остальное за неё делал завод. Или магазин. Да и резать ей приходилось не всегда. В мясном отделе в застеклённой комнате позади прилавка, на виду у народа, трое мужчин в белых куртках и брюках, белых колпаках и в белых резиновых сапогах резали мясо на правильные бруски, тончайшие пластинки... Большие бесформенные куски не брал никто. Продавщица ловко нашлёпывала на рукав своего белого халата выданный весами чек, потом налепляла его поверх виртуозной упаковки. От ткани бумажка отлеплялась легко, оставляя девушке время поклониться подходящему покупателю, сказать "аригато" уходящему и улыбнуться обоим. Паузы она коротала, поправляя идеальный строй мясных ломтиков в витрине. Если и этой работы не находилось, она застывала по стойке "смирно", не допуская даже на мгновение расслабленную позу, хмурюю гримасу, болтовню с мясниками... Да, были в японском магазине и неяпонские продукты: мясо, хлеб, молоко, йогурт и даже сыр. Но Зухра утверждала, что молоко и йогурт потребляют только дети и молодёжь, а сыр не ест вообще никто. Потому супермаркеты держат его совсем немного, пару кусков на всякий случай.

Кондитерский отдел, как и весь магазин, демонстрировал всеяпонскую любовь к бобам. Тёмная начинка выглядывала из булочек и печенья.

– Это сладкие бобы, традиционное японское лакомство, – продолжила свои объяснения Зухра.

На вкус всё это было приторно и пресно. Они с Зухрой попробовали. Они вообще не уставали пробовать выставленное на многочисленных тарелочках: жареную рыбу, курицу, сосиски, сладости... Магазин, завлекая покупателей, угощал их так щедро, что, пройдясь по торговому залу, можно было сносно пообедать. Зухра деловито шагала между полок, как проводник, ведущий новичка сквозь джунгли. Тайны магазина открывались одна за другой. Вещи странные, неведомые получали названия – нори, тофу, нато... И ещё одно проявлялось – разнообразие продуктов не так уж велико. А впечатление умопомрачительного множества создавал обычай раскладывать товар по мелким коробочкам, несущим пару куриных ножек, ломтик мяса, пяток крошечных, на один кусочек рыбы... Молоко продавали разлитым в пакеты на пол-литра, на стакан, хлеб – нарезанным по два куса, по четыре, по шесть... Куски были правильные, прямоугольные, с одинаковой корочкой с четырёх сторон – буханки пекли в закрытой форме. Срезанные торцевые корки складывали в пакеты и отдавали дёшево, пятьдесят йен за полкило – столько стоили два ломтика из середины. Буханок целиком на прилавках не было.

Конечно, в магазине было кое-что и для большой семьи – литровые пакеты молока, мешки с рисом на пять, десять килограммов... Но на такого массового покупателя здесь надеялись мало, предпочитая мелкую расфасовку. Магазин рассчитывал на бедняков? На бережливых, даже жадных? На малоежек? Или на одиночек, покупавших на один раз, на перекус, запавших дома не имевших? Потому внутрь коробочек с нато были вложены два крошечных пакетика с соевым соусом и горчицей, в лоточках с сырой рыбой непременно находился кулёк с соусом, а под крышечкой баночки с несладким йогуртом – с сахарным песком, мелким, как пудра. Упаковка дышала невероятной предупредительностью, прямо-таки материнской заботой о самых мелких мелочах. Поражала тщательностью, изяществом, красотой, даже если скрывала товар незначительный...

Потрясающая упаковка (Подарок от трёх "М")

Не поспела гречиха,
Но потчуют полем в цветах
Гостя в горной деревне.

Басё

Она попросила Зухру помочь ей выбрать подарки – вино для Хидэо, сладости для Намико – в субботу супруги Кобаяси приглашали в гости. Спиртное в супермаркете продавалось в специальном отделе, спрятанном за колоннами. На полках отчётливо преобладало сакэ, разлитое в разнообразную посуду: от баночек на стакан до ёмких, литра на два бутылей, от изысканных фарфоровых графинчиков до простых бумажных пакетов. Сакэ Хидэо не любил, а набор вин в Дайе был скуден.

– Вы хотите купить подарок в Дайе? – ужаснулась Зухра. И принялась горячо убеждать: – Подарок обязательно должен быть от трёх "М"!

Три "М" происходили от названий самого большого книжного магазина Марузен, американского гастронома Медия и дорогого универмага Мицукоши.

– У японцев так принято – на упаковке подарка обязательно должен быть знак какой-то из этих трёх фирм, иначе неприлично дарить, – объясняла Зухра, поспешая к выходу.

Они шли по торговому кварталу Ичибанчо мимо маленьких деревянных магазинчиков, стоявших сплошной стеной, чтобы не тратить зря землю на промежутки, мимо бетонных глыб супермаркетов... На их крышах пестрели огромные щиты – Дайе, Фуджисаки, Джуджия, Мицукоши... Все они были похожи – от гастронома в подвале до футонгов на верхнем этаже.

– Нет, нет, – протестовала Зухра. – Они совершенно разные. Дайе – дешёвый магазин. Там покупают люди низкого сословия: рабочие, младшие служащие. Жене профессора не позволено входить в Дайе, это может плохо повлиять на репутацию мужа. Если увидят... – Так вот почему Намико, столкнувшись с Зухрой в Дайе, стала оправдываться, что пришла сюда лишь затем, чтобы помочь иностранке выбрать футонг! – Жене сэнсэя приличнее магазин подоже, – щебетала Зухра. – Не дорогой Мицукоши, конечно, этот для богатых фирмачей, но Фуджисаки в самый раз.

На саму Зухру это правило не распространялось. Иностранке в Японии позволено входить даже в самый дешёвый магазин, потому что иностранцы здесь считаются бедными. Японские цены по карману только тем, кто получает японскую зарплату. Зухра рассказывала подробно, охотно. Ей нравилось объяснять японскую жизнь кому-то неопытному. Женщины болтали, не замолкая. В ход шло всё: французский язык Зухры и английский её новой подруги, несколько известных Зухре английских слов и жалкие крохи японского, успевшие осесть в русской голове. Когда ничего другого не оставалось, они говорили по-русски, по-арабски. И как-то друг друга понимали. Со словом "подарок" проблем вообще не возникло. По-японски "подарок" звучал почти так же, как по-английски, "презенту-дес". Это и по-русски понятно – презент.

К поискам подарка Зухра отнеслась серьёзно. Первый из трёх "М" – Марузен они забраковали сразу, вздрогнув от цен, – самая скромная книжонка стоила пять тысяч йен. В торговом квартале Ичибанчо всё рядом, через пять минут они нашли Медию. Трудно сказать, почему японцы называли этот магазин американским. Наверное, они считали таковым всё неамериканское, хотя Медия вместе с американской кукурузой торговала немецкой квашеной капустой, французским вином, голландским сыром... Другие магазины тоже держали у себя нечто экзотическое. Дайе имел "русскую полку" со сметаной, кефирной закваской и вареньем из клюквы. Джуджия торговала караваями, похожими на русский чёрный хлеб, на хлеб вообще... Но в Медии экзотикой было всё. Здесь даже продавали свёклу, которую японцы не выращи-

вали, а привозили из-за границы, продавая по цене ананаса, тоже привозного. Экзотикой в Медии была и упаковка – большие, нормальные коробки, банки, не фитюльки, вроде стограммовых напёрстков зелёного горошка в японских магазинах. Однако, в Медии подарка тоже не нашлось, и они отправились к третьему "М", к Мицукоши.

Мицукоши не слепил яркими красками, как Дайе, а переливался тусклым серо-красным, серо-синим, заменив пластмассу на бумагу, дерево, шёлк. Музыка была здесь тише, ковёр пушистее, кондиционер сильнее, продавщицы красивее, изысканнее. И запах отличался – тонкий, едва уловимый аромат духов и денег. Здесь не было толпы Дайе. Редкие покупатели, уверенные в себе, одетые дорого, ходили неторопливо, спокойно. В подвальном гастрономе Мицукоши она выбрала в подарок Намико прянички. По вкусу они напоминали те, что она отведала в Дайе – в Мицукоши тоже держали тарелки с кусочками для пробы. Вкус был похож, но упаковка... Идеально отшлифованный деревянный ящичек с написанными кистью чёрными иероглифами можно было преподнести и пустым. Нежные ручки юной продавщицы, поблескивая свежим маникюром, обернули ящичек мягкой коричневой бумагой с бежевыми хризантемами. Обернули плотно, без единой складки, безукоризненно обогнув углы. Точные движения не очень ловких пальцев ясно говорили – девушку учили долго.

– Это – подарок! – сообщила Зухра продавщице.

Та отреагировала, не размышляя, – прикрепила к свёртку заранее приготовленный кремовый бант. Чудо с бантом опустили в сумочку из такой же бумаги, как обёртка. Это дешёвку Япония упаковывала в пластик, дорогое – только в бумагу. Хризантемы, банты, ящички потрясали сами по себе, независимо от того, что они скрывали внутри. Зухра смотрела на дело более практично, упаковка несла на себе то, что требовалось, – эмблему универмага Мицукоши, одного из трёх "М"! Бант оказался стандартным ответом на слово "подарок". В винном отделе горлышко бутылки, предназначенной для Хидэо, украсило пышное сооружение из розовых лент. А в ювелирном салоне крошечные серёжки, купленные про запас, ко дню рождения Наташи, были уложены сначала в пакетик, потом в коробок, потом ещё в один пакет... А уж на нём достало места, чтобы прицепить бант.

Погрузив покупки в проволочные корзинки перед рулём велосипедов, японки покидали торговый центр. Зухра тоже спешила домой встречать детей из школы. Старший сын заканчивал выпускной класс, и родители решали, в какой университет его отдать – в Токийский или в местный? Прикидывали – в местном обучение дешевле, но после его окончания сын не сможет получить работу в хороших фирмах – туда брали только столичных выпускников. Диплом Киото и Осаки отрезал самый верх списка доступных фирм, а из провинции можно было претендовать только на место в компаниях поменьше и победнее.

– А разве способности парня не имеют значения?

Зухра не поняла вопроса, повторила: главное, что закончит сын. Название университета звучало, как приговор. Пожизненный. Тут, как с подарком, где всё решала упаковка, этикетка от трёх "М".

Дома она достала из глянцевого картонного футляра маргарин в пластмассовой баночке изысканной овальной формы. И цвета изысканного – слоновой кости. Она выбросила картонную коробку и пластмассовую ложечку, выданную кассиршей как неизбежное приложение к йогурту. И пакетик из-под соевого соуса, вложенный в сашими, и лоток, несший три маленьких кусочка рыбы... Из фирменной сумки она извлекла яблочные пирожки в коробке, завёрнутой в атласную бумагу в яблоках, специально предназначенную для упаковки яблочных пирогов. Внутри коробки лежал пластмассовый лоток, в каждом из его углублений – пакетик, в пакете – слоёный пирожок. Начинка оказалась скудной, словно все яблоки остались на обёртке, а сами пирожки маленькими – она управилась с ними за один присест. Ворох растерзанной упаковки едва поместился в фирменную сумку с вензелем магазина – бумажную, с верёвочными ручками. Очень жаль было выбрасывать её и атласную бумагу в яблоках, и коробку из глянце-

вого картона, и вообще всё это великолепие. Но если всё это хранить, в доме очень скоро не хватит места, чтобы жить. С трудом заталкивая сумку в мусорный бак, она вспоминала первоапрельские сюрпризы с ластиком в десяти обёртках. И слова Хидэо о том, что в городе с миллионным населением работают два мусоросжигательных завода. И не справляются. Власти собираются строить третий.

Обед (Суши)

Дрожат у коня на хвосте
Весенние паутинки...
Харчевня в полуденный час.

Идзэн

– Сегодня я узнала, что такое мисо-суп! – похвасталась она Шимаде. Он отнёсся к предмету серьёзно.

– Мы, японцы, едим мисо-суп постоянно – на завтрак, обед и ужин. И везде – дома, в любой столовой, в шикарных ресторанах... Мы вообще – страна, ориентированная на суп! – Физик Шимада предлагал физическую теорию: – В Японии влажно, и суп нужен нам для равновесия. Чтобы изнутри было так же сыро, как снаружи.

Под словом "суп" подразумевался, разумеется, мисо-суп. Овощных супов тут не варили, мясной бульон употребляли лишь с лапшой, предпочитая вместо мяса бульонный кубик. Хидэо вбежал в студенческую, увидев беседующих, забеспокоился:

– О чём это вы говорите?

Шимада отвернулся, промолчал. Пришлось отвечать ей:

– Мы говорим о супе. Я только что узнала, что такое мисо-суп.

Хидэо всплеснул руками. И огорчился так, словно ему сообщили о его недоработке.

На следующее утро в её квартире раздался звонок. На пороге стояла Намико.

– Ехала по делам, заскочила к Вам по дороге, а это – мисо-суп быстрого приготовления, – Намико протянула пакетик. – Вы должны попробовать!

Внутри пакета лежали мелкие волокна чёрно-зелёных водорослей, кусочки сухого тофу, маленькие колечки лука – здесь использовали не репчатый лук, а порей.

– Про магазины Вы всё теперь знаете... – с обидой сказала Намико.

Кажется, она немного ревновала. А может, Хидэо сделал ей выговор за то, что иностранка, вверенная её заботам, нашла себе помощницу где-то на улице, и именно от неё, а не от Намико узнала, что такое мисо-суп.

– Раз про магазины Вы всё теперь знаете, я могу познакомить Вас с японской кухней, – несмело предложила Намико. Она старалась исправить ошибку. – Я заеду за Вами перед обедом.

Здесь сказать "перед обедом", значит определить время довольно точно, обед по всей Японии начинался ровно в полдень. Университетская братия в этот час спускалась с научных небес на землю, к одноэтажному зданию столовой, чтобы съесть мясные котлеты, которые тут называли гамбургерами, или котлеты рыбные, картофельные, жареную рыбу, тушёные овощи с острым индийским соусом карри, простенькие салаты из морковки, тёртой редьки... И конечно, рис и мисо-суп – их подавали к любому блюду. В просторном зале самообслуживания с пластмассовыми столами и стульями обедали студенты, мелкие служащие, секретари... Длинная очередь, набегавшая в полдень, шла быстро – к приятелям здесь не становились. Случалось, подходили поболтать, но затем дисциплинированно уходили в хвост. Сэнсэи предпочитали для обеда отдельный зал – с белыми скатертями, с мягкими деревянными стульями. Здесь подавали официантки пару блюд – мясо или рыбу с гарниром, сервированные не на пластмассовых тарелках, как у студентов, а на фарфоре. Если к профессорам приезжали гости, их вели обедать в ресторан на третьем этаже административного корпуса. Здесь официантами служили мужчины, а еда была более изысканной – бифштексы, жареные цыплята... И стоил такой обед дорого, не меньше полутора тысяч йен, а не четыреста-пятьсот, как у студентов, и не шестьсот – семьсот, как в профессорском зале. В университете было, где пообедать. Но Намико предложила поехать в город.

– Хидэо не возражает, чтобы Вы отлучились...

Хидэо был даже доволен, что иностранный профессор пойдёт знакомиться с японской кухней. Пойдёт, как положено, в сопровождении его жены, а не какой-то первой встречной.

– Я поведу Вас в одно место... – Намико таинственно улыбнулась. – Когда к Хидэо приезжают иностранные профессора, я всегда вожу туда их жён.

Ей приходилось работать за двоих – за профессора и за жену. Пока они добирались до торгового центра, наступил полдень. Улицы заполнили люди, несущие еду. Парнишка, положив на плечи палку, тащил на этом коромысле две большие плоские тарелки, уставленные в два этажа глиняными мисками с лапшой и даже не качал их, семена быстро, мелко. Девушка несла на подносе целую пирамиду каких-то плошек, две женщины шли, забрав в охапку кучу коробок с холодными обедами. Мужчин в этом потоке не было. Они были теми, кому еду несли. Они трудились, не отрываясь, либо направлялись к столовым, рестораничкам... Заведения, где кормят, стали заметнее в этот час. Заметнее стало, как их много. Япония занимала первое место в мире по числу ресторанов на душу населения. Кормёжка – важная индустрия страны.

На Ичибанчо возле каждого ресторана имелась стеклянная витринка или просто столик на тротуаре, где выставлялась напоказ еда, которой здесь кормили, пластмассовая, но точь-в-точь как настоящая. Красные клешни краба на искрящемся белом рисе, золотистые креветки, зажаренные в сухарях, коричневая лужица мясного соуса, стекающая по влажной лапше на яркие ломтики зелёного огурца. Пластмассовые яства дразнили, зазывали... Даже местные люди подходили, рассматривали модели, советовались. Значит, и им нелегко было разобраться в собственном изобилии. А уж иностранцам, которые не могут ни меню прочесть, ни спросить, эти витринки – просто спасение. Можно вывести официанта на улицу и просто ткнуть пальцем – это! Намико остановилась у стеклянного шкафчика, где пестрели яркой клумбочкой странные цветы из рисовых колбасок, икры, кусочков рыбы, омлета, огурца... И всю эту красоту, сотворённую не поваром, а художником, можно было съесть. Если не жаль, конечно, рушить.

– Это традиционная японская еда – суши, – объяснила Намико.

Так вот как называлось то, что продавалось на каждом шагу! Пестрело, как цветник, в вокзальных киосках, украшало коробочки с холодными обедами в магазинах, красовалось в витринах ресторанов – это были суши.

– Самые вкусные, самые свежие суши можно попробовать только в суши-баре!

Намико развела руками синюю занавеску, свисавшую тремя отдельными полотнищами до половины двери. То, что открылось внутри, на бар походило только высокими табуретами. Остальное выглядело, как цех. В центре зала вытянутым кольцом бежала лента транспортёра. Внутри кольца стояли обитые жёстью столы с большими столовыми кастрюлями. В кастрюлях был варёный рис, в лотках – кусочки рыбы, креветки, ломтики омлета, огурца...

У столов орудовали трое молодцов в белых куртках и колпаках, в белых резиновых сапогах. Их руки двигались заученно и чётко, как по команде. "Раз" – парни захватили совочками продолговатые комочки риса и бросили их на ладонь. "Два" – комок умяли пальцами двумя короткими движениями. "Три" – прыснули на рис зелёным японским хреном васаби и нашлёпнули поверх кусочек рыбы или креветку. На счёт "че-ты-ре" парни делали по одному движению на слог – выхватывали из стопки маленькую тарелку, клали на неё готовые суши парочками и ставили на бегущую ленту. Посетители устраивались на высоких табуретах за узкими столами, поставленными вдоль транспортёра. На столах было припасено много полезных вещей: коробки с разовыми деревянными палочками и салфетками, бутылки с соевым соусом и миски с ломтиками солёной редьки. На полочке над транспортёром хранились пакетики с зелёным чаем и большие кружки. Кипяток тёк прямо из кранов, торчащих из стойки. Бар был устроен индустриально, как цех.

Кроме того, что лепили парни, на ленте плыли ещё и суши другого фасона – рисовые колбаски, завернутые в нори, разрезанные на куски. Разрез показывал яркую сердцевину из

рыбы, огурца, омлета... Такие суши выносили готовыми из кухни. Любопытствующий мог подсмотреть технологию изготовления через открытую дверь. Парень покрывал гибкую салфетку из палочек бамбука листом нори, тонким слоем варёного риса. Поверх помещал рыбную или овощную начинку, поливал густым соусом. Потом свёртывал салфетку трубочкой, катал короткими движениями, как скалку, и, освободив колбаску, разрезал её на равные куски, приставив линейку. Суши третьего фасона делали из рисовой колбаски без начинки. Их ставили на торец, как пеньки, обёртку из нори выпускали вверх, создав корзинку, которую заполняли сырым рыбным фаршем или икрой – кетовой или мелкой, светло-розовой.

Были ещё и рисовые треугольники, глухо, полностью завернутые в нори – Намико называла их онигири.

– Начнём с креветок!

Намико указала на суши, ещё прыгающие в руках парня. Через несколько секунд они сняли с ленты тарелку, захватили палочками по колобку, умакнули их в лужицу соевого соуса на блюдечке и отправили в рот, закусив солёной редькой, взбодлившей пресное соседство. Ещё тёплый рис приятно растаял во рту, креветки пахнули морской свежестью... Свежесть – девиз японской кухни! От того момента, когда суши слепили, до мгновения, как их не стало, прошла минута.

Люди присаживались на табурет, выхватывали три-четыре тарелки, быстро съедали... Суши-бар – экзотика только для иностранцев, а для японцев – забегаловка, да и сами суши – еда быстрая, как бутерброд. Отобедавший быстро вставал, к нему бегом бросалась официантка. Мгновенный взгляд на стол, несколько закорючек на бланке, и клиент получал счёт и отправлялся к кассе платить. Девушка как-то знала, кто сколько съел, иногда пересчитывая пальцем пустые тарелки в стопке. Так можно было понять, сколько съедено порций. Но как узнать, какого они были сорта? Не могли же простенькие суши с огурцом стоить столько же, сколько роскошные с икрой! Намико указала на стену – там висели тарелки разного цвета и бирки с ценой. Сто йен стоила голубая тарелка, на таких подавали колобки с овощами, на розовые укладывали суши с креветками ценою почти в двести йен. Триста брали за клумбочки с икрой на синих блюдах – выписать счёт не стоило труда, если хорошо организовать процесс. Но сколько же трудов придётся положить ей, чтобы освоить тысячи мелких мелочей этой страны? Мелочи мельтешили, баловали, утомляли...

В университет она вернулась голодная. Что такое несколько маленьких японских колобков для русского желудка? В студенческом зале столовой за бамбуковой ширмочкой кормили едой поизысканнее, чем на общей раздаче. Здесь были суши, нудлс – этим английским словом называлась японская лапша, залитая мясным бульоном. Маленькие японцы как-то справлялись с огромной миской. Она выбрала стойку с надписью "Гриль". Пластмассовые модели обещали жареное мясо и цыплёнок в сухарях. У кассы она произнесла только одно слово – цыплёнок. И получила впридачу чашку с горячим рисом и мисо-суп. Рис и мисо-суп подразумевались всегда – такова японская традиция. И серая пластмассовая посуда поддерживала традицию, стараясь походить на глину.

В лаборатории Шимада наливал кипяток в пластмассовую миску с лапшой. Такие миски продавались здесь повсюду. Заботливые жёны запасались ими в супермаркетах, чтобы дать уходящему на работу мужу. Шимада покупал свою миску в университетском магазинчике или в автомате. Лапшу быстрого приготовления Япония потребляла в невероятных количествах. Шимада заправил свою лапшу сухими овощами и кусочками колбасы из приложенного пакетика, слил воду через специально сделанные в крышке дырочки, взял приклеенные к чашке деревянные палочки... Предусмотрено было всё. Кроме одного – поколение, которое потребляет щедро сдобренный химией концентрат, вряд ли продолжит дело отцов, обеспечивших Японии славу страны с самой длинной жизнью. Своё синтетическое блюдо Шимада запил рас-

творимым кофе, закурил сигарету – отравы на первое, второе и третье – обычный обед работающего японца.

Вечером она сварила мисо-суп. Не убогий из пакетика, а настоящий. На его приготовление ушло не больше двух минут – вскипятить воду, разболтать пасту, бросить водоросли, тофу, лук. Получилось нечто горячее и сытное, и на вкус похожее на еду. И очень полезное. Мисо и тофу – соя, белок без холестерина, лук и водоросли – витамины, микроэлементы. Она закусил суп корнем коньяку – он чистил организм, запила коричневым китайским чаем оча – он выводил лишний жир. А зелёный японский чай вообще выводил всё, даже последствия радиации. Японцы утверждали, что если бы не зелёный чай, атомные бомбы унесли куда больше народу. Здоровье японцев оберегала традиционная японская еда – главный секрет японского долголетия.

Поликлиника (Конвейер на диванчиках)

В пути я занемог.
И всё бежит, кружит мой сон
По выжженным полям.
Басё "Предсмертная песня"

Победив туберкулёз и ревматизм, болезни сырости и нищеты, японцы жили дольше всех в мире. Правда, потребляя при этом больше всех в мире лекарств. И часто произносили слово "рак", в особенности, рак желудка. От этой болезни умер отец Хидэо, отец Шимады, и два сэнсэя с инженерного факультета ушли за один год в пятьдесят с небольшим. Почему? Здесь хорошая еда. Всюду, в любой забегаловке. Правда, много жаренного в обильном масле, в сухарях – это плохо для желудка. Но ещё хуже целыми днями не есть. В столовую ходили в основном низшие чины и студенты. Сэнсэи же навевывались редко, в своём тугом графике они не находили даже пяти минут, чтобы съесть обед из коробки. Хидэо обычно приносил макароны с кусочком мяса или рис с яйцом, и на этой пустяковине бегал целый день. Он всегда ел обед холодным, хотя в столовой стояла микроволновка, в лаборатории – газовая плита. Но разогревать Хидэо было некогда, он и холодное-то ел не всегда.

– Сегодня не успел поесть, отдал обед студентам, а то жена рассердится. Я не просто так отдал, а с условием – помыть коробку.

И он смеялся весело и гордо. "Я не успел поесть!" – здесь звучало как знак принадлежности к высшей касте важных, занятых людей. Иметь так много времени, чтобы обедать каждый день, профессору считалось неприличным. При такой жизни проблемы неизбежны – Хидэо жаловался на боли в животе.

И у неё появились проблемы – посыпались пломбы.

– Вся Япония мучается с зубами, – не удивилась сообщению Намико. – Наша вода и еда почти не содержат кальция.

Намико посоветовала есть побольше водорослей. И объяснила, что японские старики справлялись с нехваткой кальция, поедая маленькую рыбку прямо со скелетом. Высушенные мальки продавались в магазине целиком или в размолотом виде – такой порошок добавляли в мисо-суп. Она купила рыбок, заставила себя их съесть, но заработала изжогу. Стараясь потрафить вкусам молодёжи, фабрика щедро сдобрила пресный продукт специями. Молоко и йогурт не в силах были заменить малька, а здешний сыр был дорог и невкусен. Про творог и сметану японцы не слыхали. Пришлось спрашивать адреса зубных врачей. Всё про них знала Наташа. Она готовила только русскую еду, испытывая отвращение к водорослям и малькам. И жаловалась, что ногти у неё ломаются, волосы секутся. Зубного врача Наташа посещала каждый месяц.

– А почему бы и нет? – улыбалась Наташа, – медицинская страховка аспиранта включает оплату дантиста для всей семьи.

Ей, приглашённому профессору, бесплатный дантист не полагался. Пришлось взять в банке побольше денег и по совету Наташи отправиться в большую новую больницу, где на первом этаже работала поликлиника.

Она шла лечиться. Может, потому замечала то, чего не видела раньше? Казалось, город был полон инвалидов. По тротуару шла выложенная бугорчатыми плитками дорожка для слепых. Сворачивая к переходу, она расширялась площадкой. И здесь слепой не оставался покинутым. Его охранял... птичий щебет. С зелёным сигналом светофора заводила свою песню кукушка, сменяясь тревожной переключкой птиц при жёлтом свете. Вместе с красным всё смолкало. Город думал о слепых, устраивая улицы, дома... В коридорах международного центра резиновые бугорчатые дорожки вели к лестницам и залам, к стене холла, где висел план

дома с выпуклыми надписями. Слепые были не единственными, кого город опекал. Инвалиды в колясках могли спокойно передвигаться: все тротуары и переходы имели пологий съезд, а среди обычных будок с телефонами стояли специальные с широкими дверями. В больших магазинах были просторный лифт и туалет. Для немощных и стариков в туалетах был вделан в стену поручень, помогающий присесть и встать. А для мам с детьми при входе в туалет стоял пеленальный столик. О нервных, вечно спешащих город заботился тоже: у переходов через небольшие улицы висели коробки с кнопками, которые могли поторопить зелёный сигнал. На проспектах, где нервные, дай им кнопки, могли бы вообще остановить движение, вместе с красным светом возле светофора загорался треугольник из горизонтальных полос. Полосы гасли одна за другой, начиная с верхней, самой длинной, утешая:

– Смотри, совсем чуть-чуть осталось, одна коротенькая полоска внизу!

Шестиэтажную районная больницу из розового кирпича окружал сад с нарядными клумбами, с подстриженными кустами. В большом холле плавали в аквариуме золотые рыбки, по стенам висели бумажные фонарики. Пахло цветами. Молодые мамы, отстёгивая ребятишек со спины, бесстрашно отпускали их побегать босичком по блестящему мраморному полу. За стойкой регистратуры розовыми бабочками сидели юные девицы – розовые платица, розовые мордашки, намазанные до безукоризненности фарфора, иначе японской женщине невозможно появляться на службе. Посетители отрывали от рулона талон с номером очереди и усаживались на мягкие диванчики ждать. Номерки и диванчики появлялись в Японии всюду, где можно было предполагать очередь. Девушки порхали пальчиками по клавишам компьютеров, на табло загорался номер, с диванов поднимались старички и женщины. Мужчин не было. Наверное, в Японии, пока работаешь, некогда болеть.

Лучезарно улыбающееся розовое создание, старательно выговаривая английские слова, приготовило для неё пластиковую регистрационную карточку с зелёным крестом и медицинскую карту, упакованную в жёлтую прозрачную папку. Девушка глянула на иностранку недоверчиво, выпорхнула из-за стойки и повела её по длинному коридору. И хорошо, что повела. Вдоль коридора тянулся нескончаемый ряд окошек, в каждом – новая розовая девушка, букет цветов и надпись по-японски. Наверное, тут значились названия врачей. Но как понять, где помещается дантист? Поспешая вслед за провожатой, она отсчитывала окна. Регистраторша вручила бумаги девушке в пятом окне и указала пациентке на новый ряд диванчиков – ждите!

На диванах кучковались товарищи по несчастью. У окна дантиста страдальчески морщились, придерживая руками щёки, у соседнего окна кашляли. Должно быть, там трудился терапевт. Точно в девять утра по коридору проследовала кавалькада во главе со строгой дамой, укрытой белым халатом, шапочкой и маской. Её сопровождали две юные ассистентки, нагруженные коробками и папками. Дама-врач несла только свои руки. Случившиеся в коридоре медсёстры низко кланялись даме, она же лишь слегка опускала ресницы. Белоснежная от туфель и чулок до косынки медсестра распахнула дверь рядом с окном дантиста, впустила кавалькаду и принялась выкликать фамилии больных. Распознать её щебет иностранному уху было немыслимо. И медсестре оказалось не под силу произнести странную фамилию. Она посмотрела смятённо на ожидающих и, обнаружив единственное белое лицо, радостно поклонилась, и чуть не за руку ввела иностранку в кабинет, на пороге велев ей переобуться в больничные шлёпанцы.

В кабинете стояли три кресла. Дама-врач, переходя от одного к другому, словно ткачиха-стахановка, ненадолго склонялась к покорно разинутому рту и, отдав команду ассистентке, пересаживалась к следующему. Не очень ловкие руки молоденькой подручной прикрепили к её зубу резиновую плёнку, защитив поле битвы от полившейся со страху слюны. Дама быстро расправилась с остатками старой пломбы, сделала слепок – даже небольшие дырки японцы предпочитали латать металлом. Замазывать дырку дама доверила помощнице – обязанности были распределены, как на конвейере, врач не тратил время на простые операции.

Выйдя из кабинета, она направилась было к выходу, но девушка в окошке зашептала встревожено, указывая на диванчик – её снова приглашали подождать.

Минут через пять ей выдали уже распухшую жёлтую папку досье и попросили проследовать в регистратуру. Пока она ждала на диванчике, регистраторша отпечатала счёт и переправила его в кассу. Металлическая пломба стояла недёшево – восемь тысяч йен. В обмен на оплаченный чек регистраторша вернула ей карточку с крестом, отобранную регистраторшей, – технологическая цепочка завершилась. У выхода её окликнули. Наташа пришла лечить заболевшую дочь. Врача они уже посетили, теперь ждали лекарство. Наташа указала на новый строй диванчиков в дальнем конце холла. Там возле киоска аптеки сидела новая очередь. Технология была такова: врач выписывал рецепт, секретарша в окошке отправляла его факсом в аптеку. Пока больной платил в кассе за визит, а заодно и за лекарство, девушка в аптеке, оторвав очередную страницу непрерывно выползающей ленты факса, находила на полках нужное лекарство и опускала его в пластмассовый таз.

Больной, сидя на диванчиках, ждал, пока девушка вынесет таз и выкликнет его номер, проставленный и в факсе, и в чеке оплаты. Получив свой кулёк, больной, избавленный от беготни по аптекам, уходил домой спокойно лечиться. Посетителю надо было только сесть на первый диванчик возле регистратуры. Дальше его нёс к следующему дивану идеально отлаженный конвейер, поглощавший на входе страждущих и выдававший на выходе здоровых японских граждан. Те, кому не удавалось излечиться внизу, в поликлинике, отправлялись на верхние этажи в больницу.

– О, мы с сыном лежали тут! – по-русски сообщила подошедшая к Наташе молодая пышноволосяя женщина.

За руку она держала бледного мальчика. Сына Гали в родном Питере вылечить не смогли, а в Японии ему сделали операцию. Мальчику было пять лет, но в больницу его положили вместе с мамой, сказали – так малышу спокойнее.

Ухаживать за сыном Гале не позволили.

– Это наша работа! – говорила медсестра, отбирая у Гали горшок. Она даже выучила несколько русских фраз. – Так я смогу лучше помогать ребёнку.

Сын выздоравливал, и счастливая Галя восторгалась Японией:

– Здесь так чисто всюду: на кухнях, в магазинах, в школах! Так чисто, что дети вырастают без единого поноса!

Галя рассказывала больничные истории, все сплошь счастливые: например, про русского мужчину, жившего на искусственной почке в Японии уже седьмой год, хотя в Москве ему и двух лет не гарантировали. Больничная кормёжка – единственное, что не нравилось Гале.

– Там всё время давали китайскую капусту с маленькой рыбкой, полтела которой занимают глаза. И сын не ел "капусту с глазами".

И ещё одно обстоятельство японской жизни досаждало Гале – она стремительно полнела. И Наташа жаловалась на прибывающий вес и утверждала, что это загадочное японское явление знакомо многим иностранцам. Японская еда, державшая японцев в сухом и лёгком теле, почему-то заставляла приезжих полнеть. И она уже через пару месяцев почувяла угрозу.

– Всё дело в гормонах, которыми кормят здешних коров, чтобы они быстрее прибавляли в весе, а иностранцы едят много мяса, гораздо больше, чем японцы, – так считала Наташа.

В поликлинике дела происходили чётко, но небыстро – пломбу отлили только через десять дней, сидеть в очереди к дантисту пришлось, как и в прошлый раз, два часа. Но села железка точно, почти без подгонки.

– Я увезу в Россию прекрасный японский сувенир – металлическую пломбу, – похвасталась она Шимаде.

– Мне тоже надо к дантисту, – вздохнул он. – У нас, японцев, зубы неважные. Дефицит кальция... – И он блеснул зубами, начинёнными белым металлом.

Телефон (Налог на любовь)

О цикада, не плачь!
Нет любви без разлуки
Даже для звёзд в небесах.

Исса

Ей надо было позвонить в Москву! Ей очень хотелось рассказать домашним, что она пережила первые дни и не замёрзла. Что научилась покупать японскую еду и даже её есть. Надо было многое рассказать, а, главное, услышать, как родной голос скажет – я соскучился! И хотя тоска по дому штука романтическая, бороться с ней предстояло средствами материальными. Чтобы обзавестись домашним телефоном, ей предстояло арендовать или купить телефонную линию – в этом случае кабель, уже протянутый в её квартире, подключат к сети. Наташа советовала линию купить, но не в компании, а с рук. Так обойдётся дешевле, хотя всё равно дорого – долларов пятьсот-шестьсот. Но перед отъездом линию можно будет продать и денюжки вернуть. Наташины советы всегда выручали. К сожалению, встретить Наташу можно было только случайно, она жила без телефона. Телефон – слишком дорогое удовольствие для аспиранта. Да и для русского профессора – трата существенная. И не очень необходимая – в цивилизованной стране можно позвонить за рубеж из любого автомата.

Зелёные будки стояли на расстоянии прямой видимости, как пограничники, идеально чистые с развешенными на палках телефонными книгами, не исписанными, не драными. Аппарат не имел изъянов и работал. Но московская линия была занята так прочно, словно вся Япония, ошалев от тоски, рвалась услышать доброе слово из России. Устав извещать её об этом, после третьей попытки автомат возмущённо хрюкнул и наглухо закрыл щель для телефонной карты. Что-то она делала не так. Её вопросы поставили в тупик и студентов, и Шимаду – никто из них ни разу не пытался позвонить за рубеж из автомата. Надо было спрашивать телефонную компанию, спрашивать по-японски. Студенты помочь в этом деле не могли. К телефону в лаборатории они не подходили. В Японии даже местные разговоры платные, а на любые расходы из лабораторного бюджета требовалось разрешение сэнсэя Кобаяси. Позвонить вызвался Шимада. Оказалось, для международных звонков нужны были особые карточки и специальные автоматы – синие.

Синих будок было меньше, чем зелёных, но тоже достаточно. Синий автомат нашёлся даже возле университетской столовой. Но на его закрытой двери висело объявление на четырёх языках, сообщавшее: "Извините, автомат отключён".

– Это всё иностранцы! – сердито сказал Хидэо. – В последнее время к нам из-за рубежа приезжает много рабочих, особенно арабов. Едут они наобум, без работы, без средств к существованию. И подделывают телефонные карточки, чтобы звонить домой. – Подделку карточек японцами Хидэо не допускал. – Наши компании вынуждены отключать международные автоматы, они же терпят убытки! – Хидэо с компаниями был согласен. Она – нет. – Ах, Вам же надо позвонить домой! – догадался Хидэо. – Извините, я об этом не подумал! Наше гостеприимство включает бесплатный разговор с домом по приезде. Позвоните из моего кабинета! Я разрешаю международные разговоры только по моему телефону, я же плачу за телефон из своего гранта!

В Москве было четыре часа утра, но она постеснялась сказать об этом Хидэо. Он сам набрал московский номер, весело сказал её сонному мужу:

– Даю Вам Вашу жену! – И остался стоять рядом, глядя так, словно понимает по-русски. – Пробормотав пару пустых фраз, она положила трубку. – Примерная длительность разговора – две минуты, – Хидэо близко поднёс к глазам свои часы, записал в тетрадь её фамилию и номер телефона. – Я фиксирую все переговоры!

В субботу в семь утра в её дверь позвонили. На галерее стоял Хидэо.

– Я специально приехал, чтобы предупредить – сегодня мы ждём Вас в гости не в шесть, как извещали раньше, а в восемь. На четыре декан назначил совещание, к шести я освободиться не успею. Кстати, это очень неудобно для меня, что у Вас нет телефона! Все мои сотрудники и студенты имеют телефоны, в лаборатории висит список номеров. Это необходимо для нормального общения. Я пришлю к Вам Намико. Она поможет всё оформить.

Намико категорически отвергла идею покупки телефонной линии.

– Неразумно сразу уплатить кучу денег, а при отъезде покупатель может и не найтись. – Намико советовала линию арендовать.

В офисе компании Ниппон Телефон энд Телеграф, а других компаний, здесь, кажется, и не было, девушка выбежала из-за стола, придвинула стулья посетительницам, бегом принесла телефонный аппарат, сама заполнила бланк договора... Клиентке оставалось только оттиснуть своё ханко и внести месячную плату за аренду линии и залог за телефонный аппарат. Девушка заверила, что линия будет подключена уже сегодня. Но телефон, присоединённый к коробочке в столовой, молчал. Работало только соединение в спальне. Она удивилась. Она и представить себе не могла, как что-то может не работать в столь хорошо организованной стране! Она набрала московский номер и говорила, говорила... Коробочка была как раз над изголовьем её футонга и телефон пришлось поставить на татами рядом с постелью. Это увеличивало суммы счетов. Она даже заподозрила в хитрости телефонную компанию, поместившую единственное работающее соединение в спальне. Чиновники понимали, как незащищен человек перед сном.

В конце месяца пришёл счёт на пять тысяч йен. Она огорчилась. А, разобравшись, расстроилась ещё больше – это была только арендная плата за следующий месяц и местные разговоры. Позже пришёл счёт за международные переговоры – умопомрачительный, на девять тысяч йен. Она решила перенести нежные беседы на ночь, когда минута разговора с Москвой стоила два доллара, а не три, как днём. Но следующий день был полон проблем и, придя домой, она схватила трубку, решив, что душевное здоровье дороже денег. После двадцатого числа, когда приходили счета, она испуганно замолкала на несколько дней, спасаясь только местными беседами. Они тоже стоили денег, но небольших. Тоскливыми вечерами она набирала какой-нибудь номер из быстро удлиняющегося списка, повисшего у изголовья её футонга, и радовалась, услышав в гнетущей тишине квартиры хлопотливое японское "моши-моши". Но ей хотелось родного "алло". И, устав бороться, она набирала Москву. Муж утешал:

– Бог с ними, с деньгами! – И смеялся: – Считай, что телефонные счета – это налог. Налог на любовь.

Кнопки, скрепки, ластики... (Культурный шок)

Прозрачный водопад...

Упала в светлую волну

Сосновая игла

Басё

Пыль, нагромождаясь, образует горы.

Японская пословица

Она насыпала в рисоварку рис точно до метки слева, налила воды точно до метки справа. Если не плескать и не сыпать, как попало, а точно по меткам, рис всегда получался душистый и мягкий. И никогда не пригорал, потому что внутреннюю кастрюлю покрывал тефлон, а автомат отключал электричество, когда выпаривалась вся вода. Она включила рисоварку и убежала на зарядку – удобно жить в хорошо организованной стране!

Ей нравилось приезжать утром в аккуратно прибранный университетский городок, нравилось входить в свой кабинет, умыться после жара улицы – умывальники были почти в каждой комнате университета. Она наполнила свежей водой чайник, полюбовалась его блестящим кремовым боком с бледно-сиреневой веткой и английской надписью "Цветы в нежном свете вечера". Чайник включался автоматически, когда вода в нём остывала ниже положенной температуры, так что, однажды включив его, можно было обеспечить себя кипятком на всё время, пока не кончится вода. Без такого чайника тут не жил никто ни дома, ни на работе. Она легко нажала на крышку, выпустив из носика струю, завёрнутую в пар. Вода в чашке стала зелёной – мелко истолчённый чай заваривался мгновенно, а две ниточки отжимали заварку в пакетике, не давая пропасть зря ни одной душистой капле. Чашка легла выпуклым боком в ладонь точно, как лепёшка. Спинка кресла спружинила, остановившись в самом удобном положении...

Она включила компьютер, быстро приготовила свой первый доклад. Сделать копию текста для каждого участника семинара было просто – на факультете стоял ксерокс, всегда готовый к работе, в шкафу рядом с ним не иссякал запас бумаги. В другой копировальной она сделала цветные картинки с помощью неотлучно дежурившего при новой дорогой машине техника. Необязательно, конечно, было их делать. Но почему не сделать всё красиво, если можно? Для продолжения работы ей потребовались дискеты. Они хранились в студенческом зале в большом шкафу, рядом с бумагой, фломастерами, папками, ручками, циркулями, линейками... Всё это сотрудники и студенты могли брать в любых количествах. Техник Ямазак следил, чтобы запасы не иссякали. В отдельной коробке лежали кнопки, скрепки, ластики... Серебряные лапки скрепок сжимали бумагу надёжно и мягко, розовые, как клубничное желе, ластики стирали бережно и чисто, головки прочных, негнущихся кнопок отсвечивали старинной бронзой... Почтовые конверты из тончайшей бумаги были упакованы в яркую коробку, как подарок. Кто-то думал обо всём этом: о красоте коробок, кнопок... Кто-то ночей не спал, доводя до идеальной формы скрепки, кто-то трудился годы над идеальными ластиками, кто-то душу вложил в конверты, жизнь потратил на все эти мелочи. На восхитительно сработанные мелочи, превращавшие в удовольствие японскую жизнь!

Хидэо заглянул в студенческую, улыбнулся её комплиментом содержимому шкафа.

– Мы, японцы, очень чувствительны к прекрасному!

Напомнил, что она должна приготовить список своих научных трудов, который надо послать в Министерство науки в Токио, таков порядок. Компьютер справился с работой за десять минут. Хидэо захотел проверить бумаги перед отправкой, чтобы она, не знакомая с японскими порядками, не наделала ошибок. Хидэо глянул на бумаги, на неё...

– Вы... Вы неправильно написали собственную фамилию! В паспорте она написана иначе!

Ох уж эта буква "щ"! Каждый новый паспорт она получала с новой фамилией. Непорядок, конечно, но прежде это никогда не вызывало проблем. В десятке стран, где она была, никто просто не обращал на это внимания, а если и обращал, улыбался – русский язык так труден! Но Хидэо был серьёзен.

– Ваши документы оформлены на определённое имя, и менять его недопустимо! Это делает Ваше пребывание здесь незаконным!

Ей, кажется, предстояло перейти на нелегальное положение и скрываться в каком-нибудь японском подполье!

Хидэо её весёлость не понравилась.

– Вы не должны были допускать разное написание фамилии!

Усовестить ОВИРОВских паспортисток ей не удалось, но она не стала рассказывать об этом Хидэо, чтобы не позорить державу. Держава и так выглядела неважно. Всего из-за одной буквы.

– Одна буква – такая мелочь!

Ей не следовало этого говорить! Хидэо пришёл в возбуждение, совершенно несоизмеримое со значимостью момента.

– Что значит мелочь? В Ваших бумагах две разные фамилии! Это вызовет вопросы в Токио! И тень падёт на меня!

Она предложила переделать список своих трудов – написать ту фамилию, что в паспорте. Конечно, это займёт много времени, список длинный. Но она соглашалась сделать это ради того, чтобы не подвести Хидэо. Но он жертвы не оценил.

– Это будет подлог! – его лоб прорезала грозная морщина.

Она окончательно почувствовала себя преступницей.

Хидэо заперся в своём кабинете обдумать положение – он находил его катастрофическим. Через час он всё-таки выход нашёл.

– Принесите мне копии всех Ваших работ, мы пошлём их вместе со списком. Так в Министерстве убедятся, что подлога нет.

Она представила толщину пакета. И его вес. Но сказала кротко:

– Хорошо, я схожу в библиотеку.

– В библиотеку? – изумился Хидэо. – Зачем?

– Сделать копии моих работ...

– Вы не привезли копии? – Очки сползли на самый кончик его вспотевшего носа. Для бедного Хидэо сегодня был день сюрпризов. – Научный сотрудник должен иметь при себе свои труды! – отчеканивал он, приходя в себя. – Я всегда вожу все свои работы!

Она представила себя на пересадке в Токио со своими научными трудами... Да и зачем возить журналы, которые есть на каждом инженерном факультете мира?

– Копии несложно сделать в библиотеке, – осторожно начала она.

– Хорошо, сходите туда, я подожду, – Хидэо говорил так, словно отпускал ей смертный грех.

Ковровые дорожки, кондиционер, длинные полки – в университете прекрасная библиотека! Вот только помещение тесновато, но выход нашли: поставленные вплотную друг к другу стеллажи раздвигались нажатием кнопки, открывая проход. Журналы нашлись легко, и ксерокс работал отлично. Через час она вернулась в кабинет Хидэо. Он перелистал копии. В ужасе поднял на неё глаза...

– Что Вы сделали? – Что-то опять было не так. И она не понимала – что?

– Чёрные полосы!

Хидэо возмущённо показал на листы. По их краям тянулись тёмные поля, неизбежно возникавшие, когда раскрытый толстый журнал клали на плоское стекло ксерокса, выгибая страницы возле корешка. Но на качество текста это не влияло!

– Я пригласил Вас! Что подумают обо мне в министерстве? – горевал Хидэо.

Ей стало страшно. Одна буква определяла её в нелегалы, чёрная полоска на листе ставила под удар репутацию несчастного сэнсэя, неосторожно связавшегося с ней...

– Это ужасно! Это некрасиво! – пытаюсь сдерживаться, цедил Хидэо. – Мы, японцы, очень чувствительны к прекрасному!

Эта прелестная фраза на сей раз означала, что ей предстоит пойти в библиотеку опять и постараться сделать копии без чёрных полосок. Выйдя на раскалённую полднем улицу, она почувствовала, что японское чувство прекрасного больше не умиляет её. Пробившись час, она получила почти тот же результат – тома были слишком толстые.

– Это нельзя посылать в министерство! – в отчаянии всплеснул руками Хидэо. – Это произведёт плохое впечатление!

Но для того, чтобы обнаружить эти полосы, надо читать работы, по крайней мере, перелистывать страницы. Вряд ли министерские чиновники станут это делать!

– Не думаю, что их заинтересуют мои работы! – улыбнулась она.

Хидэо побледнел.

– Как можно так говорить? Это же министерство! Вы должны послать туда документы, оформленные наилучшим образом! Наилучшим!

Хидэо был потрясён. И она потрясена не меньше. Буря бушевала не то, что в стакане воды, в напёрстке.

После тяжёлых раздумий Хидэо предложил обрезать тёмные поля. Она сложила бумаги стопкой и опустила нож резака. Но тени были разной толщины и тоненькие ниточки черноты, естественно, кое-где остались. Хидэо не поленился перелистать всю стопку.

– Я заметил, Вы всё делаете небрежно! – Она онемела – лучший друг Хидэо прежде не разговаривал с ней так! – Я обрежу сам! – резко выкрикнул Хидэо – Это надо делать вот так! Он принялся собственноручно обрезать каждую страницу отдельно, подгоняя её по размеру к остальным. Бумаг было много, работа грозила затянуться, и от усталости или от волнения Хидэо отхватил изрядный кусок текста, сказал, не колеблясь: – Вам придётся пойти в библиотеку ещё раз!

Полуденный жар на улице сменился настоящим пеклом, платье прилипло к спине. Вернувшись из библиотеки, она заперлась в своём кабинете и стала думать, как тут жить, если невозможно предугадать, откуда грянет гром? И стоит ли вообще жить в стране, где лучший друг позволяет себе гонять по жару её, профессора, женщину, из-за такой блажи, как полоски? Она смотрела на кремовый бок чайника, и цветы, цветущие в нежном свете вечера, казались ей примитивными, а надпись вычурной. И кнопки, скрепки, ластики, все эти мелочи больше не умиляли. Ведь полоски тоже были порождением дотошной японской внимательности к мелочам... В дверь постучали. За спиной Хидэо стоял китайский доктор Чен.

– Он поможет Вам, он знает наши правила.

Чен сделал так же, как она: сложил стопкой новые копии и опустил нож. Получилось хуже, чем в первый раз, но Хидэо проверять не стал. Китайцу он доверял.

Ей не понравился урок японской любви к прекрасному. Вместе с походами в библиотеку он отнял три часа и на весь день отбил желание работать. Она вышла на улицу университетского городка. Шедшая ей навстречу светловолосая женщина поздоровалась по-английски. Здесь все белолицые здоровались друг с другом по-английски. Но женщина сказала вдруг по-русски:

– Что-то случилось? У Вас такое лицо...

Анна приехала из Москвы читать лекции в здешнем университете, читала их по-японски. Япония была специальностью профессора Анны, она знала о Японии всё. И рассказу не удивилась.

– Человек с Запада, столкнувшись с непривычным для него Востоком, испытывает сильное потрясение, – говорила Анна. – Это явление известно, оно даже имеет название – "культурный шок".

Шок происходил от несоответствия – западные люди воспринимали явления в принципе, восточные – в деталях. Недаром Японию называли "цивилизацией сосновой иглы". Русские злились, если кто-то за деревьями не видел леса. А японцы не то, что леса, веток за иголками не замечали. Дистанция между русским размахом и меленькой сосновой иглой казалась устрашающей, непреодолимой. Но Анна предлагала принимать Японию спокойно. И наслаждаться её достоинствами, которых немало.

Они шли по чистенькому, прибранному до последнего закоулка городу, мимо магазинов, где продавались идеальные до последнего винтика японские автомобили и телевизоры... И одежда, не менее тщательно отделанная с изнанки, чем с лица. А японские туалеты были самыми чистыми в мире, – утверждала Анна. Так не смогут вымыть туалеты люди, имеющие хотя бы лёгкое презрение к мелочам. Тщательно в Японии было сработано абсолютно всё. Хидэо одинаково добросовестно писал научные статьи и протоколы собраний. Искусством изготовления чего-нибудь, хоть канцелярских бумаг, по методу "тяп – ляп" граждане этой страны не владели, делить дела на важные и неважные не умели, делая наилучшим образом всё подряд. И потому на японских заводах не знали, что такое брак. Так говорила Анна. А она возражала, что если делать со всей возможной тщательностью всё, даже бумаги, на которые наверняка не взглянет токийский чиновник, на что-то путное не останется времени.

Анна пожимала плечами – такие уж они есть, японцы! И рассказывала, как сама столкнулась с мелочью, которая едва не лишила её японского контракта. Администрация университета, изучив бумаги Анны, подсчитала, что высшее образования она получила за пятнадцать лет – десятилетка плюс пять курсов института. В Японии для этого требовалось шестнадцать лет – двенадцать в школе и четыре в университете. Чиновники отказались оформить контракт – недоучка не может получить место приглашённого профессора в японском университете. Анна долго объясняла японцам особенности русской системы образования, в отчаянии она даже запаслась справкой из детского садика, удостоверявшей, что в детстве в течение года обучалась в подготовительной группе. Анна смеялась, но советовала учиться японской внимательности к мелочам, иначе сосновая игла ещё не раз даст о себе знать, ещё уколет. И предупреждала, что от культурного шока страдают обе стороны. Сэнсэя, выросшего среди цивилизации сосновой иглы, наверняка оскорбило русское презрение к мелочам.

Утром Хидэо пригласил её на чаепитие со студентами, устроенное безо всякого повода, просто так. На столе стоял испечённый Намико пирог. Это очень походило на извинение. Хидэо улыбался и шутил, словно чувствовал, что переборщил, прививая иностранке японскую тщательность. А она думала, что от восторгов пора остыть – ах, палочки! ах, тапочки! ах, какая страна! Страна как страна. Что-то тут хорошо, что-то – не очень. Просто многое иначе. Не так, как у нас.

Глава IV

В

сё наоборот

У каждого человека есть сердце.

А у каждого сердца есть свои наклонности.

Он считает это хорошим, я – дурным.

Я считаю это хорошим, он – дурным.

Но я необязательно мудрец, а он необязательно глупец.

Оба мы только обыкновенные люди.

Из Конституции, составленной принцем Сётоку в VII веке

Всё наоборот

Первую песню весны
Поёт соловей, повиснув
На ветке вниз головой.

Кикаку

Об обычаях не спорят.

Японская пословица

Резко скрипнули тормоза. Японцы редко тормозят так лихо. Наверное, водитель очень удивился, когда прямо перед его носом вышла на проезжую часть белая женщина, отвернув голову в другую сторону. И удивился ещё раз, когда дама отступила назад, пропуская его. И долго ждал, пока она сообразит пройти, а, не дождавшись, показал ей вежливо ручкой. Она пошла, заставив голову повернуться сначала направо и только потом налево. Голова слушалась плохо, очень уж привыкла вертеться наоборот. И почему это островитянам нравится ездить по левой стороне? И вообще, делать всё наоборот? В маленьком ресторанчике люди ели гречневую лапшу собу. Открытые окна выпускали наружу громкий чмокающий звук, с которым едоки засасывали лапшу. Это у нас фыркать за столом неприлично, а здесь неприлично есть собу тихо, хозяин обидится, решит – невкусно.

По тротуару шла женщина в кимоно. Ворот его горбился, приоткрывая шею и спину. Кимоно всегда сползает назад, а мы вырезаем декольте спереди, на груди. И талию женщины стараемся сделать как можно тоньше. Японки же накручивают толстый пояс, превращая талию в бочонок шире бёдер, а заодно окончательно скрывая и без того невидную грудь. Наверное, японцам нравится толстая талия. И чёрные зубы. Ведь совсем недавно замужние японки чернили зубы. А после объяснения в любви влюблённые отворачивались, а не бросались друг к другу, как у нас. По крайней мере, раньше так было. Через открытую дверь магазинчика было видно, как парень взял с полки журнал, начал листать его с последней страницы. Потому что японская книга начинается с конца. И страница читается с правого угла, а не с левого, как у нас. И пишут японцы сверху вниз, выстраивая вертикальные столбики иероглифов. Впрочем, писать горизонтально, в строчку они тоже умеют. Может, удастся всё-таки найти с ними общий язык? Удастся ли? Они даже таблички с названиями лабораторий в университете или кабинетов в поликлинике прикрепляют не на стену, а перпендикулярно ей, как закладки на книжной полке. И рубанком строгают к себе, а не от себя, как мы. И это ещё так себе, простенькие "наоборот". Есть и посерьёзнее. Мы поминаем покойника на девятый день, потом на сороковой, они – на сорок девятый. Значит, и после смерти японцы остаются другими? А уж при жизни и вовсе делают всё наоборот.

– Сегодня Ваш первый доклад на семинаре! – Хидэо улыбался, глядя куда-то в сторону.

В Японии смотреть собеседнику прямо в лицо – верх неприличия. Говорят, для этого и была придумана икэбана, чтобы было, куда отводить глаза, ведь это так естественно – смотреть на красивый букет. Перед семинаром – чаепитие в честь её первого доклада – так решил Хидэо. Она прихватила свою чашку, как все сэнсэи, в студенческой комнате посуды хватало только для студентов.

– Какая красота!

Студент Миура залюбовался чашкой – грубой, толстой, корявой, недалеко ушедшей серой шершавостью от того куска глины, из которого её сделали. Посудину обрабатывали на примитивном гончарном круге – по бокам чашки шли круговые полосы.

– Какая прелесть – ручная работа! – воскликнул Хидэо.

И Митико восхищённо ахнула:

– Прелесть!

И Шимада похвалил рисунок на боку чашки – три небрежных мазка – коричневый, красный и синий. А вот Наташа, зайдя к ней как-то в гости, поморщилась:

– Зачем Вы такую страшную чашку купили? И без ручки.

– Без ручки потому, что это не чашка, а рюмка! – рассудительно сказала Наташина дочь Ирочка и поставила чашку перед куклой – для куклы сто двадцать граммов в самый раз.

– И правда рюмка, у нас такими дозами водку пьют, – согласилась с дочерью мать.

У нас водку, у них – чай. Им нравятся чашки маленькие, тусклые, грубые, нам – большие, тонкие, блестящие с ярким рисунком. И с ручками. А японцы ручки прилепляют только к чашкам-сувенирам из тонкого фарфора с яркой картинкой Фудзиямы на боку, с головкой гейши, просвечивающей в доньшке. Такие чашки в Японии делают специально для людей с дурным вкусом – иностранцев. И составляют из них сервизы с шестью чашками или с двенадцатью, как принято на западе. А для себя японцы кладут в коробку по пять чашек, заполняя свободную шестую ячейку куском пенопласта. Японцы предпочитают нечет. И сервизов не любят – посуда на их столе – сущий разнобой. И ручку заварного чайника они приделывают не на противоположную носу сторону, как у нас, а сбоку. И симметрии японцы не уважают. У них обязательно что-нибудь вбок торчит, как в икэбана. И икэбана – это одна веточка, один цветок. А мы любим большой букет. Мы вообще любим, чтобы всего было много, они – мало. Здесь роскошь, которую ценит запад, считается неприличной.

– Мы, японцы, предпочитаем скромность, – говорил Шимада. – Мы чтим "ваби"...

Это "ваби" по-русски означало благородную бедность, кажется. Или нищету, возведённую в добродетель. Хороший тон японских островов велел выглядеть бедным и скромным, даже если ты богат. Может, это "ваби" было рождено постоянным ощущением маленького, ограниченного водой острова, где всего в обрез? Даже теперь, стремительно богатея, Япония держалась за "ваби", за маленькие, серенькие домики, за тёмную скромную одежду, за серую посуду. И только опытный глаз мог различить специальный, драгоценный обжиг грубых глиняных чашек, дорогую ткань простенького пальто, или чуть более широкую полосу земли вокруг серенького дома. Только японец мог опознать – рамочка садика в три сотки – это уже не госслужащий, а работник процветающей компании, а сад в четыре сотки мог окружать только богатый дом врача или адвоката с частной практикой, высокого сотрудника негосударственной фирмы, а, может, её владельца.

– Ах, не говорите, что у меня красивое платье, – отбивалась от комплиментов Намико. – Я купила его десять лет назад. Хотя правда была такова: – Теперь у нас стало гораздо больше денег, и мы покупаем много новых вещей.

Но вырвать такую правду из японских уст было невозможно. Потому что это неприлично в Японии – выглядеть богатым. Это мы хотим выделиться из толпы, японцы – с ней слиться. Мы выбираем яркие цвета, они – блёклые. Мы любим одежду особенную, не как у всех, они – стандартную. Не как у всех – здесь опасно. И не только в одежде. Мы ценим людей выдающихся. Здесь предпочитают таких, как все. Выдающимся здесь не оставлено ни малейшей щёлочки, чтобы существовать.

Залпом выпив чай, Хидэо поднялся.

– Пора начинать!

Это у нас считается хорошим тоном есть неспешно и плавно. У них – совсем наоборот. Прозвенел звонок, и в аудитории хлынула толпа. Сэнсэи низко кланялись молодому шикарному Такасими и едва заметно кивали пожилому профессору. Здесь любят богатых и сильных. А старых и бедных не жалеют. И вряд ли посочувствуют попавшему в беду.

– Примите соболезнование! – сказала она Хидэо в день приезда.

– А что случилось? – всполошился он. – И тут же успокоился. – Землетрясение в Кобэ? Так это не наш район!

И принялся объяснять ей, как далеко отсюда Кобэ. Он решил, что она плохо знает японскую географию, потому и волнуется. О землетрясении он едва слышал, очень занят был своей работой. Помощь пострадавшим? Это дело властей! В Японии порядок. Может, потому и не сидят на здешних улицах нищие, что знают – никто им не подаст?

Она стояла у доски. Хидэо не было, он разговаривал по телефону в своём кабинете. Во время семинара он оставлял дверь кабинета приоткрытой и по первому звонку бросался туда. Видно, научные занятия не извиняли перед начальством его отсутствие на телефоне. Её доклад продолжался уже час. Студенты дремали.

– Может быть, закончим на сегодня? – предложила она.

Её слова незаметно соскользнули в сонное посапывание зала и бесследно растворились. Она решила обратиться к старшему по званию, к Шимаде.

– Может, закончим?

Не вполне оправившись от дрёмы, Шимада неопределённо пожал плечами.

– При чём здесь я? Он ведёт семинар!

Он кивнул в сторону председательствующего дипломника Мацутани. Тот испуганно заёрзал, замотал отрицательно головой.

– Решайте сами! – Она не заметила, кто это сказал? Кто принял решение, чтобы решала она?

Шимада и Мацутани разом опустили головы, возвращаясь к дрёме. Какой смысл говорить в пустоту?

– Закончим! – решила она.

Студенты завозились неодобрительно, словно их грубо разбудили, поднялись неохотно.

– Кто прервал семинар? – из кабинета выскочил Хидэо.

– Студенты устали, я решила...

– Вы решили?

Хидэо посмотрел на неё сердито и бросился вернуть расползавшихся студентов, усадил их за столы что-то писать. Она вышла в коридор. Шимада, завидев её, быстро нырнул к себе в кабинет: иметь дело с решительными здесь избегали. Митико, столкнувшись с ней, улыбнулась смущённо.

– Ты сдала вчера экзамен, Митико?

Девушка кивнула.

– И какую оценку получила, "ей", "би" или "си"?

Здесь называли английскими буквами наши "отлично", "хорошо" и "удовлетворительно".

– Я пока не знаю.

– Как так? Ты же сдала экзамен.

– Сдала. Но оценку сэнсэй поставит потом.

– Когда потом? Завтра, послезавтра?

– Может, месяца через два – три, – Митико явно чувствовала себя неловко.

От нерешительности сэнсэев? Или от решительности иностранки?

– И не забывают сэнсэй эти оценки ставить?

Митико совсем застеснялась.

– Забывают иногда...

Нет, решительность здесь – не доблесть. Здесь всё наоборот. Но наоборот не значит плохо. А просто наоборот. И слава Богу, что наоборот. Что станется с Японией, если все наоборот исчезнут? Нет, уж пусть лучше будет всё наоборот!

Страна, где можно есть сырую рыбу

Полнолуния ночь!
Даже птицы не заперли
Двери в гнёздах своих.
Тиё

Она закрыла дверь без ключа, просто захлопнула хлипкий замочек. В сущности, квартира не запиралась вовсе: окно одной из комнат выходило на галерею подъезда, и, уходя, она частенько забывала его закрыть. Так оно и стояло весь день, защищённое только комариной сеточкой. Любой желающий мог, приподнявшись на цыпочки, поставить колено на подоконник и спрыгнуть в комнату. Но желающих не находилось. И теперь, заметив открытое окно, она не стала возвращаться, чтобы его закрыть, – в Японии не воруют.

– А какой смысл воровать? – пожимал плечами Шимада. – У нас никто не покупает старые вещи. Шимада рассказывал, что однажды в горах он видел, как турист нашёл забытую кем-то видеокамеру и отнёс её вниз, в посёлок, сдал в полицию...

Пусть легендарная японская честность происходила из банальной невозможности продать краденое, жить в честной стране было приятно. Студенты, уходя на занятия, бросали на сиденьях своих мотоциклов перчатки и шлемы. Подъезды домов не запирались. В университетские корпуса можно было войти в любое время – боковой вход оставался открытым даже в выходные дни, даже ночью. Любой мог попасть в коридор, где за жиденькими дверями, запертыми шутейными замочками, стояли дорогие компьютеры.

Она ехала в аэропорт встречать Ольгу, свою бывшую аспирантку, подругу. Ольга работала в Японии уже третий год и теперь прилетала с южного острова Кюсю в её город. Она решила добраться до аэропорта пригородным поездом. Пока кондиционер разгонялся, справляясь с усиливающейся жарой, она решила умыться. В туалет стояла очередь, но умывальники были устроены отдельно, в кабинках с матерчатыми занавесками. Над очень чистой раковиной висело зеркало, под ним полочка, на ней мыло и... Рядом с мыльницей поблескивало золотое колечко. Замысловатый завиток окружал выпуклый камень. Должно быть, потому и сняла кольцо хозяйка, перед тем как вымыть руки. Поезд приближался к аэропорту. Она подошла к умывальнику, отодвинула занавеску... На полочке по-прежнему поблескивало кольцо. И хотя она знала, что здесь не принято проявлять инициативу, но не утерпела, взяла кольцо, показала его пассажирам. К ней подошла женщина, поклонилась благодарно, но как-то смущённо...

В зале ожидания аэропорта народ кучковался возле огромного экрана телевизора. Он показывал нечто странное. Среди декораций, изображающих что-то вроде триумфальной арки в Париже, молодой японец присел на скамейку, поставив возле большой чемодан. Рядом с ним сел пожилой белолицый мужчина, уронил газету. Вежливый японский юноша бросился её поднимать, а тем временем два дюжих рыжих молодца утащили его чемодан. Обескураженного юношу сменила хрупкая японская девушка. Пока она разглядывала карту, здоровенный блондин, стремительно вынырнув из-за угла, толкнул её мощным, как бульдозер, плечом и вырвал из рук сумочку. Потом серьёзный японец закусывал за столиком кафе в обществе двух белолицых парней, щедро подливавших ему пиво, незаметно бросавших что-то в его бокал. Разомлевший японец валился сонной головой на столик, а приятели, смачно ухмыляясь, вынимали из его кармана бумажник. Следующая сценка в таком же роде закончилась на больничной койке – закутанный в бинты японец скорбно взирал на кишасий бандитами западный мир. Серия кошмарных историй о наивных японцах, обманутых коварными личностями с серыми глазами, закончилась цепочкой чёрных иероглифов. Должно быть, там было написано: "Будьте бдительны!" Тот, кто крутил такое кино, понимал, что нельзя выпускать во внешний мир без под-

готовки японцев, избалованных жизнью с незапертыми дверями, полными карманами наличных...

Они с Ольгой не виделись долго, им о многом надо было поговорить. Только у порога своей квартиры она поняла, что у неё пропала сумка. И хуже всего – она не могла припомнить, где её оставила – в поезде, в аэропорту, в автобусе, в такси? В сумке был паспорт, банковская книжка, деньги... Она недоумевала, как же такое могла допустить она – опытная путешественница? И объясняла нелепый случай гипнозом колечка, беспечно брошенного в умывальнике – японская жизнь расслабляет. Не зря крутили в аэропорту ликбез для простофиль! Опытная Ольга утешала:

– Найдём! Вот увидишь, найдём твою сумку! Здесь же Япония!

Пришлось снова ехать на вокзал, в бюро находок.

– Отыскивать потерянные вещи – основное дело японской полиции! Если Вы что-нибудь потеряли в Японии, вещь непременно найдут, – на хорошем английском языке заверил полицейский и принялся отстукивать на клавишах компьютера призыв отыскать пропавшую сумку.

В бюро находок в аэропорту, а также в автобусном депо и на железнодорожном вокзале сумки не обнаружилось. Полицейский сообщил об этом, кланяясь и извиняясь. Покончив с извинениями, он стал нажимать кнопки телефона – оставалось проверить такси. Телефон глухо гудел.

– Не отвечают...

Полицейский снова извинился, протянул листок с телефоном таксопарка и посоветовал позвонить туда завтра. На прощание он записал имя потерпевшей, адрес и телефон.

Рано утром их разбудил звонок в дверь. На продутой утренним ветром галерее, ёжась от холода, стоял парень в форменной кепке таксиста. Он поклонился, протянул двумя руками сумку, сказал что-то извиняющимся голосом и быстро ушёл, отказавшись от щедрых чаевых. Значит, полицейские с утра сами позвонили в таксопарк и дали её адрес. Потрясённая, она проверяла содержимое сумки. Всё было на месте: паспорт, банковская книжка, деньги... Все, до копейки. В магазине Ольга предупредила:

– Ты всё-таки сумку покрепче держи! Не стоит особенно рот разевать, хоть мы и в Японии! Вот у меня недавно велосипед украли. Правда, полиция быстро его нашла, но сломанным. Ремонтировать пришлось. Теперь я его просто так не бросаю, замком пристёгиваю. И обсчитывают здесь, не везде, конечно, но в больших супермаркетах, где случайный народ, бывает...

Забыв о своих предостережениях, Ольга ссыпала в карман сдачу, не проверяя.

По случаю встречи решили устроить праздничный обед с самым роскошным из японских блюд – сашими. Сашими – простое блюдо. Чтобы его приготовить, надо просто нарезать сырую рыбу. Если покупаешь её на рынке. А если в магазине, то и резать не надо – там порежут за тебя. В пластмассовом лотке на тончайшей стружке белой редьки лежали розовые ломтики, украшенные зеленью петрушки. На кухнях этой страны работали художники, не кулинары! Да и не нужны тут кулинары – японцы готовили совсем простые блюда. Нарезать тонко сырую рыбу и красиво уложить – вот и весь рецепт сашими.

– Рыба свежая? – спросила она у продавца.

Мужчина удивлённо захлопал глазами, указал на этикетку, где стояло сегодняшнее число. А Ольга засмеялась.

– Здесь таких вопросов не задают! И не продают несвежую рыбу!

Сочная мякоть отсвечивала влажно, словно её только что резанули ножом, а ведь рыбу везли, разделявали, паковали...

Дома они поставили на стол две коробочки. Начали с обычного, самого дешёвого сашими из тунца. Есть сашими просто – вылить в блюдце соевый соус из пакетика, положенного вместе с рыбой, окунуть туда кусочек и отправить в рот, заедая тёртой редькой и горячим рисом. Сашими съели быстро. Да и что тут есть-то? Восемь маленьких, на один укус ломтиков, стои-

мостью в восемь долларов, по доллару кусочек. Сашими, даже из тунца – недешёвая еда. Но они купили и самое дорогое сашими – из фугу – гулять так гулять! На упаковке красовалась небольшая рыба-шар с колючками – такой была знаменитая фугу, пока её не разделали. Внутренности рыбы содержали сильный яд, и потому её разделку доверяли только людям со специальными дипломами, полученными после многих лет учёбы. И всё-таки на всякий случай есть фугу японскому императору запрещали. Да и простому смертному рекомендовалось перед тем, как попробовать фугу, написать завещание.

Они выложили ломтики рыбы на большую плоскую бело-синюю, специально купленную тарелку. Именно на такой тарелке полагалось подавать фугу, чтобы полюбоваться синим узором, просвечивающим сквозь тонко нарезанную полупрозрачную белесую мякоть. Нежная рыба растаяла во рту, разливая по всему телу странное, блаженное тепло. А вдруг...

– Не бойся! – засмеялась Ольга. – Так всегда бывает, когда ешь фугу. Это нормально!

Она положила в рот ещё один полупрозрачный ломтик и пожалела японского императора. Вкусное блюдо сашими! Полезное. И очень простое. Ничего в нём нет, только сырая рыба. Плюс добросовестность и дисциплина от побережья, где выловили рыбу и немедленно повезли в город в хорошем рефрижераторе, до магазина, где сразу же, без проволочек, минуя склад, её разделали. И не как-нибудь, а по всем правилам, добросовестно, без жульничества и брака. Иначе съевший фугу умрёт. Только в очень честной стране можно есть ядовитую фугу! Они бесстрашно ели сашими и пили за Японию – замечательную страну, где можно, не сомневаясь, есть такое рискованное блюдо – сырую рыбу.

Урок икэбаны на рыбном рынке

Видели всё на свете
Мои глаза – и вернулись
К вам, белые хризантемы.

Исса

– Вы же в Японии живёте! В Японии! А что Вы видите? Дом да работу! – журила её Наташа. – Как же можно не сходить на урок чайной церемонии, икэбаны? В нашем городе есть множество курсов икэбаны. Можно брать и частные уроки. Хотите, я устрою Вас к своему сэнсэю? К ней многие русские ходят. Чиба-сан – удивительная женщина! Но она не берёт людей с улицы. Только по рекомендации. – Через несколько дней Наташа сообщила: – Я позвонила Чибе. Она долго расспрашивала меня, кто Вы и откуда, и в конце концов согласилась Вас принять.

Чиба жила на Асаичи, так назывался рынок в центре города возле вокзала. Рынок занимал недлинную узкую улочку, застроенную старыми деревянными домишками, которые на втором этаже держали жилые квартиры, на первом – лавки. Название Асаичи означало "каждое утро". Каждое утро рынок заполняли немолодые деревенские женщины, плотные, коренастые, с обветренными грубыми лицами. Они очень походили на русских деревенских баб, если бы не узкие глаза, да широкие короткие брюки и странные головные уборы – спадающие до плеч платки с большими козырьками, надёжно защищающие голову. Ведь женщины проводили целые дни под едким японским солнцем – на рынке, в огороде. Торговки перебирались от пригородных поездов по лестницам эстакады, неуклюже переваливаясь под тяжестью огромных лыковых коробов за спиной. Они шли, свесив корявые, натруженные руки, склонив головы, словно стесняясь нарядных, изящных горожан. Мужчин среди торговцев было мало – всё больше женщины. И покупателями рынка были только дамы. В десять утра, когда они с Наташей пришли на рынок, вход на Асаичи закупоривала плотная дамская толпа, которая еле шевелясь, потихоньку втягивалась в узкое горло улицы.

Рынок все называли рыбным и на городских картах обозначали рыбкой, но большую часть его товара составляли овощи. На вынесенных на улицу столах и прямо на асфальте стояли синие, только синие пластмассовые миски, полные бананов, яблок, киви. Мисками продавали апельсины, картошку, лимоны. Водоросли, тофу, зелень и морковь шли пакетами, длинные кочаны китайской капусты и толстые палки белой редьки дайкон поштучно. Весов на рынке не было. И взять меньше, чем в пакете или в миске – а это килограмма полтора, было нельзя.

– Вряд ли Вам стоит покупать на Асаичи, – говорила Намико. – Конечно, там самые свежие овощи и рыба. Но продают помногу, на семью, а Вы одна.

– Много? – возмутилась Наташа. – В холодильник положите! Да вы посчитайте, насколько овощи дешевле здесь, чем в магазине! Почти вдвое! А рыба, посмотрите, какая дешёвая здесь рыба!

Брусочек тунца почти на килограмм, очищенный от кожи и костей, приготовленный для сашими, стоил столько же, сколько жиденькая магазинная порция в восемь ломтиков. Япония – не такая уж дорогая страна, если знать места, где покупать. Такие прекрасные места, как Асаичи! Рыбой торговали в нижних этажах домов – нежный товар прятали от солнца. Ходить по рыбным лавкам следовало осторожно – бетонный пол был скользким от воды, рыбьей слизи, чешуи. Продавцы даже в жару носили резиновые сапоги. Прилавки прогибались от изобилия рыбы – свежей, только что выловленной, но уже выпотрошенной, разделанной, порезанной, красиво упакованной. На ледяной крошке шевелил клешнями большой краб, словно пытался уползти от невзрачных крупных раковин, похожих на серые камни, к розовым креветкам. В пенопластовых ящиках с полурастаявшим льдом мокли в сеточках мелкие чёрные ракушки.

Запах моря пропитывал улочку от асфальта до самых крыш. Ему помогал острый аромат соевый – торговка доставала из большой кастрюли огурцы, выкапывая их из коричневатой влажной кашицы, – огурцы в Японии солили в рисовой шелухе. В маленьких прозрачных пакетиках розовел маринованный чеснок, синели крошечные, как цветочные бутоны, баклажаны. Пробовать здесь не давали. Да и какой смысл пробовать, если свежим, идеальным, без изъяна было всё – рыба, овощи... А вот мясом Асаичи не торговал.

Чиба жила на втором этаже, над цветочным рядом, верней, углом – вся торговля цветами умещалась на одном углу, но продавцы умудрились забить пространство так плотно, что выбрать букет было непросто – в глазах рябило. Но выбирать пришлось – Чиба денег за уроки не брала, только цветы. Плата за урок икэбаны была деликатна – деньги, отделённые от искусства, оставались на рынке. В дом сэнсэя приносили только цветы, букет за тысячу йен, таково было условие Чибы. На тёмной лестнице пахло старым деревом, сыростью, керосином – нищетою. Дверь открыла крошечная старушка в ветхом тёмном кимоно. Отступив несколько шагов, она легко, как пёрышко, опустилась на колени и распростёрлась на порыжелом от старости татами, прижавшись лбом к вытянутым вперёд рукам. Вновь прибывшая попробовала повторить движение, чувствуя себя слонихой, выполняющей балетные упражнения рядом с Улановой. Чиба посмотрела строго, но старания, кажется, оценила. Встав легко, словно поднятая ветерком, старушка засеменила маленькими ножками в пожелтелых, некогда белых носочках с отделённым большим пальцем. Бережно, как ребёнка, она приняла букет, осторожно положила его на низкий столик, и заговорила, перебирая сморщенными руками цветы.

– Мастер икэбаны должен извиниться перед цветком, – зашептала Наташа и смешалась. – Но это перед тем, как его срезать... – И призналась честно, что не понимает Чибину речь. И улыбнулась – Слова здесь не нужны!

Не обращая внимания на учениц, Чиба взяла ножницы. Её хрупкие ручки, обретая стальную поддержку, стали решительными, жёсткими. Старуха хищно щёлкала ножницами, нещадно кромсая стебли, листья и даже цветы.

– Чиба-сан принадлежит к радикальному направлению икэбаны, – тихо пояснила Наташа.

Наверное, идейные вожди этого течения рассматривали природный цветок, как очень сырой материал, подлежащий основательной обработке. Чиба говорила что-то ласково и тонко, словно птичка щебетала. И маленькая квартирка старушки напоминала скорее птичью клетку, чем человеческое жильё. Только в клетке богаче было с обстановкой, здесь же единственной мебелью был усыпанный цветами низкий стол. И старый таз, куда отправлялось то, что Чиба считала в цветке лишним.

Через полчаса усердной работы Чибы большая часть букета в мелко нарезанном виде переместилась в таз, а на столике в серой вазочке, если можно было так назвать комок высушенной глины, воздвиглось нечто похожее на новорожденного воробья со слипшимися перьями. Возможно, так и выглядит совершенство? Но благоухающий пёстрый ворох в тазу, отсечённый, обречённый, не уложившийся в строгие каноны икэбаны, ей нравился больше, чем стриженое произведение искусства.

Ей хотелось защитить цветы, спасти их от безжалостно щёлкающих ножниц. Ей вообще не нравились ножницы, как инструмент создания красоты, не нравилось, когда резали по живому, самонадеянно обстригая божьи творения... Наверное, профану, как она, не дано сразу постичь всю глубину японской икэбаны? И стоит ли судить по одному сэнсэю о великом искусстве? Да и была ли сэнсэем эта жившая на рынке нищая старуха? Или она просто пользовалась тягой иностранцев к экзотике, чтобы прокормиться? И, избегая проблем с властями, осторожничала, не впуская людей с улицы, не принимая денег. А цветочницы с рынка, наверное, поддерживали старушку, ведь Чибины ученики были их постоянными клиентами. Они с Наташей шли по Асаичи, где всё было нарезано, разложено, упаковано не продавцом, худож-

ником. И весь город был устроен тщательно и аккуратно руками Чибиных учеников. Каждый дом, как стриженная икэбана, не нёс ничего лишнего, каждое дерево было обрезано так радикально, что трудно было в нём признать породу, каждый садик простирали веточки только в нужном направлении. И ни одна не росла вкривь и вкось. Как повелел Господь Бог, не знавший законов икэбаны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.